

ЕВГЕНИЙ
КРАСНИЦКИЙ

ОТРОК БЛИЖНИЙ КРУГ

БЛИЖНИЙ КРУГ

СТЕЗЯ И МЕСТО

БОГАМ — БОЖЬЕ,
ЛЮДЯМ — ЛЮДСКОЕ

БФ-коллекция

Евгений Красницкий

**Отрок. Ближний круг: Ближний
круг. Стезя и место. Богам
– божье, людям – людское**

«Издательство АСТ»

2008-2010

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Красницкий Е. С.

Отрок. Ближний круг: Ближний круг. Стезя и место. Богам – божье, людям – людское / Е. С. Красницкий — «Издательство АСТ», 2008-2010 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-117740-9

Место и роль – альфа и омега самоидентификации, отправная точка всех планов и расчетов. Определяешь правильно – есть надежда на реализацию планов. Определяешь неверно – все рассыпается, потому что либо в глазах окружающих ты ведешь себя «не по чину», либо для реализации планов не хватает ресурсов. Не определяешь вообще – становишься игрушкой в чужих руках, в силу того, что не имеешь возможности определить: правильные ли к тебе предъявляются требования и посильные ли ты ставишь перед собой задачи. Жизнь спрашивает без скидок и послаблений. Твое место – несовершеннолетний подросток, но ты выступаешь в роли распорядителя весьма существенных ресурсов, командира воинской силы, учителя и воспитателя сотни отроков. Если не можешь отказаться от этой роли, измени свое место в обществе. Иного не дано!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-117740-9

© Красницкий Е. С., 2008-2010
© Издательство АСТ, 2008-2010

Содержание

Ближний круг	6
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	31
Глава 3	55
Часть 2	87
Глава 1	87
Глава 2	117
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Евгений Красницкий
Отрок. Ближний круг: Ближний
круг. Стезя и место. Богам –
божье, людям – людское (сборник)

© Евгений Красницкий, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Ближний круг

Часть 1

Конец июня – начало июля 1125 года. Село Ратное и окрестности, база Младшей стражи

Глава 1

Когда стало понятно, что Мишка пошёл на поправку, сотник Корней организовал для внука возможность «работать языком». Первым «на прием» явился Стерв. Мишка не только уважал его как великолепного профессионала, умеющего передать свои знания молодежи, но и просто симпатизировал ему как человеку. Из-за этого ему было несколько неловко называть охотника кличкой, неблагозвучной для уха человека XX века, но родового имени Стерва он, естественно, не знал, а от христианского Евстратий сам охотник кривился, как от зубной боли.

И ничего с этим не поделаешь – к крещению Стерв отнесся, как к неизбежному злу, в церковь ходил, как солдат в наряд; не скрываясь, носил на себе языческие амулеты и обереги и, в довершение ко всему, имел двух жен. Старшая жена – мать Якова – была сестрой тетки Татьяны, а младшую жену Стерв не то что не сосватал, а даже и не купил, получив в придачу к оплате за убийство медведя-людоеда в каком-то очень дальнем лесном селении.

По понятиям ратнинцев, вторая жена Стерва была холопкой, но, когда отец Михаил потребовал от охотника обвенчаться с первой женой, тот вознамерился поступить как раз наоборот – обвенчаться с младшей. Свои действия он объяснил сотнику Корнею, со своей точки зрения, вполне логично: «Вея и так жена, все это знают, а Неключу за холопку держат. Пусть Неключа тоже женой будет, да и имя сменить надо, больно неподходящее»¹.

Мишка здорово подозревал, что сделал такой выбор Стерв исключительно из чувства противоречия, та же мысль, видимо, закралась и в голову отца Михаила. Венчать Стерва с младшей женой он отказался, заявив, что сие будет нарушением таинства брака и поощрением блуда.

Так и остался Стерв официальным холостяком при двух женах. Яков, насколько понимал Мишка, к двоеженству отца относился совершенно спокойно, обе жены – тоже. Дед же, для виду посердившись, в конце концов заявил, что пути Господни неисповедимы и, рано или поздно, Господь лишнюю жену сам приберет, тогда и понятно станет, с кем надо венчаться.

Нынче Стерв пришел к Мишке по вопросу, вызывавшему у старшины Младшей стражи великую досаду вследствие непонимания причин происходящего: снятие дозора с берега болота, через которое уходили «люди в маскхалатах», ввиду полной бесполезности дальнейшего несения дозорной службы.

* * *

Еще в конце мая Мишка решил связаться с предшественником, в существовании которого был твердо убежден. Для этого он велел Якову развесить на ветках засохших деревьев, стоявших на болоте поодаль от берега, несколько дощечек с одним и тем же текстом. Того, что кто-нибудь прочтет написанное, Мишка не опасался. Во-первых, потому, что грамотные

¹ От древнеславянского «неключимый» – бесполезный.

люди XII века писали и, естественно, читали «уставом», то есть в понятиях XX века «по-печатному». Мишка же написал свой текст «по-письменному», украсив буквы, для затруднения восприятия, многочисленными хвостиками и завитушками. Во-вторых, даже если бы и нашелся умник, сумевший разобрать написанное, смысла он все равно не понял бы, потому что текст был таким:

«Центр – Штирлицу. Необходим контакт. Время и место – на Ваш выбор. Сигнал – эта табличка на дереве в виду населенного пункта Р.».

Якову, недоуменно рассматривавшему таблички, Мишка объяснил, что это наговор на тот случай, если люди, проходящие через болото, знают с нечистой силой.

Начало было обнадеживающим – менее чем через неделю две таблички с деревьев исчезли. А потом... Ответ оказался совершенно не таким, на который рассчитывал Мишка, как, впрочем, и не таким, какой собирался дать предшественник.

Заставу на болоте попытались уничтожить. Спасли ребят только охотничье искусство Стерва и здравомыслие Первака, чей десяток нес дежурство в ту ночь. Ночь выдалась дождливой и ветреной. Первак совершенно правильно рассудил, что часовые в такую погоду ничего не увидят и не услышат, сами же очень легко могут быть либо захвачены, либо убиты. Поэтому с наступлением темноты десятник собрал всех ребят в землянке, вырытой в стенке небольшого овражка, и насторожил приготовленные Стервом ловушки.

Под утро, когда начал стихать дождь, часовой услышал тупой удар, и сверху, почти ему на голову, свалился человек, сбитый с края оврага подвешенной на ремне колодой. Выглянув из-под навеса, парень различил наверху бледное пятно лица еще одного человека и, не раздумывая, выстрелил из самострела. То ли парню повезло, то ли учение пошло впрок, но он попал, и сверху грохнулся второй труп. Одновременно у входа в овражек раздался крик еще одного из нападавших, придавленного обрушившимся сверху бревном.

Высочившие из землянки на крик и шум ратники Младшей стражи лупили спросонья во все стороны из самострелов до тех пор, пока Первак не приказал прекратить это бесполезное занятие, а потом сидели настороже до самого рассвета.

Утром послали гонца в Ратное, а сами осторожно осмотрели местность, но ничего, кроме трех трупов, не обнаружили. Прибывшие Стерв с Яковым оказались более удачливыми в поисках. Обшарив берег болота, они отыскали сложенные в кучку шесть заплечных мешков. Очевидно, нападавшие перед атакой освободились от лишнего груза, а потом так торопились убраться восвояси, что бросили свои вещички.

Сколько было нападавших – шесть, по числу брошенных мешков, или больше, определить не удалось: дождь смыл все следы. В мешках тоже ничего особенного не нашлось, кроме одного – Мишкиной таблички с написанным на обратной стороне ответом. Мишка прочел ответ, и ему тут же захотелось что-нибудь сломать, разбить, а еще лучше кого-нибудь убить. Смысл набора примитивной матерщины с грамматическими ошибками сводился к простой мысли: «С тобой и с Нинеей будет то же самое».

Разумеется, автор не имел в виду, что Мишка с Нинеей будут лежать в вещмешке на берегу болота, послание, скорее всего, предполагалось оставить на трупах дозорного десятка, но события пошли по иному сценарию.

Пережив первый приступ ярости и недоумения, Мишка принялся более тщательно исследовать «послание». Обратную сторону дощечки, перед тем как сделать надпись, очень тщательно ошкурили, возможно, даже отполировали. После того как текст был написан, дощечку, для большей сохранности написанного, покрыли прозрачным лаком.

Сама надпись была сделана чернилами, по всей видимости, гусиным пером или чем-то, на гусиное перо похожим. Почерк был ужасным – то ли пьяный писал, то ли руки тряслись, то ли и то, и другое вместе. Знаков препинания не было вообще, в нескольких словах были пропущены или не дописаны буквы, а имя Нинеея написано с маленькой буквы и через «е» –

ненея. Заканчивался текст и вообще невнятно: «и запми падла». «Запми», видимо, означало «запомни», только что предлагалось запомнить? Текст на этом обрывался, хотя места хватало еще на несколько предложений.

Налицо вопиющий диссонанс: текст по содержанию и исполнению соответствовал настенным надписям в общественном туалете, а обработка дощечки – хорошей мебельной мастерской.

Мысленно помянув мистера Шерлока Холмса, эсквайра, Мишка попытался подвести итог своим наблюдениям.

«Итак, автор «послания», несомненно, ваш, сэр, современник по ТОЙ жизни. Никто из ЗДЕШНИХ ни прочесть, ни написать ничего подобного не смог бы. Значит, предшественник нашелся и сам подтвердил свое существование. Джаст э момент, сэр Майкл! А почему, собственно, предшественник? Может же быть и последователь! Что с того, что вы «посылочку» еще не отправляли? Отправите еще, какие ваши годы?»

В какой бы момент вашей жизни, сэр, и с какой бы периодичностью «посылочки» ни отправлялись, все они будут получены одновременно, потому что для адресата все моменты отправки находятся в прошлом. Так археолог может обнаружить в один день захоронения разных веков и даже тысячелетий. Просто они лежали в земле и ждали, пока их откопают. Одно чуть дольше, другое чуть меньше. Если же к вам заявился следующий «засланец», то, значит, «посылочки» вы отправляли (вернее, отправите), хотя до этого момента вы еще не дожили. Это, конечно, приятно – иметь гарантию, что проживешь еще долго – до отправки «посылочки», но... Увы, все-таки предшественник, а не последователь.

Последователь наверняка знал бы о вас, искал бы встречи, а не матерился, грозясь зарезать. А предшественник... Как там Максим Леонидович говорил? «Умер, утратил возможности, передумал». Что не умер – понятно. Утратил возможности? Ну уж нет! Посылает разведгруппы, варит стекло, хоть и посредственного качества, может приказать отполировать дощечку для письма, ну и прочее.

Значит, передумал, а ваше, сэр, появление стало для него неприятным сюрпризом. Почему? Другой бы на его месте обрадовался. Реакция его на ваше послание не была скоропалительной, имел он время подумать, пока дощечку полировали. И такое резкое неприятие!

Нет, хватит гадать, попробуем собрать все, что о нем известно, и составить, хотя бы в первом приближении, его портрет, как это Шерлок Холмс делал: по одной трости, или часам, или шляпе... У вас же, сэр Майкл, кроме дощечки есть еще и куча побочной информации. Начнем-с.

Пол. Разумеется, мужской. Гарантировать, конечно, нельзя, но все действия предшественника и текст письма несут на себе отпечаток именно мужской психологии. Какой бы крутой оторвой баба ни была, все равно все выглядело бы несколько иначе.

Возраст. Не пацан вроде вас, это точно. У него в подчинении вполне взрослые мужики, налажено какое-то производство и обучение военному делу, проводится какая-то политика, не просто так ведь он людей к себе собирает. Да и послание ваше, сэр, отнесли именно ему, а потом принесли от него же ответ. Совершенно однозначно: взрослый, дееспособный по ЗДЕШНИМ меркам мужик, «первое лицо» в местной иерархии. Вселялся он, так же как и вы, в детское тело, значит, ЗДЕШНИЙ его возраст минимум лет на десять – пятнадцать больше, чем ваш.

Место жительства. Разгромленное ратнинской сотней языческое капище... Когда ж это случилось-то? Дед говорил, что Лавру было года два, значит, чуть больше тридцати лет назад. Разгромленное тридцать лет назад языческое капище, находящееся к югу или юго-западу от Ратного.

Интересно, «вселение» произошло именно там или предшественник перебрался на это место позже? Вообще-то маловероятно: два «засыла» – и оба в одну и ту же местность.

Правда, разброс по времени... Стоп! А если он «вселился» не там? Тогда, чтобы перебраться на новое место и захватить там лидирующие позиции, надо было уже быть взрослым. Значит, он может быть еще старше, чем вы сначала решили.

Должность, род занятий. А вот это интересно! Границу между реальностью и виртуальностью он сечет не хуже вас, сэр Майкл, а следовательно, в священном для язычников месте запросто мог сделать карьеру волхва! Особенно если принес с собой ОТТУДА кое-какие полезные знания.

Кем же вы, уважаемый предшественник, были ТАМ? Первое, что приходит в голову – военный. Специфически, сообразно требованиям обстановки, обученный «спецназ», диверсионно-разведывательная деятельность, маскхалаты... Да и от эпистолярного жанра крепенько несет казармой. Это – серьезно. Если его угрозы не пустой звук и если народу он вокруг себя собрал достаточно, события могут принять весьма крутой оборот».

Так вот и закончилась первая попытка Мишки установить контакт с предшественником. Было это в конце мая, а сейчас, месяц спустя, Стерв предлагает снять заставу на болоте.

* * *

– Месяц уже, как никто через болото не шастал, старшина, нет смысла дальше стеречь, – спокойно объяснял Мишке Стерв, сидя возле его постели. – Не придут они больше. Я, было дело, опасался, что заявятся большой силой, даже показал ребятам, как незаметно уйти оттуда можно, но милостивы светлые боги, не довелось.

– Что ж, дядька Стерв, они совсем от нас отступились?

– Не думаю. Скорее всего, другой путь у них есть. Более дальний, чем-то неудобный, но есть.

– Неужели боятся? Пацанов-то?

– Вроде бы не должны, – Стерв задумчиво потерев кончик бороды. – По-дурацки у них все как-то в последний раз вышло. Должны же были подумать, что ловушки могут быть. И сбежали, как дети напуганные, даже мешки бросили. Как-то оно все, – охотник шаркнул по полу подошвой, словно гасил окурочок, и почесал поясницу, – не так! Не должно так быть! – Стерв помолчал, задумавшись, и наконец нашел подходящее сравнение. – Зверь так уходит. К примеру, волк подбирается к стаду, и тут его замечают: собака там или пастух. Тут он сразу же в бега и ударяется, хотя мог бы и с собакой справиться, и пастухи... тоже всякие бывают. Но там-то не звери – люди, да еще и воины!

– Значит, все-таки боялись, – сделал вывод Мишка. – Может быть, не пацанов, а Нинеи? Застава-то на ее земле стояла.

– А что? Может быть! – сразу же оживился Стерв. – Ночь, дождь, ветер! Идут по земле Великой волхвы, для того чтобы ей навредить... Дозорных на привычных местах не нашли, ничего не понятно. Жуть! И вдруг: бух, трах! Одного колодой в овраг сшибает, другого из самострела, третий орет, бревном придавленный... Тут не то что мешок – портки оставишь!

«М-да, не позавидуешь мужикам, прямо фильм ужасов какой-то. Так и бывает: «Паны дерутся – у холопов чубы трещат». Один волхв посылает лодишек против другого, и неизвестно, который из них сильнее... Стоп, стоп, стоп! Как он Нинею назвал?»

– Дядька Стерв, ты сказал: «Великая волхва»?

– Чего? – Стерв придурковато вытаращился на Мишку. – Чего сказал?

– Ты назвал Нинею Великой волхвой. Чем волхва Великая отличается от обычной?

– Так кто ж знает? – Стерв ухватился за какой-то мешочек, подвешенный к поясу, и принялся сосредоточенно соскребывать с него ногтем пятнышко. – Может, она и не Великая вовсе. Люди болтают, языки без костей.

– А что бывает, если два волхва между собой схватятся?

– Откуда ж мне знать? – Стерв пожал плечами. – Это у волхвов надо и спрашивать. *«Все, закрылся. Теперь ничего не добьешься. Ладно, попробуем по-другому».*
– Дядька Стерв, помнишь дощечки, которые я на деревьях развесил велел?
– Ну, – случайно оговорившийся охотник стал настороженно немногословным.
– А потом одну из этих дощечек нашли в брошенном мешке.
– Нашли, было дело.
– Так вот: на другой стороне той дощечки, в ответ на мой наговор, было написано заклятие, – Мишка в упор уставился одним глазом в лицо Стерву. – И в заклятии том Нинея помянута.

– И что?
– Смертью ей грозят. Не от ведовства, а от людей – от обычного оружия.
– Э-э! Обычным оружием ее не возьмешь! – Стерв облегченно вздохнул и беспечно махнул ладонью. – Простые люди к ней и близко не подойдут, не допустит.

– А издали? Стрелу с огнем, к примеру, в дом бросить?
– Не-а! Не выйдет ничего! – Уверенность охотника во всемогуществе Нинеи была непоколебима. – Не допустит она. Я, конечно, не знаю, но, может быть, и с десятком Первака так все обошлось, потому что она за ребятишками приглядывала.

«Безнадежно. У Нинеи непоколебимый авторитет. Стерв даже имя волхвы вслух произносить избегает – “она”, “ея”. Что ж делать-то? Зарежут же бабку и внучат не пожалеют. Вот тебе и “обратная сторона медали”».

– Значит, дядька Стерв, не будем Нинеину весь охранять? С болота дозор снимаем и никуда не ставим?

– Да зачем? Если она не захочет, никто и близко подойти не сможет.
– К наставнице ее Яге подошли. Пришли князьи дружинники с попами и убили.
– Так то – с попами, – уверенности в голосе Стерва поубавилось, он ёрзнул на лавке и беспокойно огляделся, как будто в горнице мог кто-то прятаться. – Попы, они, конечно... Да еще если не один... – охотник запнулся и вдруг посветлел лицом. – Не! Не полезет к ней твой тезка! Мне рассказывали: он раз уже к ней сунулся, так чуть живого обратно привезли. Беяна – подружка ее – умолила до смерти не убивать.

«Вот те на! А меня-то там вообще не было, что ли? Чудны дела твои, Господи, в информационном пространстве!»

– Ну хорошо, господин наставник воинской школы, а если Нинея сама повелит?
– Сама? Да зачем ей?
– Гредислава Всеславна не только волхва, но еще и боярыня древнего рода, – Мишка постарался уловить реакцию Стерва на это известие. Реакции не было, значит, знал. – Мы же не только воинская школа, но и боярская дружина боярыни. Пристало ли будущим воинам за спину старухи прятаться? Пристало ли боярской дружине боярыню свою не охранять?

– Гм. Это, конечно... И для учебы полезно...
Стерв снова поскреб поясницу и решительно заявил:
– Завтра же пойду места для дозорных выбирать.
– Э нет, господин наставник, один раз ты уже выбрал.
– Что? Плохо выбрал?
– Я не об этом. Ребят учить надо. Прикажи всем десятникам самим места для дозорных выбрать. Потом пусть каждый тебе выбранные места покажет и объяснит, почему выбрал именно так, а не иначе. А ты ему его ошибки укажешь.

– Точно! Так и сделаю! Будь спокоен, старшина, все устроим, как надо!

«Ну что ты будешь делать! Только решил, что, будучи «реалистом», можно крутить ЗДЕШНИМИ людьми, как заблагорассудится, и нате вам! Успех достигнут при переходе

совсем в иную область понятий – сословную. Средневековье? Разумеется, сэр, но не так-то все просто. Единого рецепта для индивидуальной работы в любых обстоятельствах все же не существует. Что ТАМ, что ЗДЕСЬ. Для массового сознания есть, а для отдельной личности нет. Потому-то она личностью и называется. Когда же личность растворяется в массе... М-да!»

Сразу же после ухода Стерва пожаловал второй посетитель. С «отчетом о проделанной работе» явился старшина плотницкой артели Сучок.

Во Христе плотницкий старшина звался Кондратием Епифанычем, что само по себе было удивительным, поскольку родом он был из какого-то лесного рязанского захолустья, и поверить, что в краю мешерских колдовских болот имеются люди, являющиеся христианами уже во втором поколении, было трудно. Прозвище же Сучок подходило ему как нельзя более.

Во-первых, бригадир плотников. Во-вторых, был Сучок телосложением мелок и жилист, в движениях быстр, характером же обладал въедливым и скандальным. Как терпели плотники его крикливость и придирчивость, совершенно непонятно, но терпели. Может, потому, что мастером Сучок был отменным. В-третьих, нажив к тридцати с небольшим годам роскошную плешь и имея совершенно заурядную внешность, блудлив был плотницкий старшина, как мартовский кот, неизменно оправдывая свое распутство пословицей «Кривое дерево в сук растет».

Пользуясь несомненным успехом у прекрасной половины рода человеческого, Сучок снискал себе столь же несомненную нелюбовь половины мужской. Подчиненные Сучка довольствовались лишь тем, что произносили прозвище своего старшины с двойным, а то и с тройным «С». Все же остальные то и дело норовили Сучка поколотить, в результате чего он, не став более благонравным, наработал изрядные навыки драчуна и приобрел привычку нигде и никогда не расставаться с засапожником и топором.

* * *

Оценить незаурядность личности Сучка ратникам довелось почти сразу же после прибытия артели в Ратное – в начале мая. Началось все с того, что плотницкий старшина воспылил страстью к вдове Алене. То, что ростом он был Алене всего лишь подмышку, Сучка ни в малейшей степени не смущало. Чтобы оправдать свои отлучки со стройплощадки, он изобразил необыкновенную набожность, которая, впрочем, мало кого ввела в заблуждение. Большую часть времени Сучок проводил не в церкви, а возле дома Алены.

Почти все женское население Ратного (и часть мужского) с нетерпением ждало столкновения последнего ухажера Алены (того самого ратника третьего десятка, публично битого поленом) с новым претендентом на ее благосклонность. И сие эпохальное событие воследовать не замедлило.

Битый поленом ухажер физическими статьями Сучка превосходил, к тому же был ратником, поэтому серьезного сопротивления от «штатского» не ожидал, за что и поплатился – сначала оказался лежащим на земле с расквашенной физиономией, а потом, при попытке подняться, получил еще сапогом под ребра.

Увиденное очень не понравилось двум его коллегам из третьего десятка, и тут Сучок на своей шкуре ощутил, что такое военные профессионалы. Буквально через несколько секунд он свалился под забором, предварительно крепко приложившись к шершавым бревнам лысиной.

С кем-нибудь другим на этом бы все и закончилось, но не таков был старшина плотницкой артели. Выхватив засапожник, он с отчаянным криком кинулся на обидчиков, вызвав у тех лишь веселое удивление шустростью и глупостью мелкого забияки. Нож из руки был выбит мгновенно, а сам Сучок снова направлен в полет – плешью в забор.

И снова поднялся! Те, кто наблюдал эту схватку, рассказывали потом, что на Сучка было страшно смотреть. Разодранная лысина, окровавленное лицо, оскаленные, красные от крови зубы, оторванный по самое плечо рукав рубахи, сползший на топор, который непонятным для зрителей образом оказался в руке плотника.

То, что шутки кончились, стало понятно после того, как Сучок молниеносным движением перебросил топор в левую руку, стряхнул на землю оторванный рукав и, снова перебросив оружие в правую руку, крутанул его так, как это умеют делать опытные воины с мечом.

Один из ратников, бывший при оружии, обнажил меч и, ответно прошелестев в воздухе лезвием, зловеще произнес:

– Ну, сморчок, сам наприсился.

Они пошли мелкими шажками по сложной траектории, одновременно сближаясь и стараясь зайти так, чтобы солнце светило в глаза противнику. Тут-то и стало понятно, что Сучку не впервой выходить с топором против меча, и поединок, скорее всего, закончится смертью одного из «дуэлянтов». Пусть в безоружном рукоприкладстве плотник и уступал ратникам, но топором он владел виртуозно и боевой опыт, по всей видимости, имел.

До смертоубийства не допустил Бурей. Большой любитель понаблюдать за чужой дракой, он сначала с удовольствием следил за шоу поверх своего забора, но как только дело приняло серьезный оборот, вымахнул на улицу, словно огромная горилла, мгновенно посшибал с ног всех троих подчиненных десятника Фомы, а Сучком просто хлестнул по забору, словно тряпкой.

Так в Ратном завелся еще один Бешеный. Не оценить стойкость и бойцовские качества Сучка в воинском поселении просто не могли, а потому никто особенно не удивился, что через несколько дней плотницкий старшина, сверкая намазанной целебной мазью плешью, сидел на крыше дома Алены и, весело переключаясь с хозяйкой, менял попорченную временем и погодой дранку.

Произошло все это в начале мая, а в середине месяца, через несколько дней после окончания строительства «учебной усадьбы» и переезда плотницкой артели в Нинеину весь, новый Бешеный схлестнулся с Бешеным старым – с Бешеным Лисом.

Если приказ и «техническое задание» на строительство усадьбы из плетней Сучок получил от самого воеводы Корнея, то строительством базы Младшей стражи дед приказал заниматься самому Мишке, о чем сообщил старшине плотников, не пожелав слушать никаких возражений. Прежнее задание плотники сочли просто боярской блажью, но подчинение четырнадцатилетнему пацану их не на шутку обидело.

Кипящий возмущением Сучок встретил Мишку, умученного первыми тренировками в «учебной усадьбе», кривой ухмылкой и, не поздоровавшись, осведомился издевательским тоном:

– Что прикажешь... боярин?

Мишка был уставшим, злым и заранее готовым к чему-либо подобному. Показательно игнорируя Сучка, он огляделся с высоты седла, словно не замечая стоящего перед ним Демку, и гаркнул:

– Дежурный десятник! Не слышу доклада!

– Господин старшина! – Демка попытался отодвинуть плечом Сучка, но тот уперся. – За время моего дежурства никаких происшествий...

– Сейчас будет тебе происшествие! – прервал Сучок доклад. – Сейчас ты у меня со своими игрушками...

Мишка ткнул указательным пальцем в сторону плотницкого старшины и рявкнул:

– Взять!

Со всех сторон придвинулись «курсанты», и по их лицам было видно, что замечание насчет «игрушек» они слышат уже не первый раз. У троих или четверых в руках покачивались кистени, двое скидывали с плеча свернутые кнуты. Сучок, по-волчьи ощерившись, сначала потянулся к засапожнику, потом, видимо передумав, потащил из-за пояса топор. Действительно, пугать ножом ребят в кольчугах было глупо.

Мишка встретился глазами с «курсантом», держащим в руке кнут, и, указав на ноги Сучка, сделал согнутым указательным пальцем такое движение, как будто цеплял что-то крючком. «Курсант» понимающе кивнул.

– Ну что, детишки? – начал было Сучок, но больше ничего ни сказать, ни сделать не успел.

Кнут заплел ему ноги и резким рывком опрокинул на землю лицом вниз. Тут же чья-то нога наступила на топорище, придавив заодно и пальцы. Ремень кистеня проскочил под подбородок и сдавил горло. Сучок захрипел.

– Вяжи! – распорядился Мишка и навел самострел на двоих плотников, собравшихся прийти на выручку своему старшине. Самострел не был взведен, но плотники этого не заметили и, растерянно переглянувшись, замерли на месте.

Сучка уже спеленали по рукам и ногам, и Мишка, уловив вопросительные взгляды «курсантов», указал на бревенчатый щит с нарисованным силуэтом человеческой фигуры. Щит предназначался для метания кинжалов. Сучка, с посиневшим лицом и вытаращенными глазами, потащили к мишени, а Мишка, нагнувшись к Демьяну, тихо спросил:

– Кто из твоих хорошо кинжал бросает? Понимаешь, о чем спрашиваю?

– Ага! – Демка мрачно ухмыльнулся. – Давно пора этого лысого поучить, больно много о себе понимает! Значит, так: Серька... то есть Серафим, Дементий и... нет, третьим лучше я сам буду.

– Плотников не подпускать, но и не гнать, – так же негромко приказал Мишка. – Держать под прицелом, чтобы дури не натворили.

– А если...

– Бить по ногам, но аккуратно, не калечить!

Растянутый веревками на мишени Сучок отдышался и принялся дергаться, попеременно то ругаясь, то призывая на помощь своих артельщиков. Мишка спешил, сунул кому-то повод, оглянулся на «курсанта», свалившего плотницкого старшину на землю, и громко окликнул:

– Старший стрелок Степан!

– Здесь, господин старшина!

– Надень ему шапку, – Мишка мотнул головой в сторону Сучка. – А то глаза слепит.

С разных сторон раздались смешки, Сучок побагровел. Степан подобрал шапку, с издевательской тщательностью отряхнул ее и напялил на голову хозяину. Мишка встал на позицию и извлек из ножен кинжал. Его движение повторили Демьян, Серафим и Дементий.

– Делай, как я!

Четыре лезвия поочередно сверкнули в воздухе, Сучок замер. Вокруг его головы образовался железный «нимб».

– Еще раз!

Еще четыре клинка вонзились в мишень. Реакция Сучка оказалась парадоксальной: он издевательски ухмыльнулся и заорал:

– Сопляки! Напугать захотели? Да я сам так умею, и не ножом, а топором! А вы топором можете? Щенки драные!

Мишка не торопясь подошел к мишени, стянул с головы Сучка шапку и так, чтобы было слышно всем, сказал:

– Топором не умеем, но за совет благодарю. Будем и этому учиться, на то и воинская школа. А учить будешь ты... если выживешь.

– Вас не учить надо, а драть, как...

– У тебя шапка не просвечивает? – прервал Сучка Мишка. – Дырок нет?

– Чего?

– Сейчас узнаешь, – Мишка поднял шапку кверху, посмотрел сквозь нее на солнце и удовлетворенно констатировал, – не просвечивает.

– Ты! Недоносок! Да я тебя...

Под вопли Сучка Мишка отошел на нужное расстояние, зарядил самострел и надвинул шапку старшины плотников почти до самого рта. Надо было добиться того, чтобы Сучок поверил: Мишка ничего не видит. Сучок поверил. Как только Мишка поднял самострел, он севшим вдруг голосом спросил:

– Эй! Ты чего удумал?

На голос Мишка уже однажды стрелял – на зимней дороге в Кунье городище. Самострел щелкнул, болт с хрустом вошел в бревно мишени. Вокруг наступила мертвая тишина. Мишка, не снимая шапки, снова зарядил самострел. Сучок молчал, вместо него подал голос один из артельщиков:

– Эй, парень! Кончай дурить!

Видимо, плотник попытался подойти, потому что послышался щелчок выстрела и звук болта, ударившего в землю. За этими звуками последовал комментарий Демьяна:

– Следующий выстрел – по ногам, потом – в брюхо.

– Да вы что, с ума все походили? – не успокаивался плотник. – Это ж не игрушки! Убьете же...

– Убьем, – новый голос принадлежал Перваку. – Наш старшина Михаил Фролыч боярского рода Лисовинов здесь царь и бог. Прикажет убить – убьем. Даже не задумаемся!

Дальнейших возражений со стороны плотника не последовало: холодная беспощадность в голосе Первака оказалась свехубедительной. С таким тыловым прикрытием можно было продолжать экзекуцию спокойно. Мишка поднял самострел, но Сучок не издавал ни малейшего звука.

– Сучок, ау! – позвал Мишка. – Голос-то подай!

Плотницкий старшина молчал и, кажется, не шевелился.

– Спой, светик, не стыдись! – продекламировал Мишка.

«Курсанты» отозвались радостным гоготом – басню про ворону и лисицу они от своего старшины уже слышали. Сучок молчал, как убитый.

– Степан, шевельни его! – распорядился Мишка.

Свистнул кнут, Сучок молчал.

– Сильнее!

На этот раз Степан хлестнул со щелчком, до Мишкиного слуха донеслось едва слышное мычание сквозь закушенную губу – Сучок боролся за жизнь из последних сил.

– Да что ж вы творите-то?! – снова подал голос плотник.

Мишка четко развернулся на звук и пообещал:

– Еще раз шумнешь – бью в тебя!

Ответом был шум, знакомый по Турову, – зрители шарахались с линии выстрела. Мишка вернулся в исходное положение и скомандовал:

– Степан! Еще раз, не жалея!

В ответ донесся звук удара и голос Сучка:

– Уй! Так тебя растак! Чтоб тебе...

Ждать окончания тирады Мишка не стал. Ноги Сучка были растянуты веревками в стороны, поэтому можно было стрелять вниз. Одновременно с ударом болта в бревно мишени Сучок замолк на полуслове, и снова наступила тишина. Мишка немного подождал, ничего не услышал и упер самострел в землю, собираясь надавить ногой на рычаг.

– Не нужно, Минь, – остановил его голос Демьяна. – Все. Спекся лысый.

Первое, что увидел Мишка, сдернув шапку, – бессмысленно уставившиеся в одну точку глаза Сучка. Плотницкий старшина бессильно обвис на веревках, борода его мелко тряслась, из рассеченной мочки уха (Степан действительно не пожалел) капала на рубаху кровь. Хвостовик болта торчал из бревна между ног Сучка, возле самой промежности.

Нет, старшина плотницкой артели не был ранен выстрелом и не потерял сознания от страха. Просто Сучок впервые в жизни столкнулся с еще большим отморозком, нежели он сам.

Собственно, именно такого результата Мишка и добивался. По дороге в Нинеину весь он не слишком долго ломал себе голову, изыскивая способ разрешения неизбежного конфликта с Сучком. Каким бы опытным скандалистом человек ни был, он готов противостоять кому угодно, только не самому себе. Сумей в точности сыграть скандалиста – и возьмешь над ним верх. Оставалось только представить, как повел бы себя Сучок, окажись он на месте старшины Младшей стражи. Мишка подумал-подумал и решил, что такой тип обязательно затеял бы какую-нибудь злую, смертельно опасную игру.

Дальнейшее было делом техники – изобразить старшину-отморозка, окруженного взводом таких же безбашенных парней. В доспехах, при оружии и без пригляда со стороны взрослых. Плюс незнание Сучка об умении Мишки стрелять на слух.

И еще один, но незапланированный плюс, очень серьезный – изящество ядовитой змеи, с которым подыграл старшине Первак. Мишке стало понятно, почему десятник пятого десятка Младшей стражи Первак, во Христе Павел, никогда не кричит на «курсантов» своего десятка. Голос, которым он говорил с плотниками, был голосом человека, умеющего и привыкшего убивать, причем, как показалось Мишке, получающего от убийства удовольствие. Такой Первак абсолютно органично вписывался в устроенное шоу, но это-то и было самым скверным: Мишка играл, Первак жил.

Вечером того же дня Мишка снова встретился с Сучком и двумя его помощниками. Откровенно говоря, он не ожидал, что Сучок придет, но плотницкий старшина оказался на редкость крепок как телом, так и духом. И вид у него был не злой или пришибленный, как можно было ожидать, а какой-то меланхолично-томный.

Задача перед Мишкой стояла посложнее, чем утром. Заставить себя слушать можно и силой, но вот убедить слушателей в том, что слушают они тебя не зря, – дело гораздо более сложное.

Мишка затеплил лампадку под маленькой иконой в углу, сохраняя стол свободным для макета крепости, заменяющего чертежи, расставил корчагу с медом и миски с закуской на сундуке. Посидел, вспоминая времена, когда работал заведующим социологической лабораторией, и воссоздавая настроение беседы с коллегами.

Вошедшие артельщики, повинуясь Мишкиному жесту, поставили на стол части макета, сработанного из глины и деревянных чурок, и неуверенно затоптались на месте. Потом заметили икону, сдернули шапки и закрестились.

С христианами преодоление неловкости первых секунд проблемы не представляло. Мишка тоже осенил себя крестным знамением и громко начал Предначинательную молитву:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий...

– Молитв ради, – дружно подхватили артельщики, – Пречистый Твоя Матере и всех святых, помилуй нас. Аминь. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе.

Последний раз перекрестившись, Сучок торопливо напялил шапку. Мишка отнесся к этому с пониманием. Повязка на рассеченном ухе, пересекая лысину, сохранившую еще следы ссадин от столкновения с ратниками третьего десятка, придавала внешности плотницкого старшины нелепо комичный вид.

Не давая продлиться паузе, Мишка наполнил медом три чарки, плеснул немного в четвертую для себя и радушным жестом предложил артельщикам угощаться. Помощник Сучка, тот самый, что пытался его защищать, поднял было чарку ко рту, но остановился и вопросительно глянул на Мишку.

– За что пьем... – он запнулся, раздумывая, как обращаться к мальчишке, но решение нашел быстро. – За что пьем, старшина?

«И не мечтай, хитрец, что я предложу выпить «мировую». Сучок сам напросился на неприятности, а я сделал то, что должен был сделать, иначе никакой нормальной работы на строительстве не было бы. Нет, мужички, вы мне выстроите именно то, что требуется, да не просто выстроите, а ударными темпами, с энтузиазмом и рационализаторскими предложениями. Потом еще и сами поблагодарите».

– За что-нибудь мы выпьем потом, когда будет за что, – ответил Мишка артельщику. – А сейчас просто примите по чарке, день был хлопотным.

Ни возражений, ни комментариев не последовало. Мишка отхлебнул из своей посуды, дождался, пока выпьют артельщики, и предложил:

– Закусите, чем бог послал. Кому по второй выпить хочется, не стесняйтесь, наливайте, а мне больше не стоит – непривычен по молодости.

Артельщики потянулись за закуской, а Мишка отошел к столу и принялся рассматривать макет. Уже несколько дней он ковырялся в памяти, вспоминая все, что видел, читал и еще откуда-нибудь знал о крепостях, рыцарских замках и прочих подобных сооружениях. Даже на его неискушенный взгляд, в представленный проект можно было внести сразу несколько существенных улучшений, все-таки XII век не был периодом расцвета крепостного строительства.

Однако начинать с недостатков не стоило. Когда артельщики, наскоро закусив (по второй наливать не стал никто), подтянулись к столу, он ткнул пальцем в деревянную чурочку, обозначавшую какое-то небольшое строение внутри крепости, и спросил:

– Это что?

– Кузница, – начал давать пояснения плотник, предлагавший Мишке сказать тост. – Без своей кузницы в крепости нельзя...

Мужик говорил совершенно очевидные вещи, но прерывать его Мишка не стал. Дослушал до конца, задал еще несколько вопросов, на которые получил столь же пространственные ответы. Артель свое дело знала, все было толково, логично, но объяснения артельщик давал длиннейшие и занудливые.

Что-то цепляло внимание, беспокоя, как камешек в сапоге, но Мишка никак не мог сообразить, что именно. Перешли непосредственно к оборонительным сооружениям. Тут тоже все было понятно: рвы, земляные валы, на них стены из срубов, заполненных землей, поверх срубов галерея для защитников, накрытая навесом. Теперь пояснения начал давать второй помощник Сучка, еще более подробно и занудно, чем его коллега.

«Давайте, давайте, ребята: объясняйте пацану, что дважды два – четыре. Чем длинней и занудливей, тем лучше. Я-то потерплю, а вот вы от своей затеи сами же и пострадаете – скучно же всю эту нудягу слушать, а корчага с медом рядом стоит. Так бы, может, и ничего, а когда скучно... То-то Сучок все в сторону выпивки косится и “специалист по внутркрепостной инфраструктуре” тоже».

Сучка отвлекал мед, а Мишку – досада на то, что забыл сразу же поинтересоваться именами помощников старшины. В строительстве «учебной усадьбы» они не участвовали – бродили по лесу в поисках мест обильного произрастания строительного материала и занимались другими подготовительными делами для строительства крепостцы.

Задав еще несколько вопросов и выслушав длиннющие ответы, Мишка решил, что пришло время для смены стиля общения и высказывания замечаний. Не поднимая глаз на Сучка, он негромко сказал, имитируя легкую досаду:

– Да не томись ты, выпей, если хочется, не свалишься же с пары чарок.

Надежда на то, что Сучок назовет кого-нибудь по имени, приказывая налить меду, не оправдалась. Артельный старшина просто толкнул локтем того из помощников, который стоял ближе к сундуку с посудой. Тот позвенел чарками и вопросительно произнес:

– Старшина?

Сучок обернулся, но оказалось, что мужик обращается к Мишке.

– Нет, – ответил Мишка, – мне не наливай.

– Что? – впервые за все время разговора подал голос Сучок. – Боишься от пары чарок свалиться? Так ты и первую неполную пил!

Подначка была настолько примитивной, что Мишке стало даже обидно.

– Тебе сколько лет, Сучок? – спросил он, не отрывая глаз от макета. – Наверно, побольше трех десятков? – и продолжил, не дав Сучку ответить. – А мне – четырнадцать. Привычки к хмельному нет, и голова мне нужна ясной – не в игрушки играем!

Сучок, уже неоднократно высказывавший по поводу «игрушек» совершенно противоположное мнение, на этот раз смолчал. Мишка, дождавшись, пока артельщики выпьют и закусят «а-ля фуршет» возле сундука, высказал свое мнение:

– Ну что ж, все придумано правильно и хорошо.

Артельщики одновременно глянули на своего старшину, а Сучок скептически ухмыльнулся – невелика честь мастерам от мальчишки похвалу услышать.

– Но есть способ кое-что улучшить, – продолжил Мишка. – Башни нужно выдвинуть так, чтобы в стену они входили только на толщину самой стены, не больше.

– Это зачем? – тут же отозвался «специалист по оборонительным сооружениям». – Так не строят!

Ухмылка Сучка стала еще более кривой, он даже прищурил один глаз, словно прицеливался в Мишку.

– Не строят, – согласился Мишка. – Но будут строить, а первыми начнем мы. Нужно это для того, чтобы удобно было стрелять сбоку по тем, кто будет лезть на стену. Поставим в башнях большие самострелы на станках и будем стрелять срезнями², чтобы рубить и ломать лестницы.

– Самострел на станке? – недоуменно спросил Сучок и обернулся к «специалисту по оборонительным сооружениям».

– Баллиста называется, – авторитетно пояснил тот. – Князь Олег Святославич такие в Новгороде-Северском поставил. Он же в ссылке в Царьграде был, там у греков и высмотрел.

– Нет, не баллиста! – возразил Мишка. – Она только издали на самострел похожа, но стреляет не за счет силы согнутого дерева, а за счет силы скрученных жил или волос. Баллиста, конечно, оружие мощное – на четыре-пять сотен шагов кидает камень весом в греческий талант... по-нашему это будет полтора пуда и пять больших гривенок. Правда, большая она, тяжелая, обслуги надо чуть не десяток человек и заряжается долго. Баллисты для осады городов хороши, а нам ни к чему, да и не поместится все это хозяйство в башню.

Сучок зло зыркнул на «специалиста по оборонительным сооружениям», тот смущенно кашлянул, прикрыв рот рукой. Второй помощник плотницкого старшины, прихвативший с сундука что-то из закуски (наверно, чтобы не скучно было стоять, слушая пространные объяснения), не донес кусок до рта и уставился на Мишку с нескрываемым удивлением. Правда, было непонятно, что его удивляет: «нестандартность архитектурного решения», познания в области военной техники или лихой пересчет греческого таланта в пуды – новомодную систему мер, только-только начавшую внедряться на Руси³.

² *Срезень* – наконечник стрелы с широким режущим лезвием, обращенным вперед.

³ Пуд, как единица веса, впервые упоминается в грамоте князя Всеволода Мстиславича в 1134 г.; пуд заключал в себе 16

– И еще, – продолжил Мишка, – башни надо ставить чаще, чтобы расстояние между ними было не больше пятидесяти шагов.

– А это еще зачем? – возмутился Сучок. – Да ты знаешь, сколько это стоит... – плотницкий старшина запнулся и сформулировал свой вопрос по-другому: – Да ты знаешь, сколько народу понадобится?

– Народ будет, – уверенно ответил Мишка. – После жатвы.

Причина запинки Сучка Мишке была хорошо понятна. Закупом купца Никифора, вместе со всей своей артелью, Сучок стал недавно и с трудом привыкал к тому, что работает на хозяина бесплатно.

– После жатвы? Да там до осени всего ничего, дожди зарядят, какое строительство?

– Вот поэтому-то и начнете не со стен и башен, а с жилья для учеников воинской школы. Скоро их число удвоится, а нам и так тесно, чуть ли не на головах друг у друга сидим.

– А-а! Так это из-за тесноты твои ребята под дверь толкаются! – изобразил прозрение Сучок. – А я-то думал, что ты с нами в одиночку остаться боишься!

– Опасаюсь, – не стал спорить Мишка. – Утром тебя одного-то еле уgomонили, а тут вас трое.

Было заметно, что Сучку очень хочется плюнуть с досады. На обе его подначки Мишка отреагировал не так, как должен был реагировать четырнадцатилетний мальчишка, а уж напоминание об утреннем «расстреле»...

– Башни-то для чего так часто? – напомнил «специалист по оборонительным сооружениям».

– Ты прости, мастер, – Мишка вежливо склонил голову. – Забыл сразу спросить: как тебя величать?

– Шкрябкой его величать, Шкрябкой! – встрял Сучок.

Меланхолия его как-то незаметно испарилась, и плотницкий старшина снова обрел обычную непоседливость и задиристость.

– А...

– А его – Гвоздем! – не дал Сучок открыть Мишке рот. – А меня – Сучком, а тебя...

Сучок опять запнулся. Христианское имя Мишки он знал. Знал также, что «курсанты» зовут его старшиной, но все это было не то, что нужно.

В ратнинской сотне, в течение сотни лет противостоящей язычникам, сложилась традиция подчеркнута называть друг друга христианскими именами. Исключения у мужчин были редкими: Бурей, Пентюх... Если уж к человеку прилипла кличка, то упоминалась она вместе с именем: Лука Говорун, Леха Рябой, Фаддей Чума. Женщин, взятых замуж из дреговических родов, хоть и крестили, довольно часто звали прежними языческими именами, но это, как правило, было решением их мужей.

Иное дело в других местах. Князья имели, как минимум, два имени – христианское и традиционное славянское, именовавшееся княжеским. Остальные же наряду с именем, данным при крещении, и, у кого было, родовым именем почти обязательно получали кличку, порой весьма неблагозвучную. Именно эта кличка употреблялась в разговорной, а зачастую и в письменной речи.

Мишкиной клички Сучок не знал, потому и запнулся.

– А я – Михаил, – Мишка снова вежливо склонил голову. – Сын Фрола, из рода бояр Лисовинов. Еще, бывает, кличут Бешеным Лисом или просто Бешеным. А вы, мастера, как во Христе наречены?

– Варсонофием крещен, – Гвоздь изобразил полупоклон, – но зови, как все, Гвоздем.

– В Святом крещении наречен Нилом, – Шкрябка поклонился чуть глубже «коллеги». На употреблении клички он, в отличие от Гвоздя, настаивать не стал.

Мишка перевел вопросительный взгляд на Сучка.

– Сучок я, Сучок! – отозвался скандальным тоном плотницкий старшина. – А ты – Лис! Лис, лучше не скажешь!

Мишка сделал вид, что полностью удовлетворен ответом, хотя до удовлетворения было далеко. Сучок все-таки отыграл у него пару очков, не позволив Мишке самому выбирать, как обращаться к плотницкому старшине и, что более чувствительно, сам как бы нарекая кличкой старшину Младшей стражи. Теперь, в этом не было ни малейшего сомнения, иначе как Лисом Мишку в плотницкой артели звать не будут.

«Не самый худший вариант, сэр Фокс. Однако теперь звать Сучка Сучком вам «западло» – терять лицо нельзя. Придется обращаться по должности – «старшина». И ребятам наказать, чтобы так же обращались. У Сучка своя команда, у вас своя, но он – просто «старшина», а вы – «господин старшина». Две большие разницы, как говорят в Одессе».

– Ну вот, старшина, – Мишка выделил интонацией последнее слово, указывая, что впредь так и будет называть Сучка, – наконец-то познакомились. Лучше поздно, чем никогда.

– Хватит кланяться, дело говори! – повысил голос почти до крика Сучок. – Для чего башни так часто ставить?

«Ага, почувствовал, что я этот раунд вничью свел. Ты мне кличку дал, я – тебе. «И кто ж с нас моложе?»».

– Причин для этого имеется две, – принялся объяснять Мишка. – Первая в том, что если одну из башен захватят, с соседних можно ее болтами засыпать и под прикрытием стрелков отбить. Самострелы у моих ребят с пятидесяти шагов и кольчугу, и кожаный доспех, и стеганый пробивают надежно. Отсюда и расстояние. Вторая причина в том, чтобы осаждающим неудобство создать. Ров обычно засыпают в каком-то одном месте, ну бывает, в двух. Значит, врагам придется столпиться на нешироком участке, потому что обегать башню, да еще с тяжеленными лестницами на горбу – дурных нет. Тогда и защитникам можно в этих местах погуще собраться – легче отбить приступ.

Сучок вопросительно глянул на Нила, тот задумчиво поскреб в бороде, зачем-то потрогал одну из башен на макете и наконец вынес вердикт:

– Вроде бы все верно, но работы прибавится. Вот, скажем, полсотни шагов... – Гвоздь развел большой и указательный пальцы правой руки и «пошел» этим «циркулем» вдоль стены. – Раз, два, три, четыре...

Мишка вместе со всеми следил за манипуляциями Гвоздя и вдруг понял, что именно не давало ему покоя, цепляя сознание. Форма периметра! Будущая крепость получалась вытянутой вдоль берега реки, хотя разумнее было бы сделать совсем по-другому.

На том месте, где планировалось поставить крепость, в Пивень почти под прямым углом впадал ручей, прорывший на своем пути небольшой овраг. Вторую стену крепости можно было бы вытянуть вдоль этого оврага.

– Тридцать шесть! – закончил подсчеты Гвоздь. – Тридцать шесть башен выходит. Изрядно!

«Бред какой-то! Почти полкилометра в длину и метров сто пятьдесят в ширину. Ничего себе «крепостца», по площади больше Ратного получится!»

– Погодите-ка, мастера! – Мишка выставил руку в протестующем жесте. – Вам малую крепостцу заказывали, а вы что удумали? Да сюда все Ратное поместится!

– Шьем на вырост! – тоном модного портного отозвался Сучок.

Мишке так и показалось, что он сейчас добавит: «Где талию будем делать?»

– Ты, Лис, когда-нибудь великие рати водить станешь, где-то ж их надо будет размещать! – ехидно добавил плотницкий старшина и хитро подмигнул Нилу.

Тот, занятый какими-то мыслями, шутки начальника не принял и вполне серьезным тоном объяснил Мишке:

– На острове свободного места оставлять нельзя, чтобы врагам простора не было.

– На каком острове?

– Он не знает! – Сучок довольно хихикнул. – Ты как место для крепости выбирал, Лис?

– Никак не выбирал, – Мишка понимал, что из него делают дурака, но ничего с этим поделать не мог. – И никто не выбирал. Воевода Корней Агеич приказал, и все.

– Дурак твой воевода! И все вы тут...

Мишкин кинжал чиркнул Сучка по бороде, немного не достав до горла, плотницкий старшина отшатнулся, злобно оскалился и медленно завел правую руку за спину, но в дверь уже лезли, хищно поводя взведенными самострелами, услышавшие Мишкин свист «курсанты». Гвоздь и Нил шарахнулись к стенам, а Сучок замер, повернувшись лицом к двери. Теперь стало видно, что его правая рука, заведенная за спину, уже легла на обух топорика, засунутого за пояс.

– Что, Лысый, все тебе нейдет? – громко спросил Демьян и разрядил самострел прямо под ноги Сучку.

Видимо, болт ударил настолько близко к ногам, что Сучок невольно отпрыгнул. Снова щелкнул самострел, заставив плотницкого старшину подпрыгнуть еще раз. Из толпы «курсантов» раздался довольный голос:

– Во! Попляши, Лысый!

«Сговорились, что ли, поганцы? Но всё «в елку»! В самый раз!»

Под гогот «курсантов» Сучок прыгнул еще дважды, налетел задом на стол с макетом крепости и, тут же получив от Мишки деревянной чуркой по затылку, затравленно обернулся.

– В глаза воеводе Корнею свои слова повторить сможешь? – глядя на Сучка в упор, спросил Мишка. – Или засышь, старшина?

Губы Сучка дрогнули, но он ничего не сказал, лишь слегка повел правым плечом, все еще держа руку заведенной за спину.

– Только дернись, дурень лысый, – донесся от двери голос Демьяна. – Прочь руку с топора!

Сучок несколько секунд постоял неподвижно, потом расслабился и выпростал руку из-за спины.

– Старший стрелок Федор! – позвал Демка.

– Здесь, господин десятник!

– Забрать у лысого дурня топор! Только сам под выстрел не подвернись.

– Слушаюсь, господин десятник!

Сучок не пошевелился, когда Федор вытаскивал у него из-за пояса топор, но выражение лица у него было такое же, как у мужиков, которым медсестра делает укол в задницу.

– Ну так что? – снова спросил Мишка. – Повторишь свои слова воеводе Корнею?

– Пош... – Сучок шумно сглотнул и выговорил, глядя в стол, – пошутил я.

– Мы тоже, – Мишка убрал кинжал в ножны и добавил: – Только шутки у нас разные: у тебя – дурные, у нас – воинские, – потом поднял глаза на Демьяна и уже другим тоном спросил. – Демка, пол-то здорово болтами расковыряли?

– Не-а! – отозвался Демьян. – Мы тупыми болтами били. Охотничьими, которые на белку, на горностаю...

Поломать кости можно было и такими, но так Сучку, наверно, было еще обиднее – стреляли, как в мелкую дичь.

– А лысый дурень не понял! – добавил кто-то из «курсантов», в ответ раздалось хихиканье.

– Смирна-а! – рявкнул Мишка. – Слушай приказ!

«Курсанты» замерли, в горнице повисла тишина, слышно было только, как опять шумно сглотнул Сучок.

– «Лысого дурня» впредь поминать запрещаю! – продолжил командным голосом Мишка, поочередно фиксируя взглядом каждого из своих парней. – Обращаться к нему только со словом «старшина»! И остальным мой приказ передать!

– А как же...

– Что непонятно, десятник Демьян?

– Господин старшина, дозволю обратиться?!

– Слушаю, – разрешил Мишка и тут же прикрикнул на зашевелившихся «курсантов». – Команда «смирно» была!

Ребята снова замерли, и в наступившей тишине прозвучал вопрос Демьяна:

– Ты старшина и... этот, как же так?

– Я – господин старшина, – с нажимом на слово «господин» ответил Мишка. – Понятно?

– Так точно, господин старшина!

– Кру-гом! На выход, ступай! – скомандовал старшина Младшей стражи и, спохватившись, добавил: – Кто-нибудь болты подберите.

Пока «курсанты» выходили, Мишка старался разобраться в выражении лица Сучка. Кажется, в нем не было ни злости, ни ненависти – одно только тоскливое недоумение. Он словно спрашивал: «Господи, куда я попал? И как мне теперь тут жить?» Точки над «i» надо было расставлять немедленно, пока у Сучка подходящее состояние, и, если получится, раз и навсегда.

– Слушай, старшина, – обратился к нему Мишка. – Ты сюда не моей волей попал и не волей воеводы Корнея. Ты приехал и уехал, а мне из ребятишек воинов воспитывать надо. Христом Богом тебя прошу: не доводи до греха, – Мишка как бы невзначай положил руку на рукоять кинжала. – Не порти мне ребят.

– Чего? – Сучок ожидал чего угодно, только не того, что услышал.

– Того! Ты думаешь, я «лысого дурня» ради тебя запретил? Ради них! – Мишка указал подбородком на дверь, за которой скрылись ученики воинской школы. – Ребята должны старших уважать, а как тебя уважать, если у тебя язык и руки-ноги отдельно от головы живут? Или тебе норов дороже жизни? Тогда скажи – я тебя небожно зарежу. Только это предательством будет, и с тебя на том свете, как с Иуды Искариота, спросится.

– Чего? – еще раз повторил Сучок, глядя на Мишку, как на сумасшедшего.

– Ничего! Ты о них подумал? – Мишка указал на Гвоздя, все еще стоявшего возле стены. – Они в закупы под твоим началом угодили, под твоей рукой и освободиться должны. Но у нас – в воинском поселении – ты, со своим норовом дурным, долго не выживешь. На прошлой неделе тебе повезло, Бурей – добрейшей души человек – тебя от смерти спас. В другой раз так не выйдет. Получится, что бросишь ты своих людей. Оставишь в трудное для них время. Не дорога тебе жизнь? Черт с тобой, но ребят мне не порти!

Сучок растерянно оглянулся на своих помощников. Гвоздь едва заметно пожал плечами, а Нил посмотрел на своего начальника так, словно видел его впервые в жизни. Плотницкий старшина кашлянул в кулак, оправил на себе рубаху, машинально завел руку за спину и, не нащупав на привычном месте топора, снова бестолково заелозил руками по телу.

Понять его было можно. Дважды на протяжении одного дня его унизили какие-то непонятные пацаны, обвешанные воинским железом. Четырнадцатилетний мальчишка выговаривает ему, как седовласый старец несмышленишу, и ведь не возразишь! Смерть, оказывается, стережет чуть ли не за каждым углом. А еще долг купцу Никифору возвращать. И семьи артельщиков – неизвестно где и как.

Все перевернулось с ног на голову. Мир, пусть и не ласковый, но знакомый и понятный, вдруг стал непостижимым и смертельно опасным. Окружающие люди, как выяснилось, живут

по каким-то зверским законам, не расставаясь с оружием, подчиняясь лающим командам, но при этом сохраняют способность, как обычные люди, смеяться, воспитывать детей в уважении к старшим и (совершенно непостижимо) быть милосердными.

«М-да, попал ты, шер ами Сучок, как защитник прав сексменьшинств в казарму ОМОНа. Как ты раньше-то не угробился с таким характером? А может, ты поразумнее раньше был? Возможно, став закупом, ты никак не можешь выработать нужную линию поведения и от неумения приспособиться к новым обстоятельствам идешь вразнос? Это вообще-то легко лечится, но поймешь ли ты меня, захочешь ли слушать?»

Будь оно все проклято! Четырнадцать лет... Сучок на меня и без того как на чудо-юдо смотрит. Может, к Нине его сводить? Непредсказуемо, он же христианин. Но не к отцу же Михаилу! Тот будет Сучку дудеть про кротость и смирение гордыни, пока в ухо не получит, с Сучка станется».

– Выпей-ка, старшина, – Мишка кивнул в сторону сундука с посудой. – Там еще должно остаться.

Сучок глянул на корчагу с медом, будто узрел посреди океана спасательный круг, шагнул к сундуку и, не пользуясь чаркой, выхлебал остатки хмельного прямо из корчаги, пачкая пролившимся медом бороду и рубаху. Утерся рукавом, опустился на лавку, положив на колени сцепленные пальцами руки, опустил голову и тяжело вздохнул. Столько было в этом вздохе безысходности... Куда девался забияка и горлопан, не раздумывая кидавшийся с одним засапожником на трех здоровенных мужиков?

– Вот что, старшина, – негромко заговорил Мишка, – можешь, конечно, меня не слушать, но совет я тебе все-таки дам. Наплюй на все. Я не говорю: берегись, будь осторожным и покладистым, терпи обиды. Нет, просто наплюй. У тебя есть только одна цель, только одно дело, только одна обязанность – вытащить артель из долговой ямы. По сравнению с этим все остальное – мелочь, суета, можно наплевать.

Мишка внимательно следил за реакцией Сучка. Плотницкий старшина не изменил позы, не пошевелился, но стало понятно: слушает.

– Вокруг тебя будут происходить самые разные вещи, – продолжил внушать Мишка, – плохие или хорошие, опасные и нет, веселые или грустные. Может случиться всякое: обиды, насмешки, неудачи, беды. Смотри на все это только с одной стороны: помогает это вызволению твоих людей и их семей, мешает или вообще не имеет к этому никакого отношения. Научись, заставь себя смотреть на любое событие, на любого человека только так. И тогда ничто постороннее тебя не затронет, все окажется мелким и не стоящим внимания.

Сучок сидел не шевелясь, Гвоздь и Нил не издавали ни звука, но Мишка их не видел, сосредоточив все внимание на плотницком старшине.

– Если одна цель, одно дело станет для тебя смыслом жизни, то не страшно ничего: голод, холод, боль, душевные муки – все это будет проходить мимо, не задевая тебя. Не захочется ни скандалить, ни драться. Тебе даже будет казаться странным, что кто-то тратит на такие пустяки время и силы. Цель – вызволение своих людей – достойна честного мужа, достойна того, чтобы забыть ради нее обо всем другом. Поверь мне, я знаю, о чем говорю. Если не веришь, то хотя бы попробуй. Убедишься сам: станет легче жить, станет понятно, как жить. Еще раз повторю: наплюй на все. На все, кроме одного, и тогда, рано или поздно, своего добьешься.

Сучок так и не пошевелился, но уже одно то, что он слушал, что не прервал или не показал, что все сказанное представляется ему чепухой, обнадеживало.

«Может, ничего и не выйдет, но хотя бы нарываться на неприятности перестанет, уже хорошо. А там, глядишь, что-нибудь и переменится к лучшему. Если же убьют или серьезно покалечат, то ничего уже не переменится никогда».

Мишка повернулся к Гвоздю и, стараясь не выглядеть празднотлюбиво, спросил:

– Как вас угораздило-то всей артелью – в закупы?

Гвоздь в ответ лишь безнадежно махнул рукой. Мишка настаивать не стал и заговорил деловым тоном:

– Ладно, давай объясняй: откуда взялся остров и почему выбранное место плохим оказалось.

– Там под землей водяная жила проходит. Нельзя над ней строиться – дома гнить будут, люди болеть.

– Точно знаешь?

– Точно. Мы со Шкрябкой несколько раз с лозой проходили. Да и так понятно: ни птичьих гнезд, ни звериных нор. Мышки самой малой не увидишь. Зверье плохие места чувствует, в сторонке держится.

Принципы работы лозоходцев Мишка понимал смутно, но в результативность их верил – однажды сам убедился на практике. Про существование геопатогенных зон знал, как знал и то, что предки места для проживания выбирать умели. Это тебе не Петр I, засадивший столицу в болото по соседству с тектоническим разломом.

«Но Ниня-то! Неужели не знала? Никогда не поверю! Почему же не предупредила? Опять волхвовские штучки? Церковь сгниет, люди переболеют, и тут мудрая волхва... Блин, неужели даже ребят не жалеет ради укрепления веры в себя – великую и ужасную? А не паранойя, сэр Майкл? Да черт его знает! Тут во что хочешь поверишь».

От размышлений Мишку отвлекли Нил и Гвоздь, сдвинувшие макет на край стола и притащившие от двери ведро, до половины наполненное влажным речным песком. Высыпав песок на стол, Гвоздь слепил из него какую-то вытянутую фигуру и принялся объяснять:

– Тут, с полверсты ниже по течению, есть не холм, а так – взгорок небольшой. Когда-то давно Пивень его с юга обтекало, а сейчас течет с севера, но старица осталась. В половодье, конечно, старицу заливают, да и ключ в ней со дна бьет, так что вода в восточной части старицы есть всегда. Получается как бы остров. Вот на нем-то крепость поставить в самый раз будет. Концы старицы плотинами перегородить – вот тебе и ров с водой, ключ его быстро наполнит. Получится глубоко, примерно в полтора-два человеческих роста, и широко – шагов двадцать пять – тридцать. А сам остров сухой, вода близко к поверхности не подходит. Очень хорошее место. И с насыпкой валов возни особой нет. Остров высокий, середину взгорка срыть, а на краях землю подсыпать. Получится примерно три человеческих роста, потом точнее скажу. А стены поставим так.

Гвоздь принялся чертить пальцем на песке контуры крепости, а Мишка задумался над услышанным.

«Полтора-два человеческих роста – это глубина никак не меньше трех метров. И дно старицы находится выше уровня воды в Пивени, за исключением периода половодья, разумеется. Если поставить плотины, а лишнюю воду спускать через них по желобам, то напора хватит, чтобы крутить водяные колеса».

– Слушай, Гвоздь, а вы водяные колеса делать умеете?

– Он умеет, – Гвоздь кивнул на все еще сидящего неподвижно Сучка. – А зачем колеса?

– Как – зачем? – Мишка заговорил так, будто Гвоздь не понимает очевидных вещей. – Есть перепад воды в два человеческих роста, есть родник, который все время добавляет воды, есть чем крутить водяные колеса! Целых четыре!

– Да зачем четыре-то? – удивился Гвоздь. – Мельницу хочешь поставить? Так одного хватит.

– Почему только мельницу? А молот кузнечный поднимать? А пилы на лесопилке вверх-вниз дергать? Вам что, доски для строительства не нужны, брусья, прочие пиленые вещи?

– Какая-токая лесопилка? – заинтересовался Нил. – При чем тут водяные колеса?

– Да все просто! – Мишка разровнял песок, стерев чертеж Гвоздя, и начал чертить на нем свой. – Смотрите! Вот так от водяного колеса крутится другое колесо наверху. К верхнему колесу крепится тяга, она тягает пилы вверх-вниз. Здесь наклонный желоб, в него кладем бревно, и оно от собственной тяжести наползает торцом на пилы. Какое расстояние между пилами, такой толщины доски и выходят. По краям получается горбыль, но и ему тоже применение найти можно. А если пилы расставить широко, чтобы только горбыль срезали, то за два прохода из бревна получается брус...

– Погоди, погоди, – прервал Мишку Нил. – А где такие пилы взять? Гнуться они не будут?

– У Мудилы⁴ надо спросить, – перебил напарника Гвоздь и пояснил для Мишки. – Мудила – кузнец наш. Хороший мастер, только думает долго. Мы тут в лесу кузницу брошенную нашли, так он уже два дня раздумывает: то ли там работать, то ли сюда все перетаскать. Странно как-то: инструмент, железо в крицах, уголь, руда – все лежит нетронутое, а людей нет, словно вымерли.

– Вымерли, – подтвердил Мишка. – У нас моровое поветрие было, вся весь и вымерла. Тех, у кого вы на постое живете, мы только весной сюда привели. А кузница в лесу, наверно, не зря стоит, скорее всего, там где-то рядом болотная руда есть. Кстати о постое. Пора бы вам своим жильем обзаводиться, хватит по чужим избам тесниться, да и на работу ходить далеко.

– Значит, согласен на острове крепость ставить?

– Согласен, – Мишка утвердительно кивнул. – Только не совсем так, как вы задумали. Ну-ка, Нил, рисуй снова.

Нил быстро изобразил на песке контур стен крепости, повторяющий контур берегов острова. Получился неровный эллипс.

– Не так! Стены надо спрямить, – Мишка несколькими линиями обозначил ровные линии стен, превратив эллипс в неправильный многоугольник. – Если стены прямые, вдоль них стрелять удобнее, я же уже объяснял!

– Тогда на берегу под стенами много свободного места останется, – возразил Нил. – Ворогам просторно будет.

– Ничего, берег подкопаем, – отмел возражения Мишка. – А чтобы не оплывал, укрепим сваями. Не это, мастера, главное. Не нужна нам сейчас такая большая крепость, да и народу у меня столько нет.

– В таком разе, – предложил Нил, – можно сначала детинец в середине острова поставить, а потом, как народу наберется, уже и стены вдоль берега возводить.

– Нет, поступим по-другому, – Мишка двумя вертикальными линиями разделил чертеж крепости на три части. – Что такое «равелин», знаете?

– Равелин?

– Да, – Мишка указал на отсеченную его линией часть чертежа крепости, величиной примерно с четверть. – Это кусок крепости, стоящий отдельно. Ну вроде бы как детинец, но поставленный снаружи, перед воротами. Чтобы пробиться к воротам, надо сначала пройти через него. А если пройдешь – перед тобой опять ров и опять стена. А силы-то и время уже потрачены!

– Хитро, – Нил понимающе кивнул. – Да, так нигде не строят.

– Вот с восточного равелина строить и начнем. В нем пока все мое войско поместится и еще место останется, а остальное потом будем достраивать. Пока же начинайте строить с жилья для воинской школы и выделите сколько-то человек для того, чтобы построить жилье для себя. Хватит вам на постое по чужим домам тесниться. Пока ставьте одно жилье для всей артели, а как равелин закончите, приметесь за настоящее жилье, чтобы семьи сюда привезти можно было.

При последних словах Сучок поднял голову, а Нил задумчиво прокомментировал:

⁴ От древнеславянского *мудити* – медлить.

– Значит, мы сюда надолго попали.

– Надолго, – согласился Мишка, – а потому надо обживаться как следует.

– Так, – Нил, упершись ладонями в край стола, навис над чертежом. – А что внутри этого... равелина кроме жилья ставить будем?

Дальше разговор пошел вполне деловой. Спорили, обсуждали, чертили по песку, стирали начерченное, снова чертили. Когда понадобилось делать расчеты, Мишка снова удивил мастеров, перемножая большие цифры «столбиком» на том же песке. Мастера Мишку тоже удивили – бригада Сучка оказалась комплексной. Кроме плотников и кузнеца в ней оказался и свой печник, и редкий по нынешним временам специалист – кирпичник. Артель, оказывается, была способна сдавать любой объект «под ключ».

Мишка все время ждал, что Сучок присоединится к обсуждению – у Нила и Гвоздя после известия о возможном приезде семей настроение явно переменялось, но плотницкий старшина продолжал сидеть молча.

За окошком стемнело, Мишка зажег свечи в резных лакированных подсвечниках. Нил и Гвоздь тут же, как и рассчитывал Мишка, заинтересовались – покрутили подсвечники в руках, похвалили работу. Мишка рассказал о токарных станках, разговор снова ушел в сторону, потом опять вернулись к теме строительства.

Дударик сыграл отбой, снаружи наступила тишина, а обсуждение проекта все продолжалось. Наконец, чувствуя, что и он сам, и мастера устали, Мишка предложил продолжить в следующий раз, и артельщики, позевывая, тронулись на выход.

Сучок, пропустив Нила и Гвоздя, прикрыл за ними дверь и, испытующе глядя на Мишку, спросил:

– Тебе сколько лет, Лис?

– Четырнадцать.

– Врешь!

– Другого ответа не будет, старшина. Ступай.

– Ну как знаешь, – Сучок немного потоптался у двери. – Может, оно так и правильно. Будь здоров, Лис.

* * *

Все это произошло в середине мая – почти полтора месяца назад, а сейчас Сучок сидел возле постели Мишки и докладывал об окончании строительства жилья для «курсантов» воинской школы. Казарма получилась просторной – в трехэтажном здании, вытянутом вдоль будущей стены восточного равелина, могло разместиться две сотни народу, причем только на двух верхних этажах. Первый этаж заняли два больших зала – трапезная и то, что Мишка про себя называл актовым залом. В этом же здании помещалась кухня.

Позаботились строители и о себе – поставили трехэтажный дом, с мастерской на первом этаже и жильем на двух верхних. На «высотном» строительстве настоял Мишка, мотивируя свое требование экономией внутренних площадей крепости. Сучок же, уже по собственной инициативе, сделал здание «двойного назначения» – после переезда артельщиков в собственные дома в нем предполагалось устроить арсенал с шорной и обувной мастерскими.

Несмотря на успешное завершение «первой очереди» строительства, особой радости по этому поводу Сучок не демонстрировал. Мишка уже привык к тому, что плотницкий старшина относится к нему настороженно. Конфликтов у них больше не случалось, и, если не считать споров по чисто рабочим моментам, отношения были более-менее ровными. Мишка, за счет обширности своих познаний, даже снискал некоторое уважение Сучка, но по-настоящему сблизиться не удалось.

Вот и сейчас плотницкий старшина сидел в «закрытой» позе – ноги скрещены, пальцы рук переплетены, плечи опущены. Это стало уже привычным, но было и еще что-то: кажется, Сучок был чем-то обеспокоен.

– Что-то не так, старшина? – спросил Мишка на всякий случай. – Случилось что?

– Случилось... – Сучок, на протяжении всего разговора избегавший прямо смотреть на Мишку, наконец поднял глаза. – Поп ваш постройку освящать отказывается. Какая-то змея подколотная ему наплела, что мы, бесовским обычаем, перед началом строительства человеческую жертву принесли. Поймали, мол, в лесу чужого человека, зарезали и под здание зарыли, а топоры и другой железный инструмент его кровью покропили. От Церкви отлучить грозит, анафеме предать, а воеводу Корнея просить хочет, чтобы покарал...

– Кто наплел? – быстро спросил Мишка. – Отец Михаил к сплетням слух особо не склоняет. Если поверил, значит, наболтал кто-то, кому он верит.

– Кто-то из твоих, Лис. Чужих у нас не бывает, только моя артель и твои ребята, которых ты в помощь посылал. Мои такую дурь сами про себя болтать не станут...

– Мои – тоже, – прервал Сучка Мишка. – Им там жить.

– Так-то оно так, только наболтал обязательно тот, кто у нас там бывал. Попу окровавленный клочок одежды принесли, и вымазан тот клочок в глине, что на острове в глубине лежит, сверху-то глину не видно, копать надо.

– Та-ак, – Мишка задумался. Обвинение было серьезным, да еще и подкреплено «вещдоком». – Может, заходил кто-то, а ты внимания не обратил потому, что привычно. Кто еще на стройке бывает, так, что это странным не кажется?

– Внучка Нинеина, ребяташки из Нинеиной веси забегают, но редко, – начал перечислять Сучок. – Еще Листвяна, с двумя девками, еду привозила дней десять назад.

«Листвяна? Не она ли подгадила? Но зачем? Преступлений, как известно, без мотива не бывает. Какой у нее может быть интерес в том, чтобы строительство затормозилось, а то и вообще было заброшено? Если она собирается родить ребенка от главы рода, то ей прямая выгода от того, чтобы род становился все сильнее. Ни хрена не понимаю!»

– Десять дней назад, говоришь? А когда отец Михаил тебя человеческой жертвой попрекнул?

– Гм... – Сучок на некоторое время задумался. – Пожалуй дня через два после того. На Листвяну думаешь, Лис?

– Погоди, старшина, рано на кого-то думать. Ты этот клочок одежды видел, отец Михаил тебе его показывал?

– Да, показал. Все верно: кровь, глина. Я уж и перед святыми иконами клялся, и крест целовал...

– Не поверил?

– Не то чтобы не поверил... Сомневается. Может, говорит, кто-то из артельных втайне от меня. Как будто что-то там можно втайне от меня сделать! А ты почему спрашиваешь, Лис?

– Да так, ничего. Я просто понять пытаюсь: как это все произойти могло. Припомни-ка, когда Листвяна приезжала, там у вас какая-нибудь яма была вырыта, чтобы эта глина снаружи была?

– Не было никакой ямы. Да и не переправлялась она на тот берег. Твои парни все из телеги в лодку перегрузили и за несколько ходок перевезли. Листвяна на острове вообще не была.

«Значит, не она. Но по срокам-то совпадает! Преподобный Майкл наехал на Сучка через два дня после ее визита. Мог ей тряпку кто-то из ребят передать?»

– Чей десяток в тот день у тебя работал?

– Кажись... – Сучок почесал в затылке. – Кажись, Первака.

– Кажись или точно? – настойчиво переспросил Мишка.

– Точно! Листвяна еще ему и Вторуше гостинцы какие-то привезла.

– Но ям никаких не было? И все время, пока десяток Первака у вас работал, не было?

– Не было.

«Не складывается. Не мог же Первак или Вторуша специально яму выкопать, чтобы тряпку глиной измазать? Ерунда, решение должно быть более простым. Блин, только детектива мне еще и не хватало, мало других приключений. Что-то крутится в голове, есть какая-то неувязка...»

– Слушай, старшина, что ж ты мне сразу-то не сказал, а только сейчас?

– Так я сначала своих порасспросить хотел. Мало ли: кто-то поранился, кто-то одежду порвал... Ни у кого ничего, а на следующий день у вас тут междоусобица случилась. Не до того стало. И поп ваш другими делами отвлекся. Но ведь вспомнит же, так не оставит!

– Не оставит. Тут ты, старшина, прав. А ну-ка как на духу: напраслину на вас возвели или что-то все же было?

– Ты что?! – вскинулся Сучок. – Да что ж такое-то? Как где крепость ставить надумают, сразу же одни и те же разговоры начинаются! Или первого прохожего зарезать надобно, или бабу в стену замуровать. Да не просто бабу, а молодую, красивую, и чтоб непременно женой главного строителя была! И было-то всего один раз, когда в Новгороде Великом кремль строили, да и то – вранье!

– Так было или вранье?

– Вроде бы было... может быть, – Сучок, похоже, сам не был уверен в достоверности истории. – Рассказывают, что ждали, когда первая женщина в ворота войдет, а жена зодчего как раз ему обед принесла. Ну ее и... того. А он после этого с башни вниз головой кинулся. Любил жену очень. Да если б это правдой было, кто бы за строителей замуж выходил?

– Ну ты-то как раз не женат, – подколот Мишка, – а если надумаешь Алену в стену замуровать, так она тебе всю крепость по бревнышку разнесет.

– Тьфу! Все тебе шуточки, Лис!

– Да брось ты, старшина. Не плакать же, в самом деле? Вон у меня полморды сожжено, даже не знаю, буду ли левым глазом видеть, но не скулю же!

– Дикие вы какие-то, – мрачно отозвался Сучок. – Даже дети насмерть бьются.

– Делай, что должен, и будет то, что будет.

– Будет... – Сучок поморщился, как от зубной боли. – У тебя, говорят, троих убили, для них уже ничего не будет.

– У меня – одного, – поправил Мишка. – Еще двух девчонок бунтовщики зарубили.

– Девчонок? Ну вы звери.

– А лучше б было, если бы нас сонных вырезали? Ты хоть знаешь, старшина, что здесь было?

– И знать не хочу! Лучше – не лучше... Лучше, когда вообще никого не убивают! Лучше бы ты, Лис... – Сучок вдруг замолк на полуслове. – Слушай! А даже если бы и была яма, то все равно не получается!

– Это как? – не понял Мишка. – Что не получается?

– А нету там, где мы сейчас строим, такой глины! Шкрябка объяснял, что раньше, когда-то давно, там высокий холм был, потом он осел, а река вокруг него другой глины и песка намыла. Потому эта глина только наверху, в середине острова, есть, а мы-то строим с краю!

– Погоди, погоди. Выходит, что даже если бы вы действительно человека там зарыли, его одежда все равно не могла бы в той глине запачкаться?

– Ну да!

– Что ж, тот, кто на вас напраслину возвел, специально на середину острова бегал, чтобы тряпку вымазать?

– Не-а! Для этого место надо знать. Мы смотрели, на том месте еще недавно, несколько лет назад, глину брали. Она для обжига хороша – посуду делать, другие вещи.

«Так. Кто мог знать, что на этом месте глина иная, чем в округе? Ниня. Сакраментальный вопрос при любом расследовании: кому выгодно? Опять Нинее! Мы от плохого места для строительства отказались, нашли другое. Она нас и подставила. Красава-то на стройке крутится. Но как Ниня отцу Михаилу тряпку передала? Очень просто – через старостику Беляну, для того сама в Ратное и притащилась. Ну бабка!»

– Вспомнил! – возопил вдруг Сучок. – Вспомнил! Мы же кучу этой глины к себе притащили, хотели попробовать кирпичи из нее делать! Любой к этой куче подойти мог, даже и не зная, что ее в этом месте нет, а надо за ней на середину острова мотаться!

«Пардон, Ниня Всеславна, приношу свои извинения за напрасные подозрения. Все складывается. Первак или Вторуша, проходя мимо кучи глины, мазанули тряпку и отдали Листвяне. Я же говорил, что все должно быть просто!»

– Так, старшина, можешь больше об этом деле не беспокоиться, – уверенно заявил Мишка. – Я сам с отцом Михаилом все обговорю, никаких подозрений на тебе больше не будет.

– Что, так просто?

– Проще некуда. Ну не таскали же вы покойника до середины острова, чтобы в глине вымазать? Да и не знали вы тогда про ту глину, начинали-то вы стройку больше месяца назад.

– Ага. Как положено – в новолуние, а закончили в русалью неделю. Все по обычаю!

Да, обычаи артель соблюдала неукоснительно и строжайшим образом, Мишка однажды сам в этом убедился. Приехав в тот день на стройку «из учебной усадьбы», он стал свидетелем весьма впечатляющего зрелища. Голый по пояс плотник по кличке Куна тащил, надрываясь, к берегу Пивени здоровенное бревно, а остальные артельщики по очереди хлестали его по спине розгами.

По окончании экзекуции, когда бревно было сброшено в реку, Сучок объяснил Мишке смысл произошедшего. Оказывается, Куна проглядел бревно с сучком, выросшим не на поверхности ствола, а изнутри. Такой сучок потом выпадает из бревна, оставляя после себя косую круглую дырку. Это считается очень плохой приметой, способной навлечь на жильцов множество бед.

– Вот-вот, по обычаю, – решил приободрить Мишка плотницкого старшину. – Отец Михаил умён, все поймет. А того, кто на нас напраслину возвел, мы, наверно, никогда не узнаем – тайна исповеди, сам понимаешь.

– Ну и слава богу! – Сучок вздохнул с явным облегчением. – А то, что мы под дом конский череп положили, мед, хлеб, воск... Церковью это не возбраняется. Мы даже череп лошадиный старый взяли, не стали коня губить...

– Ладно, ладно. Закончили с этим, беру все на себя. У тебя еще дела какие-нибудь ко мне есть?

– Есть, Лис. Ха! А ведь и вправду Лис! Как ты это все хитро повернул... А дело такое: помнишь, ты что-то там про лесопилку говорил?

– Говорил, и что?

– Понимаешь... – Сучок снова полез скрести в затылке. – Закуп, конечно, должен на хозяина работать, но никто же не запрещает ему, если может, работать и на себя. Доски – товар дорогой...

– Хочешь долю с продажи?

– Не для себя, для артели. Лис, мы без обмана. Крепость тебе выстроим – залюбуешься! Все, что еще скажешь, сделаем, но ты пойми: людям надежда нужна, верить надо, что из кабалы вырвемся!

– Водяные колеса поставишь?

– Не сомневайся!

– Лес нужен будет выдержанный, из сырого доски дрянные получатся.

– Лес заготовим, под навесами выдержим, все как надо будет.

– Быстро не получится, – продолжил охлаждать пыл Сучка Мишка. – Пока заготовите лес, пока он под навесом вылежится, пока пилы откуете, лесопилку поставите... Может, что с первого раза не выйдет, переделывать придется. А там – зима, водяное колесо встанет.

– Ну и ладно! Мы же крепость не завтра закончим. До весны лес под навесом дойдет, весной пилить и начнем.

– А продавать где? В Ратном покупателей на доски много не найдется.

– Э! Был бы товар, а покупателя найдем. Слушай, Лис, а до больших городов здесь далеко? Я, когда сюда плыли, как-то не приглядывался, настроение не то было. Меня выпусти сейчас, так я и дороги домой не найду, больно уж далеко нас Никифор завез.

– А где дом-то твой, старшина?

– В Новгороде-Северском... – Сучок запнулся и тяжело вздохнул. – Нету дома. И у меня нету, и у артельщиков – все за долги продали. И нас тоже продали...

– Как же вы так? Это ж какой долг должен быть, чтобы вся артель в кабалу попала?

– А! – Сучок безнадежно махнул рукой. – Чего уж теперь? Человека мы убили, не простого человека, а княжьего. И не просто княжьего, а ближника.

«Да-а... Это вы попали, ребята. По Русской Правде Ярослава Мудрого за убийство княжьего человека штрафы назначаются немилосердные. Где-то я читал, кажется, у профессора Рыбакова, что доходило до нескольких килограммов серебра, даже до десятков килограммов. И особенно не разбирались – если не находили убийцу, штраф брали с того, на чьей земле обнаруживался труп».

– Ты только не подумай, что мы жертвоприношение перед строительством устроили! – неправильно понял Мишкино молчание Сучок. – Случайно все вышло. У боярина Козлича – ближника князя Олега Святославича – кто-то из родни помер. Он по такому делу церковь-обыденку заказал. Ну, такую, что за один день строится. Мы взялись, а он нет чтобы подождать до вечера, все крутился под ногами, во все нос совал, так извел, что хоть работу бросай. Терпели-терпели, а потом взяли да и подпортили немного подмостья, думали, что свалится, ушибется да и отстанет от нас.

Сучок замолк и принялся одергивать и оправлять на себе рубаху.

– А Козлич не просто ушибся, – подсказал Мишка, – а насмерть.

– Угу. Шею свернул.

– И какая же вира вышла?

– За боярина – пятьдесят гривен, за то, что церковь в срок не достроили – еще пять, за то, что убийство в Божьем храме, хоть и недостроенном, учинили, – еще десять. Двенадцать гривен мы сообща собрали. У баб своих серьги, колты, ожерелья... даже кольца обручальные позабирали. Дома и все хозяйство, по приговору, за бесценок ушло – меньше четверти долга. Остальное Никифоров приказчик уплатил. Сам в долги залез, но больно уж выгодно ему показалось – мы же лучшая артель. Не только в Новгороде-Северском, нас и в Чернигов звали, и в другие места.

– Понятно. А лихву какую Никифор положил?

– Вроде и по-божески – десятину в год, да только десятина от такого долга... – Сучок опять вздохнул и махнул рукой. – На нее одну целый год и горбатиться, если еще придумаешь как.

– М-да. Крепко вас.

«Правильно я тебя понял, Сучок, – горазд ты на опасное озорство. Рано или поздно такие, как ты, обязательно нарываються на серьезные неприятности. Ладно бы сам, а ты еще и людей своих подставил, и семьи их. Нет, не случайно у тебя это все вышло. Не в тот раз,

так в другой бы влипли. Нет у тебя в зазоре между желанием и действием мысли. Захотелось – сделал, а подумать, перед тем как делать...»

– Какую долю в продаже досок хочешь, старшина?

– Половину! – выпалил Сучок и настороженно уставился на Мишку. – Вся работа наша, твоя только задумка.

– Да? А то, что на моей земле лесопилка стоять будет? А то, что мой лес вы на доски пилить будете? А то, что в ущерб моей работе прибыль себе зарабатывать станете?

В принципе Мишка был не против предложения плотницкого старшины, но не поторговаться – потерять лицо, уважать не станут. Аргументы оказались весомыми – Сучок поколебался и осторожно спросил:

– Какую ж ты долю себе хочешь?

– Не дергайся, старшина! Я же понимаю: половину ты запросил для того, чтобы выторговать четверть. Что, не так?

– Не так! Половина – цена справедливая!

– Справедливая? А давай-ка подсчитаем! Сколько тебе останется с цены досок, если лес ты у меня будешь покупать, за пользование лесопилкой платить, за задержку строительства тоже платить? Да еще не забудь, что доски до покупателей довести надо – перевоз ведь не бесплатный. Погрузить – людей опять от строительства отвлечешь. Сколько-то народу с досками отправить придется, пока довезут, пока расторгнутся, пока вернуться... Опять люди от работы отвлечены. Ну, много тебе останется?

Сучок совсем сник. Снова сцепил пальцы рук, опустил голову и пробормотал:

– Лис он и есть Лис. Так обведет, что еще и должен останешься.

– Я же сказал: «Не дергайся, старшина». Признавайся: рассчитывал на четверть?

– Чтоб тебя леший... Рассчитывал.

– А я рассчитывал дать тебе тридцать пять досок из каждой сотни. Не кочевряжился бы – так бы и урядились. А теперь даю тридцать. Согласен?

– Много тебе навару с пяти досок!

– Не в наваре дело, старшина. Я тебе возможность на волю выкупиться даю, а ты норов мне показывать принялся. За то и вира с тебя. Грамоту писать будем или на слове согласимся?

– На слове? С Лисом? – начал было Сучок, но, вспомнив о норове, тут же поправился. – Согласен. Верю на слово.

– Тогда еще одно условие.

– Что еще? – опять насторожился плотницкий старшина.

– Не бойся, условие простое. О нашем договоре не болтать. Своим скажи, чтобы охотнее работалось, но больше никому.

– Это можно. Не беспокойся, Лис, не разболтаем.

– Теперь еще одно дело. Подбери несколько вязов обхвата в полтора, отложи отдельно, пусть выдерживаются, я потом скажу, что с ними делать...

Дверь распахнулась, и в горницу вошла Листвяна в сопровождении кухонной девки, несущей поднос с едой. Ключница строго глянула на Сучка и объявила:

– Михайле Фролычу поесть надо, скоро лекарка придет перевязку делать!

Сучок послушно поднялся с лавки, но Листвяна остановила его:

– погоди, старшина, дело к тебе есть, – ключница жестом велела холопке поставить поднос на лавку и обратилась к Мишке. – Михайла Фролыч, надо бы плотников на новые огороды послать – ограду поправить, да и избушку хоть небольшую поставить, девки в шалашах намутились. А так и снасть огородную будет где хранить, и от непогоды укрыться, и переночевать, если потребуется. Если не хочешь много народу от крепостного строения отрывать, так можно всего двоих-троих плотников, а в помощь им десяток ребят из воинской школы. Хоть бы и десяток моего Первака.

Сучок вопросительно глянул на Мишку, тот согласно кивнул:

– Хорошо. Только, старшина, ты взял бы, да сам съездил или Гвоздя послал. Там надо опытным глазом посмотреть, по-моему, место для деревеньки подходящее.

– Добро, сделаем, – согласился Сучок. – Гвоздя пошлю, он хорошо места для жилья выбирать умеет.

– Так я прямо сейчас пошлю кого-нибудь из ребят в воинскую школу и в крепость? – спросила Листвяна. – Чтобы уже сегодня Первак свой десяток на огороды привел.

– Посылай.

«Чего ей приспичило-то так срочно? Если десяток Первака и доберется, то уже в конце дня. Или хочет, чтобы прямо с утра за работу взялись? Ладно, ей видней».

– Михайла Фролыч, тебя покормить или сам попробуешь?

– Сам, только под спину мне чего-нибудь подложи, чтобы сидеть можно было.

Мишка переждал приступ головокружения, более слабый, чем вчера, и принялся записывать в себя еду – аппетита не было совершенно никакого, хотя и не тошнило. Листвяна, заметив, что Мишка глотает с усилием, тут же заботливо подала кружку с квасом.

– Запей, Михайла Фролыч.

Дело пошло легче, а Листвяна сидела рядом и ворковала:

– Хорошо молодым быть – любые болячки быстро проходят и силы быстро восстанавливаются, – Мишка решил, что речь идет о нем, но оказалось, Листвяна имеет в виду Юльку. – Молодая лекарка аж три ночи возле тебя просидела, вся серая с лица сделалась. А выпалась – и опять как яблочко наливное.

«Чего ей надо-то? Вежливая, ласковая, заботливая. Меня по отчеству величает, Юльку нахваливает... Точно: нагадила чем-то! Или собирается? То, что номер с кровавой тряпкой не прошел, она еще не знает, но, может быть, еще что-то в том же духе задумала? Зачем ей это? Мотив надо понять, но пока не выходит. Срыв строительства ей никакой выгоды принести не может, для чего же она эту подлянку подстроила? Не понимаю, а надо! Надо разобраться в ее мотивации, тогда можно предвидеть следующие ходы. Блин, и деду-то ничего не скажешь. Даже если найду неопровержимые доказательства ее паскудства и даже если он их примет... Все равно Листвяна – его «лебединая песня», он мне этого не простит. Да и жалко старого, едрена-матрена. Что ж придумать-то? Мотив! Пока не пойму, ничего делать нельзя!»

Мишка продолжал машинально жевать, не прислушиваясь к воркотне Листвяны, но вдруг сознание зацепили какие-то слова...

– Так Юлька уже пришла?

– Да, у Анны Павловны сидит, – подтвердила Листвяна. – Ждет, пока ты поешь.

– Зови, – Мишка протянул ключнице миску и ложку. – Все, наелся, больше не хочу.

– Да ты и половины не съел, Михайла! Анна Павловна сердиться будет. Съешь еще хоть немного.

– Не хочу, тошнит меня. Зови лекарку!

– Ну как знаешь... А еду я оставлю, может, лекарка тебя уломает еще поесть.

– Уломает, уломает... Юлька на что хочешь уломает, зови!

Глава 2

– Здравствуй, Юленька. А я все думаю:

Да что ж такое происходит?

Ко мне все Юлька не приходит,

А ходят в праздной суете

Разнообразные не те.

«Плагиат, сэр Майкл, да еще такой бездарный. И не стыдно?»

Юлька неожиданно поддержала критику «внутреннего собеседника»:

– Все еще бредишь? А сказали, на поправку пошел.

– Вот ты пришла – мне сразу и полегчало.

– Что-то не заметно. То орал: «Берегись, стрела!» – а теперь и вовсе чушь несешь... хотя складно. Какого только бреда с вами не услышишь.

Несмотря на ворчливый тон, было заметно, что Юлька довольна. Только непонятно чем: состоянием пациента или стихами?

– Давай-ка рассказывай: где болит, как себя чувствуешь?

– Глаз почти не болит, только там все время мокро, а вот ухо почему-то болит, даже жевать больно, – принялся перечислять Мишка. – А еще встать не могу – голова кружится и тошнит.

– А сейчас голова кружится?

– Нет, только когда приподнялся, но быстро прошло.

– Ладно, давай-ка посмотрим, что у тебя там.

Юлька принялась снимать повязки, а Мишка с трудом сдерживался, чтобы не спросить, не принесла ли она случайно с собой зеркало. Он сам не ожидал, что состояние внешности будет так сильно его волновать. К уху повязка присохла, Мишка зашипел от боли, но на Юльку это не произвело ни малейшего впечатления, она даже и не попыталась его успокоить «лекарским голосом».

– Юль, меня сильно поуродовало? – не выдержал наконец Мишка. – Рожа здорово страшная?

– А ты и так красавцем не был, – «порадовала» Юлька. – Таковую харю сильно не испортишь.

– А вот и врешь! – запротестовал Мишка. – Красава, внучка Нинеина, на мне жениться обещала. Красавец, говорит, писанный, только собольей шубы и красных сапог не хватает. Но сапоги с шубой – дело наживное.

– Ну я же говорю: бредишь! Может, все-таки она за тебя замуж выйти хотела, а не жениться?

– Не-а! Так и сказала: «Вырасту и женюсь на тебе!» Замуж каждая выйти может, а вот жениться... Но Красава, наверно, способ знает – внучка волхвы все-таки.

Юлька наконец не выдержала и фыркнула:

– Трепач! Надо было тебе лучину в язык всаживать, а не в глаз! А ну не лезь! – лекарка шлепнула Мишку по руке, которой он потянулся пощупать ухо. – Не зажало еще!

– Ну, что тут у нас? – раздался вдруг из-за Юлькиной спины голос Настены.

Мишка даже и не заметил, когда она успела войти в горницу.

«Консилиум, сэр. Видать, дела серьезные. Слава богу, Буря третьим не пригласили – добивать, чтоб не мучился».

– Вот, мама, – Юлька отодвинулась, чтобы не мешать матери.

– Глаз промой ему, – Настена, внимательно вглядываясь в Мишку, легко притронулась пальцами к его лбу возле брови, оттянула нижнее веко. – Ну-ка попробуй глаз открыть, Мишаня.

Мишка попробовал, получилось плохо.

– Шевелится, – с удовлетворением констатировала Настена. – Все хорошо: глаз видит, веко шевелится, будет чем девкам подмигивать.

– Это я обязательно! – бодро отозвался Мишка и для убедительности пропел:

На закате ходит парень возле дома моего.
Поморгает мне глазами и не скажет ничего.
И кто его знает, чего он моргает,
Чего он моргает, чего он моргает?
Тари-тари, тари-тари, тари-тари-там!

– Ну если запел, то выздоравливает! – Настена довольно улыбнулась. – Промывай ему глаз и перевязывай. Пожалуй, через пару деньков поднимется.

– Так что у меня с мордой? – дождавшись, когда Настена выйдет, снова спросил Мишка. – Бурея по страхолюдству переплюну или нет?

– Ну прямо как девка! – возмутилась Юлька. – Ничего особо страшного. Бровь, конечно, сгорела, но вырастет снова... почти вся. Чуть-чуть кривая будет, но несильно. Волосы на голове тоже отрастут...

– А с ухом что?

– Ну... – Юлька помялась, но под настойчивым взглядом Мишки все же продолжила: – Ты когда на спину упал, уголек к уху скатился. Подшлемник волосам гореть не дал, но сам тлеть начал, и как раз там, где ухо... Пока с тебя шлем стащили, пока то да се... В общем, прижарилось у тебя ухо. Даже обуглилось слегка.

– И что?

– Ну пришлось отрезать немного...

– Сколько это – «немного»?

Мишка опять полез щупать ухо и опять получил шлепок по руке.

– Не трогай! Как бы еще кусок отрезать не пришлось. Да ты не бойся, Минь, под волосами не видно будет.

– Эх, молодежь, молодежь. Только б вам резать, – тоном старого доктора из не менее старого анекдота проворчал Мишка. – Юль, вон там воск лежит, дай-ка мне кусочек.

Размяв воск в пальцах, он вылепил из него некое подобие ушной раковины.

– Показывай, сколько отрезали?

Юлька немного поколебалась, потом несколькими движениями отщипнула верхний край.

– Мать честная! Эльф!

– Что? – непонимающе переспросила Юлька. – Какой эльф?

– У латинян сказка такая есть – про лесных людей. Они такие же, как люди, даже детей могут от людей рожать, только уши у них заостренные, как у зверей.

– А-а. Ну у тебя только одно ухо заострилось.

– Так у них полукровок так и называют – полуэльфы.

– Трепач. У него чуть не пол-уха сгорело, а ему все хаханьки, – лица Юльки Мишка не видел, потому что она как раз накладывала ему повязку, но по голосу чувствовалось, что лекарка улыбается. – Ты и на собственных похоронах шуточки шутить будешь?

– Ага! Приходи, посмеемся.

– Дурак!

– Правильно! Дед Корней так и сказал: «Одна половина бунтует, другая половина с ума сошла, остальные – в жопу раненные». Ранен я совсем в другое место, в бунте замечен не был, так что, выходит, сумасшедший.

– Хватит! – решительно заявила Юлька. – Шутки шутками, а Роська твой до горячки доигрался – в жару лежит. Ты думаешь, мать сюда на морду твою шпареную любоваться пришла? Она с Роськой сидит, а попа, дружка твоего, за волосья с крыльца стащила. Приперся! Сам одной ногой в могиле стоит и парня туда же тащит!

– Да ты что?

– То! И тетка Варвара чуть не померла. Вам, дуракам, смешно – стрелу в задницу поймала, а того не знаете, что там кровяная жила проходит. Порвать ее – смерть, нету способа такие раны лечить. Фаддей, дурень, стрелу дергал, как морковку из грядки, а стрела-то от шлема отскочила – кончик погнутый! Разворотил, когда вытаскивал, так что тётка Варвара чуть кровью не изошла. Еще бы на волосок в сторону, и все – порвал бы жилу кровяную. Правильно его твои ребята отлупили – чуть собственную жену по дури не угробил.

– Ну Варвара тоже хороша! Любопытство ее когда-нибудь угробит – вечно ей все новости раньше всех надо знать... А остальные ребята мои как?

– Про Гришу тебе уже сказали?

– Да. Царствие ему небесное, – Мишка перекрестился, Юлька даже и не подумала. – С Роськой все понятно, вернее, ничего не понятно. Как думаешь, выкарабкается?

– Не знаю, горячка от запущенной раны... хуже нет.

«Эх, пенициллину бы сюда, а так... У них же почти никаких средств для борьбы с сепсисом, а Роська еще и в депрессию впал. Совсем хреново».

– Ладно, будем надеяться, – Мишка в упор посмотрел на лекарку и отчетливо произнес, снова осеняя себя крестом, – Бог милостив.

– Помолись, помолись, – Юлька скептически покривила рот. – Только не вздумай, как Роська, сутки напролет в церкви корячиться. Возись потом с тобой.

– Не буду. Как остальные раненные?

– Яньке Бурей шею вправил, уже и не болит. У Марка плечо еще немного опухшее, правой рукой не скоро сможет свободно шевелить. Серьке палец на ноге пришлось отнять, на костылях прыгает.

– Что? Даже на пятку наступать не может?

– А ты думал? Ступня – такая вещь... Потом-то ходить нормально будет, а пока – на костылях.

– Говорят, ты около меня три ночи просидела, – Мишка осторожно взял Юльку за руку. – Спаси тебя Христос, Юленька, который раз ты уже меня спасаешь... и ребят моих, тоже.

– Да ладно тебе... – Юлька смущенно потупилась, на щеках заиграл румянец. – Такое уж у нас дело – лекарское. А зато я, когда Серьке палец отнимали, половину дела сама сделала, мама только присматривала!

«Едрит твою... Ну и герлфренд у вас, сэра Майкл! Тринадцать только в октябре исполнится, от живого человека кусок отхряпала, а радуется, будто ей новое платье подарили! Сумасшедший дом, чтоб мне сдохнуть! А... а вот возьму и уговорю мать Юльке платье сшить, такое же, как у сестер. И вальс танцевать научу! И вообще закатим бал по случаю новоселья воинской школы, и танцевать буду только с ней одной, пускай все святоши удавятся!»

«Вообще-то надо бы ее похвалить, вон как радуется. Что б такое сказать, вроде комплимента? Блин, сразу и не придумаешь, больно уж повод специфический. Ну и ладно, в определенных случаях комплимент вполне успешно заменяется доброжелательной заинтересованностью».

– Так ты что же, скоро уже и сама сможешь, без материнной помощи?

– Еще долго не смогу, – Юлька тоскливо вздохнула. – Тут ведь не только правильно отрезать да зашить требуется. Надо еще и так сделать, чтобы у больного сердце от боли не зашлось, а я пока не могу.

– Как же так? Ты когда моих ребят на дороге лечила, они вообще боли не чувствовали.

– Боль, Минь, разная бывает, настоящей, самой страшной, ни ты, ни твои ребята еще и не чувствовали. И больные тоже разные бывают. Ребята твои мне легко поддались, а для взрослого мужа я не лекарка, а девчонка сопливая, он мне не верит, а значит, и наговору моему не поддастся.

«Да, с анестезией у ЗДЕШНЕЙ медицины проблема, и еще лет семьсот эту проблему решить не смогут. Под нож лучше не попадать. Слава богу, Максим Леонидович обещал, что я умру здоровым, видимо, руки-ноги в погребении были в полном комплекте и следов переломов не наблюдалось. Что еще можно определить по старым костям? Не знаю, но и сказанное утешает».

– Минь, – заговорила вдруг Юлька каким-то непонятным тоном, – как только полегчает, уезжай-ка ты побыстрее в свою школу, не болтайся в селе.

– Юль, ты чего?

– Ратники на тебя сильно злятся, говорят, что Корней стаю щенков на людей натаскал, а ты в той стае вожак. Утром сход был, Корней указывал: кого изгнать, кого оставить. Устинья, жена Степана-мельника, и Пелагея, невестка его, дочь Кондрата, – тебя прилюдно прокляли. Устинья совсем ума лишилась, шутка ли – муж и все три сына убиты. А у Пелагеи муж, брат и отец. Бурей их обеих оглушил, прямо кулаком по голове, а мужи раскричались, говорят, Корней хватать начали... может, и врут. Там же Лука Говорун и Леха Рябой со своими десятками конно и оружно были. И твоих три десятка Митька привел, верхом, в бронях с самострелами. Так что вряд ли кто-то решился рукам волю давать, но горячились сильно. Данила прямо на копье Луке кинулся, рубаху на груди рванул, кричит: «Бей, все равно не жить!»

– А Данила-то с чего?

– А ты не знаешь? Устинья-то – его дочь от холопки. Так что сыновья Степана – его внуки, все трое. Он же всего года на три-четыре моложе Корнея, а дочку с холопкой прижил, когда ему еще четырнадцати не было.

«М-да, когда все друг с другом в каком-нибудь родстве, только тронь, и пойдет цепляться одно за другое. Кто ж знал, что сыновья Степана приходятся внуками Даниле? И куда Данила смотрел? Ведь знал же о заговоре!»

– Сам виноват! Знал о заговоре, а внуков не удержал! А может, рассчитывал снова сотником стать?

– Не знаю, Минь. Говорят, Данила у десятников в ногах валялся, просил дочку на поруки взять. Никто не согласился, не любят его. А Пелагея Корнею в глаза поклялась обоим сыновей воинами вырастить и в ненависти к тебе воспитать, чтобы не было ему покоя, а под конец жизни чтобы могилу твою увидел.

– Ну это мы еще посмотрим, кто чью могилу увидит!

– Уезжай от греха, Минь! Пока ты в доме, ничего не случится, а как поправляться начнешь, уезжай, не задерживайся в селе. Подстерегут где-нибудь и убьют. Все же понимают: ни Лука, ни Леха Рябой, ни Игнат против Корнея не пойдут. Тихон тоже. А с остальными, если что, ты расправишься. Корней ведь ратников друг на друга натравливать не станет, для этого у него теперь Младшая стража есть.

– Не будут бунтовать – ни с кем расправляться и не придется.

– Да что ж ты непонятливый такой! – взорвалась возмущением Юлька. – Взрослым ратникам мальчишек бояться – это же унижение какое! Не простят тебе, не забудут, рано или поздно найдут способ отыграться! Уезжай, Минька, хочешь, Христом твоим тебя попрошу? Уезжай!

Такой Юльку Мишка еще не видел: кажется, девчонка знала, о чем говорит, и напугана была всерьез.

– Да что ж ты, Юленька... – он притянул Юльку к себе. – Успокойся, уеду я. Как только смогу, так сразу и уеду. У меня скоро еще полсотни ребят появится, крепость достроим, пусть только кто-нибудь сунется...

Мишка шептал своей подружке еще что-то успокаивающее, называл ее ласковыми прозвищами, гладил по голове, сам поражаясь всплывшей неизвестно откуда странной смеси нежности и готовности порвать любого, кто нанесет Юльке малейшую обиду. И не было в этом

чувстве ни намека на сексуальность, хотя по ЗДЕШНИМ понятиям юная лекарка уже входила в возраст замужества (выдавали замуж и в двенадцать), было желание успокоить, защитить, оградить от жестокости окружающего мира и...

Совершенно неожиданно начало приходить чувство слияния, которое они уже переживали, когда удерживали на грани жизни и смерти раненого Демьяна. Но сейчас оно было несколько иным: во-первых, непреднамеренным, возникшим спонтанно, во-вторых, слияние не несло радостного чувства переполненности энергией. Юлька, видимо неосознанно, пыталась донести до Мишки свою тревогу, а он всячески сопротивлялся, стараясь ее успокоить и внушить оптимизм. Сознание взрослого человека, более богатый жизненный опыт, накопленный за долгие годы запас скептицизма позволяли Мишке легко сопротивляться внешнему потоку информации, делали его ментально сильнее... хотя правильнее было бы, наверно, сказать не сильнее, а защищеннее. Юлька через этот барьер пробиться не могла, тем более что не осознавала его существования, да и не смогла бы понять сути.

Остатками рационализма, растворяющегося в слиянии двух сущностей, как сахар в горячем чае, Мишка понял: сопротивляться не нужно. Юлька пусть еще совсем молодая, но лекарка. Она привыкла проникаться ощущениями больного – по едва заметным признакам определять его настроение и самочувствие, через ее руки прошло если не все, то большая часть населения Ратного. Она чувствует на эмоциональном уровне общее настроение и, как прирожденный медик, будучи не склонной к панике или преувеличениям, способна оценить настрой селян достаточно объективно.

Мишка мысленно расслабился, барьер истаял, и тут же возникло ощущение близости зверя – большого и опасного. Зверь еще не испуган, но уже обеспокоен, еще не разъярен, но уже подобрался и напрягся. Сразу же родилась и ассоциация – медведь, окруженный собаками. Охотник еще не подошел, но уже где-то рядом, и собаки только и ждут появления хозяина, чтобы накинуться со всех сторон. Каждую из них в отдельности медведь убил бы или обратил в бегство без особых усилий, с охотником он тоже без страха сошелся бы один на один, но вместе... Убить! Убить вожака стаи, потом перебить или разогнать остальных собак, а тогда уж и с охотником можно разобраться, тем более что без своих зубастых помощников тот может и не решиться напасть.

Вот он, этот зверь, – ратнинская сотня, и вот он, вожак стаи, – сотников внук Мишка, старшина Младшей стражи. Убить или иным способом избавиться от него, и охотник отступит – зверь слишком силен...

Деликатный стук в дверь прозвучал прямо-таки громом небесным. Юлька торопливо высвободилась из Мишкиных объятий, схватила старую повязку и преувеличенно тщательно принялась ее сматывать. Мишка чуть не выматерился вслух от досады, но сдержался – рядом сидела девчонка, а такую куртуазность, как предварительный стук в дверь, во всем Ратном мог изобразить только один человек – отец Михаил.

– Входи, отче! – громко произнес Мишка и подмигнул удивленно оглянувшейся на него Юльке.

– Мир вам чада, я не помешал?

– Нет, отче, я уже закончила.

Юлька начала торопливо складывать в сумку лекарские принадлежности, потом спохватилась и, перекрестившись, подошла под благословение. Как бы скептически Настена ни относилась – не к религии, разумеется, а к жрецам, – соблюдать внешнюю благопристойность она дочку приучила.

– Не спеши, Иулия, переговорить с тобой хочу... Или тебя больные ждут?

– Нет, никто не ждет, отче.

– Вот и поговорим об отроке Василии. Миша, ты, наверно, тоже о нем со мной поговорить хотел?

– Хотел, отче, – не стал отказываться Мишка. – Только разговор неприятным оказаться может. Ты уж прости, но я за десятника Василия перед Богом и людьми отвечаю, и если с ним беда приключилась, хочешь не хочешь, спрос и с меня тоже.

– В этом ты прав, и спорить с тобой было бы глупо и несправедливо, – отец Михаил помолчал немного в раздумье. – И что же ты мне сказать хотел?

– Отче, ты бы присел, разговор долгий, да и неудобно – ты стоишь, я лежу, – Мишка подождал, пока священник устроится на лавке, и продолжил: – Василий воинское обучение проходит. Ты, отче, надеюсь, не будешь спорить с тем, что воину плоть умерщвлять, подобно чернецу, неуместно. Воин иным способом усердие в вере проявляет, телесная слабость ему не пристала.

– Так, – отец Михаил кивнул. – Иулия, как здоровье отрока Василия?

– Плохо, – произнесла Юлька прямо-таки прокурорским тоном. – В беспамятстве он, в жару, в горячке.

– А его? – Священник кивнул на Мишку.

– Ему полегчало. Теперь на поправку быстро пойдет, а Роська... то есть Василий, не знаю. Пока не о поправке говорить надо, а о том, выживет ли, – Юлька даже и не скрывала, что считает виновным в произошедшем попа. – Мама, конечно, сделает все, что можно, но не знаю.

– Все в руке Божьей, будем надеяться. Матушка твоя, как я понял, меня во всем винит?

– А кого ж еще? – мрачно отозвалась Юлька. – Сам, конечно, тоже дурак, но мог же ты ему указать!

– Мог бы, – согласился священник. – И оправдываться не собираюсь! Ведомо мне и то, что неофиты часто излишним усердием грешат, бывает, что и во вред. Но вот ты, Иулия, сказала, что не знаешь, выживет ли Василий. Не знаешь, но, если есть на то хоть малейшая надежда, будешь лечить! Скажу более: даже если не будет надежды, ты все равно будешь бороться за жизнь больного до последнего мгновения. Так?

– Так, – Юлька явно не понимала, к чему клонит отец Михаил, и смотрела настороженно. – Лекари иначе и не могут.

– А ты, Миша, часто повторяешь одну мысль: «Делай, что должен, и будет то, что будет». Так?

– Так, – подтвердил Мишка, уже догадываясь, какой аргумент последует дальше.

– Оба вы: и ты, Иулия, и ты, Михаил, – видите в сем свой долг и готовы исполнять его, невзирая ни на что! Так почему же вы отказываете мне в праве исполнять мой долг? Пути Господни неисповедимы, искренняя молитва слышна Господу, мог ли я быть уверенным в том, что не перст Божий привел отрока Василия в храм? Мог ли я быть уверенным в том, что не произойдет чуда и по молению его Господь не исцелит раненого? Мог ли я изгнать молящегося из храма?

Отец Михаил обвел горящим взглядом собеседников, тяжело, с хрипом вздохнул, на щеках его проступил нездоровый румянец. Юлька и Мишка молчали. Мишка нашёл бы что возразить священнику, но не хотел обижать своего тезку и учителя, да и поздно – словами делу не поможешь. Юлька же, кажется, уже забыла о теме разговора и смотрела на отца Михаила лекарским взором, как по-писаному читая диагноз – чахотка.

– А теперь помыслите, чада. И у лекаря бывают неудачи – не всегда лечение удается. И у воинов случаются поражения. Так же случилось в этот раз и со мной. Скорблю. Молюсь о здравии отрока Василия и не ищу у вас ни оправдания, ни жалости, но лишь понимания.

Вся злость у Мишки куда-то подевалась, оставив после себя только жалость к отцу Михаилу и к Роське. Обоих он любил и их страдания ощущал, как собственные. Убедил ли священник в чем-нибудь Юльку, Мишка не понял, скорее всего, нет. Самому Мишке никакие убеждения были не нужны – рядом с ним сидели два человека, для которых правило: «делай, что должен» – было не словами, а смыслом жизни, но как по-разному они понимали свой долг!

Повисшее в горнице молчание следовало как-то прерывать, иначе либо отец Михаил примется дальше изводить себя, либо Юлька ляпнет чего-нибудь непотребное.

– Понимаю, отче. Все ты верно говоришь, но пойми и ты. Роська... – отец Михаил недовольно шевельнул бровями, услышав языческое имя. – ...Да, отче, тогда он еще был Роськой! Так вот, Роська, сколько себя помнит, жил на ладье и другой жизни не знал. Не было у него ни дома, ни семьи, даже имени своего настоящего он не ведал, потому что попал в рабство малым ребенком. Сейчас он приспособливается к новой жизни, ищет в ней свое место. Помочь ему в этих поисках – наша обязанность, подталкивать к тому или иному выбору – грех. Если он выберет стезю служения Господу, слова не скажу поперек, но выбор его должен быть сознательным, при ясном понимании того, к чему этот выбор приведет. А пока... То, что он неумерен в своих поисках, никого удивлять не должно – юношеский максимализм, ничего не поделаешь. Потому и удерживать его от излишнего, как ты сказал, усердия – наш долг.

Мишка прикусил язык, но было уже поздно – отец Михаил отреагировал на его речь, а особенно на слова «юношеский максимализм», так, словно увидел перед собой некое чудо. Он даже, по всей видимости чисто машинально, перекрестился и растерянно произнес:

– Миша... Ты... В который раз уже. Не устаю изумляться: откуда это? От старца умудренного такое услышать – понятно было бы, но тебе всего четырнадцать! Если бы не сам тебя в купель окунал...

«Блин, какой прокол! Нервы, сэр, или резко прерванный контакт с Юлькой так подействовал? Черт бы побрал этот возраст, когда уже вырасту? Среди своих, а как в тылу врага – забудь про искренность!»

– Не ты первый изумляешься, отче, хотя как раз тебе-то и не с чего, – ситуацию надо было отыгрывать, и Мишка решил, что нападение – лучшая оборона. – Ты же меня не только грамоте обучал, вспомни: ты прежде всего учил меня думать. Воевода Кирилл говорит: «Плох тот учитель, которого не превзошел ученик», и он тоже приучает меня думать. Поставил под мою руку полсотни мальчишек и дал в наставники Андрея Немого. Тут поневоле задумаешься, что отроками движет и как их обуздать? А не ты ли меня поучал: «Обуздаешь их – обуздаешь себя»? Чему же ты изумляешься? Что ты такого от меня услышал, что, как следует поразмыслив, не сказал бы любой разумный человек? Спасибо тебе за науку, отче.

– Чудны дела Твои, Господи, – отец Михаил, несомненно, был польщен, но какие-то сомнения, видимо, еще оставались. – Порадовал ты меня, чадо, но...

Разговор надо было срочно уводить в сторону, и Мишка не дал священнику завершить фразу:

– А хочешь, отче, еще тебя порадую? Жертвоприношение, которое плотники якобы учинили, наветом оказалось – вранье!

– Не шути с этим, Миша, враг рода человеческого хитер и в заблуждение ввести может и людей более умудренных, чем ты... – отец Михаил осекся, поняв, что именно он только что сказал, но после небольшой паузы все же продолжил: – Речь о самом сильном и самом богопротивном колдовстве идет – о ворожбе на человеческой крови и погублении бессмертной души! Так просто это отмести невозможно.

– А я и не отметаю, отче. Я разобрался. Тебе в подтверждение навета клочок одежды принесли, кровью и глиной замаранный, а глины такой на месте строительства нет! Ни на поверхности, ни в глубине. Приедешь постройки освящать, сам в этом убедишься. Вдобавок, тряпку тебе эту притащили более чем через месяц после начала строительства, а глина на ней была свежая! Может такое быть? Не может!

– Гм... – отец Михаил задумался, машинально поглаживая священнический крест. – Были и у меня сомнения, не скрою. И раб Божий Кондратий перед святыми иконами клялся, крест целовал, я видел – не врет. Выходит, навет... нет пределов злобе людской и зависти.

– Я не спрашиваю, отче, имени клеветника – тайна исповеди нерушима. Сам найду, тем более что это не так уж и трудно. А когда найду...

– Остановись, Миша! – отец Михаил выставил перед собой ладонь в протестующем жесте. – Ты и так уже, своим судом, несправедно кровь человеческую пролил!

– Я?!

– Ты, Миша, ты. За что ты убил людей в доме Устина?

– Они бунтовщиками были! Как тати в ночи, подкрались, чтобы нас убить!

– Как тати, говоришь? А ну-ка припомни: кто-нибудь из них к вам на подворье заходил?

– Они не успели...

– Заходил или нет?

– Нет, отче, не заходил.

– Значит, те, кто укрылся в доме Устина, ничем вашим жизням не угрожали?

– Они собирались...

– Угрожали или нет?!

– Нет, отче, не угрожали.

– Когда ты их преследовал, они пытались остановиться, подстеречь тебя и нанести какой-либо вред?

– Нет, отче, не пытались.

– А теперь, сын мой, обрати мысли свои к Высшему Судии! Люди шли к твоему дому с преступными намерениями, но потом передумали... Неважно почему! – священник повысил голос, не давая Мишке возможности перебить себя. – Неважно, по какой причине, передумали и вернулись домой! Ответствуй, как перед Высшим Судией, за что ты их убил?! Женщина – раба Божья Марфа – защищала свой дом и детей! За что ты ее убил? Отрок Григорий пошел за тобой по твоему приказу, значит, не ведал, что творил, и принял смерть лютую – скончался в муках! За что ты его убил?!

«Боже мой, опять та же формулировка: «Превышение пределов необходимой самообороны»! Это никогда не кончится! Ни ТАМ, ни ЗДЕСЬ. Это проклятие, от которого не скрыться и за девятью веками времени! ТАМ я ответил ударом на удар, ЗДЕСЬ я ответил ударом на удар. В чем моя вина? В том, что мой удар оказался сильнее? В том, что не дал ударить себя повторно? В том, что не стал ждать, когда меня надумают убивать еще раз?»

Мишке вдруг начало казаться, что он сходит с ума – события XX и XII веков перемешались и стало невозможно отличить одно время от другого. Он как будто со стороны услышал свой голос в комнате для допросов следственного изолятора «Кресты»: «В яслях, в детском саду, в школе – одни женщины. «Вовочка, не кричи, Вовочка, не бегай, Вовочка, не дерись!» Если Вовочка все это честно выполняет, то в темной подворотне не он будет защищать свою девушку, а девушка его!!! А потом кричите, что мужиков настоящих не осталось!» Но следователем была женщина. «Вы, Ратников, могли позвать на помощь охрану, вы могли спрятаться под койку». – «Да меня после этого «опустили» бы!!!» – «Но зато вы не стали бы убийцей!» Следователем была женщина, судьей тоже была женщина...

– За дело он их убил! За то, чтобы его матери не пришлось дом и детей защищать! За то, что воин, порушивший присягу и умысливший против сотника, повинен смерти! За то, что враг должен быть убит, или он убьет тебя!

Мишка даже не сразу понял, что в горнице звучит голос Настены. Лекарка стояла в дверях, видимо явившись на громкие голоса, и, направив на отца Михаила указательный палец, говорила так, словно рубила топором:

– Ты, поп, у них присягу принимал, а теперь клятвопреступников защищаешь! Он, по твоему, должен был ждать, когда они второй раз напасть надумают? Или тебе обязательно надо, чтобы все в чем-то грешны были? Чтобы виноватыми себя считали? Виноватого легче

подчинить, легче рабом сделать! Пастырем себя называешь? А долго ли твоё стадо проживет, если у него рога отпилить да собакам зубы выбить?

– Умолкни, женщина! Не ведаешь, что говоришь...

– А ты сожги меня! Как мать мою попы сожгли! За то, что людей лечила, за то, что младенцам на свет появляться помогала, за то, что смерть с порога гнала!

Гордая осанка, твердый голос, уверенный тон, ни малейшего намека на скандальный визг озлобленной бабы. Мишка буквально физически почувствовал, как Настена, одним своим голосом и видом, вытягивает его из водоворота безумия, куда его начало было затягивать.

– Замолчи! Ты не смеешь святых отцов...

– Смею! – Настена притопнула ногой. – Ты, долгогривый, одного парня до горячки довёл, теперь за второго взялся? Не дам! У тебя самого смерть за плечами стоит!

– Не тебе, ведьма, предрекать волю Божью...

Отец Михаил вдруг схватился за грудь и зашелся в надсадном кашле, на губах его выступила кровь.

– Ну вот, – Настена сразу же утратила весь свой грозный вид. – Эй, кто-нибудь! Бегите за Аленой, пусть страдальца своего забирает да домой тащит! Юлька, бегом на кухню! Пусть вина с медом смешают да подогреют немного. Ну-ка, дыши аккуратнее, долгогривый, не сжимайся, расслабься, не рви себе нутро, и так, наверно, одни лохмотья там.

Настена заставила священника опереться спиной на стену, что-то подсунула ему под голову, заговорила «лекарским голосом»:

– Тихо, спокойно, медленно... Не тяни в себя воздух, он сам войдет.

Тонкой струею, свежестью светлой, ласковым ветром раны обвеет.
Силой наполнит и боли утишит. Горести сгинут, и радость
вернется.

Нету болезни, и нету печали – ветром уносит, вдали разметает.
Жар, что от сердца лучами исходит, грудь согревает и горло
смягчает.

Тело теплеет, покоится мягко, соки струятся по жилам свободно,
В пальцах, в ладонях тепло тихо бьется, вверх по рукам
поднимается к телу.

Медленно голос мой сон навевает, веки набрякли, губы ослабли,
Плечи обвисли, грудь чуть колышет...

Мишка почувствовал, что на него начинает наплывать сонливость. Отец Михаил тоже задышал ровнее, расслабился, и, хотя в груди у него еле слышно сипело, приступ, кажется, пошел на убыль. Настена еще продолжала что-то говорить, но смысл слов до Мишки уже не доходил, слышен был только монотонный, успокаивающий голос. Последней ясной мыслью перед окончательным погружением в сон было:

«Ну вот. А говорят, что на меня заговоры не действуют...»

* * *

Разбудил Мишку голос деда:

– Давай, давай! Ничего он не спит, а если спит, разбудим – нечего днем дрыхнуть, на то ночь есть! Михайла! Хватит бездельничать, давай-ка делом займись, мне, что ли, за тебя отдуваться все время?

Мишка раскрыл глаз и увидел, что дед вталкивает в горницу приказчика Осьму.

Нового приказчика привез с собой Никифор и поставил его начальником над Спиридоном и тремя работниками. Внешность у Осьмы была совершенно классической, словно у актера, играющего роль купца в одной из пьес Островского: среднего роста дородный шатен с окладистой бородой и расчесанными на прямой пробор, слегка вьющимися на концах волосами. Глазки маленькие, нос картошкой, губы полные, сочные. Ладонки маленькие, пухлые, с сосискообразными пальцами. Ноги кривоватые и, пожалуй, коротковатые, что делалось особо заметным из-за упитанности тела.

Но на внешности тривиальность и заканчивалась, все остальное у Осьмы было совершенно нестандартным. Начинать можно прямо с имени. Прозвище Осьма было производным от... тоже прозвища – Осмомысл. Прозвища весьма уважительного, свидетельствующего о незаурядном уме. Не был Осьма ни закупом, ни вообще каким-нибудь должником Никифора, а в недавнем прошлом являлся весьма успешным купцом, которому Никифор сам был чего-то должен, но не в финансовом плане, а в морально-нравственном.

Как понял Мишка из весьма туманного комментария Никифора, погорел Осьма «на политике» – каким-то образом «не вписался» в процесс перевода князем Юрием Владимировичем своей столицы из Ростова в Суздаль. Князь Юрий еще не снискал себе прозвища Долгая Рука, но прятаться от него уже приходилось как можно дальше. Так Осьма и оказался в Ратном.

Мишку новый приказчик «поставил на место» сразу и бесповоротно, причем без малейшего хамства или намеков на разницу в возрасте. Мишка было начал объяснять ему все то, что объяснял Спиридону об устройстве лавки, склада и прочего. Осьма выслушал, не перебивая, а потом сам начал задавать вопросы, и тут Мишка понял, что имеет дело с настоящим профессионалом, возможно, даже покруче Никифора.

Кто в Ратном более влиятелен в невоенных делах – сотник или староста? Сколько потребуется платить в сотенную казну за право держать в Ратном лавку? Как соотносятся в местной торговле серебро и натуральный обмен? Какая доля привозимых на осенний торг в Княжьем погосте товаров идет в уплату податей и сколько остается для торговли? Возят ли товары водным путем в Пинск и выгодно ли это? К каким селениям есть сухопутный путь, а куда можно добраться только водой или по льду? Склонно ли местное население пограбить путников? Имеются ли постоянные банды грабителей? И так далее, и тому подобное.

Мишка откровенно «поплыл», а потому безропотно принял заключительный комментарий Осьмы:

– Ты, хозяин, дай мне время осмотреться, разобраться, кое-что попробовать. Потом, если чего напортачу, укажешь. Но не напортачу – дело свое знаю и никогда никого, кто мне доверялся, не подводил. Когда присмотрюсь, поговорим, таиться от тебя не стану – как надумаю дело наладить, все тебе и обскажу.

Мишка все понял правильно. Уважительное обращение «хозяин», обещание согласовывать планы, а на самом деле: «Не учи папу жить с мамой, мальчик». В очередной раз помянув недобрым словом свои «паспортные данные», Мишка смирился. В конце концов, было даже интересно понаблюдать за работой настоящего профи, поднявшегося в бизнесе до уровня политической фигуры регионального уровня (иначе с чего бы князю Юрию Суздальскому наезжать на Осьму?). Но понаблюдать не вышло – тренировки «спецназа» в «учебной усадьбе» поглотили Мишку почти целиком, только раз в неделю удавалось вырваться в воинскую школу с «инспекционным визитом».

Приходилось выбирать: либо торговля, либо обучение военному делу. Это заставило Мишку иными глазами взглянуть на викингов, которых он до того считал обыкновенными пиратами: умение сочетать войну и торговлю оказалось вовсе не простой штукой. По-иному вспомнилось и высказывание Луки о дядьке Никифоре: «Когда торгует, а когда и на щит взять умеет», оказавшееся нешуточным комплиментом материному брату.

Теперь было непонятно: то ли Осьма наконец-то решил прийти с первым отчетом, то ли дед его пригнал исключительно для того, чтобы внук без дела не валялся. Мишку спросонья взяла досада: чем закончился приступ у отца Михаила – неизвестно, Юлька ушла, теперь вот с этим разговоры разговаривать...

– Здрав будь, хозяин.

– Здравствуй, Осьма, проходи, садись.

– Благодарствую, – Осьма устроился на лавке основательно, как будто собирался засесть у Мишки надолго. – Как здоровье, что лекарка говорит? Глаз-то видеть будет?

– Говорит, что будет.

– Вот и ладно. Главное, чтобы зрению ущерб не было, а остальное – мелочи.

Раздражение не проходило, а спокойная, неторопливая речь Осьмы заводила еще больше. Вдобавок болела затекшая во сне шея.

– Осьма, ты как, по делу пришел или просто поведать?

– О здоровье справиться – тоже дело, – приказчик словно и не заметил Мишкиного хамства, Мишка чуть не плюнул со злости. – Но и дело тоже есть, и не одно. Поговорить-то ты способен, или мне через денек-другой зайти?

– Могу, – Мишка попробовал приподняться, чтобы изменить позу, его тут же замутило. – Только помоги мне немного ниже лечь, а то мутит от дурманного зелья. Все никак не отойду.

– Дело знакомое, – Осьма ловко поддержал Мишку под спину и поправил подушку. Рука у него оказалась неожиданно сильной. – Квасу пей побольше, надо нутро промыть. Брусники бы тебе еще, хорошо от этого дела помогает, но где ее сейчас возьмешь? Так удобно лежать?

– Да, спасибо. Что за дела-то?

– Одно дело срешное, хотел с Корнеем обговорить, а он к тебе погнал, – Осьма развел руками, словно извиняясь за то, что нарушил Мишкин покой. – Сотник Корней сегодня с утра свою волю объявил: трех баб с семействами к родителям возвращают, а пятерых просто изгоняют. До нашего торгового дела это прямое касательство имеет.

«Он что, рехнулся? Чем тут торговать-то? Стоп! Дома, поля, огороды – у тех, кого отправляют к родителям. Еще и холопы, если только они их с собой не заберут. А у тех, кого просто изгоняют, – вообще все имущество. Дед говорил, что разрешит взять только то, что на одной телеге увезти можно. Блин, я и не подумал даже, не до того было».

– Так ты собираешься их имущество скупить?

– И это тоже, – Осьма согласно склонил голову. – Но с этим можно и повременить, а сейчас надо с самими отъезжающими разобраться.

– С отъезжающими?

– Ну да! Они же по домам поедут, я разузнал, сухим путем. Значит, если с ними поехать, узнаем дорогу к их селищам. Сотник Корней им охрану дает, вот и нам бы с товаром вместе с ними поехать. Я почему к тебе пришел? У тебя в воинской школе купеческие детишки обучаются караваны охранять, пусть бы съездили вместе с охраной – хорошая учеба получится. Ваша ключница собралась паренька в воинскую школу с вестью послать, я его задержал. Если ты согласен, хозяин, то можно через того гонца и Петра с его отроками вызвать. Здесь их на три отряда разведем и к ратникам, которые охранять караваны поедут, приставим. Так как?

– А что? Дело хорошее. Согласен. Только надо у ратников спросить: согласятся ли отроков с собой взять?

– Я уже договорился – каждому ратнику по куне, и все покажут, объяснят, присмотрят за ребяташками в пути.

– Погоди, погоди... Мне тут рассказали, что народ на Младшую стражу зло затаил, как бы беды не натворить. Кто в охране-то пойдет?

– Лука и Тихон со своими людьми. Их четырнадцать и у Петра четырнадцать, сам Петр пятнадцатый. Выходит по десятку на караван. И я по одному работнику пошлю. Ну что, вызывать Петра?

– Давай.

Осьма набрал в грудь воздуха и гаркнул:

– Спирька!!!

В дверь просунулась прохиндейская рожа Спиридона.

– Здесь я, Осьма Моисеич!

– Скажи пареньку, чтобы ехал и передал все, как уговорено.

– Слушаю, Осьма Моисеич!

«Быстро ты Спирьку выдрессировал, чувствуется хватка. Хотя этому типу много не нужно, пару раз морду начистить, и шелковый станет, но верить ему нельзя ни на копейку».

Спирька скрылся, а Осьма продолжил все так же спокойно и размеренно:

– Теперь о тех, кого изгоняют на все четыре стороны. Пять баб и тринадцать детей разного возраста. Идти им некуда, я разузнал, родни в округе у них нет. Значит, либо сгинут, либо кто-то их похолопит. Почему не мы?

– Да ты что? Своих...

– Какие же они свои? Изгой, на твою жизнь и жизнь твоей родни умышлявшие.

– Бабы, детишки?

– Муж и жена плоть едины. Господь же наш ревнитель наказывает детей за грехи отцов до третьего и четвертого колена. Нас, грешных, Господь сотворил по образу и подобию своему, почему же нам не следовать Его примеру?

«Ну да. Дед, помнится, объяснял, что христианство выгодно, но не до такой же степени! Вот, значит, как олигархами становятся! Личные связи с властями предрержащими, плюс оправдание любого своего «коммерческого» предприятия постулатами официальной идеологии, плюс полное отсутствие морали. То-то он от Юрия Суздальского аж через несколько границ утек. Долгорукий – мужчина серьезный. Эх, кто бы ТАМ так же Березовского ишуганул. Нет, пока Ельцин президентствует, «Березу» не тронут...»

Осьма между тем продолжал:

– Сейчас в Ратном три десятка твоих ребят. Да хватит и двух десятков, я сам с ними поеду. Догоним, полоним, отведем в Княжий погост. Спирька туда малую ладью пригонит, он один раз уже туда ходил. Сейчас многие добычу, в Куньем городище взятую, сбывать хотят. Погрузим все на ладью, на весла холопов посадим – и вниз по Пивени, потом по Случи. Дня за три до погоста доберется. Там баб с детишками – на ладью и в Пинск. В Пинске приказчик Никифора сидит, поможет быстро расторгнуться...

– Нет!

– Что «нет»?

– Пусть изгой, пусть злоумышляли, но своими, ратнинцами, я торговать не стану! Бабы меня и так прилюдно прокляли, а если я их еще в рабство...

– Нет так нет, – легко согласился Осьма. – Пусть другим достанутся или зверью на обед. Однако куньевскую добычу ты в Пинск отправить не против?

– Не против.

«Что же вы натворили, сэр Майкл? Пять женицин, тринадцать детей... «кому-то достанутся или зверью на обед». XII век, одиночки не выживают, даже этот «коммерсант», туды его мать, вынужден к кому-то пристраиваться, хозяином называет, курва. Где правда, в чем? У отца Михаила своя правда – я пролил невинную кровь, у Настены своя – клятвенно преступников карать без жалости, у Пелагеи своя – будь ты проклят, Бешеный Лис.

А где моя правда? С чем я сюда пришел? С избавлением от тюрьмы и смерти, с радостью от подаренной второй жизни? А еще с чем? В Бога не верю, сотне сам гибель предрек...

Тпру, стоять, сэр! Кажется, уже договаривались: никаких интеллигентских самокопаний и самобичеваний. Все идет так, как должно идти в этом времени и в этих обстоятельствах. Боитесь замараться? Ну так извольте проследовать в сортир с намыленной веревкой! Впрочем, это мы уже однажды обсуждали...»

– Хозяин, ты слушаешь?

– Что?

– Э-э, может, ты устал, потом продолжим?

– Нет, говори, что ты хотел.

– Я говорю: продал бы ты мне дом Устина.

– Чего? – Мишка даже не сразу понял, о чем идет речь. – Ты о чем, Осьма?

– Да нет, хозяин, я все понимаю! Чужим в Ратном строиться или покупать дома не дозволено, я узнавал. Разве что на посаде, да и то еще неизвестно, посад-то у вас пока нет. И тебе усадьбой владеть не по возрасту. Но других-то хозяев нет. Устин убит, жена его убита, детей их к родне отсылают. Ты усадьбу на шит взял, тебе и владеть, то есть пока, конечно, деду твоему вместо тебя, но через два года ты в возраст войдешь, дед тебе меч навесит, тогда ты в своем праве будешь.

– Но все равно же чужому продать нельзя будет, – язык так и чесался послать Осьму с его коммерцией куда подальше. – Что за два года изменится?

– Э, хозяин, за два года много воды в Пивени утечет, всякое случиться может. Но я столько ждать не могу, мне семейство перевезти сюда надо. Я что предлагаю: купчую я подпишу с тобой, силы она пока иметь не будет, а жить в том доме я буду как бы по указу сотника. Это можно, я узнавал. Через два года купчая вступит в силу, но знать об этом никто не будет – живу себе и живу. А еще сколько-то времени пройдет, так никто и не задумается – привыкнут.

– Дед в курсе?

– Что?

– С дедом ты это все обговорил?

– А как же? Он так и указал: продаются только постройки, другое имущество, холопы, пашенные земли, разные угодья – все тебе. Так я и не претендую, холопы – дело наживное.

– Слушай, Осьма. Вот ты сюда семью перевезти собираешься... Представь себе, что кто-то их по дороге из Суздаля перехватит так, как ты наших изгоев предлагаешь перехватить. Как это тебе?

– Ну во-первых, я из Ростова, а не из Суздаля. Во-вторых, семья у меня уже в Турове. А в-третьих... чего ты хочешь-то? Тут уж, куда ни кинь, везде клин. Для изгоев легкой судьбы не бывает. Самое лучшее, если в холопы угодят, но могут разбойникам попасться или зверью. Могут просто с голоду помереть или от болезни, но это долго, раньше до них кто-нибудь добраться успеет. Совесть тебя мучает? Ну возьми их к себе в крепость! Только тогда каждый день жди: либо нож в спину, либо яд в еду. Я их судьбу менять не предлагал, я предлагал на их беде нажиться.

– Что ты сказал? Ты что, б...дь, сказал...

– Уймись, парень...

– С-сволочь, это ты мне... – Мишка сел на постели, перед глазами поплыло, преодолевая тошноту, он сунул пальцы в рот и высвистал сигнал: «Тревога, все ко мне!»

– Стой, ты что делаешь, парень!

– Ур-рою, падла... – Мишка попытался опереться рукой на край постели, но ладонь соскользнула, и он свалился на пол. – Не прикасайся ко мне!

Не обращая внимания на Мишкино сопротивление, Осьма подхватил его и уложил обратно.

– Да что ж ты творишь, парень? Разве ж можно так?

Мишка снова попытался свистнуть, но рот наполнился тягучей слюной, и у него ничего не получилось.

– С-сука брюхатая, сейчас ты у меня наживешься...

За дверью послышался топот ног и дедов командный рык:

– Стоять! Я кому сказал? Всем назад, я сам разберусь!

– Я тебе разберусь, старый хрыч! – возник на фоне общего шума голос Настены. – Совсем очумели мужики. А вы чего здесь? В кого стрелять собрались? Пошли вон!

Что-то пробубнил молодой голос, кажется Дмитрия, в ответ снова рыкнул дед:

– Он старшина, а я сотник! Вон отсюда!!!

Мишка снова, уже понимая, что дед никого к нему не допустит, попытался свистнуть, но Осьма прижал его руки к постели, потом обернулся к двери и закричал:

– Корней Агеич, да зайди ты наконец, не уймется никак твой Лис!

Вместо деда в горнице появилась Настена.

– А ну отпусти парня! – рявкнула она на Осьму. – Прочь руки!

– Да он сам же себе навредит, гляди, как его корежит.

– Не навредит! – Настена обернулась назад и кого-то там схватила. – А ну, поди-ка сюда!

Мишка от изумления даже забыл о тошноте – Настена тащила деда в горницу за бороду!

– Вы что тут устроили? Я что, вас все время в разум возвращать должна?

– Да отпусти ты, дурища! – дед безуспешно пытался высвободить бороду из пальцев

Настены. – Ох, ядрена м-м-м...

Настена коротко двинула свободной рукой, и дед, скрючившись, начал оседать на пол.

– Я тебя отпущу! Я тебя так отпущу – неделю в нужнике ночевать будешь! – лекарка, выпустив бороду деда, повернулась к Осьме. – А ты, торгош...

Осьма не стал дожидаться продолжения и, подхватив лавку, многозначительно подкинул ее в руках, перехватывая для удара.

Мишка заскреб пальцами по стене, пытаясь дотянуться до висящего над постелью пояса с оружием.

– Все!!! Хватит!!! – заголосил с пола дед. – Остановитесь все!!! Михайла, лежать! Осьмуха, оставь лавку, не тронет тебя никто! Настька! Настька, встать помоги. Размахалась, пони-маешь, меня лошадь так не лягала.

– Что случилось? – донесся голос матери.

– Корней Агеич, что с тобой? – вторил ей голос Листвяны.

– О господи! – взвыл дед. – Вас только тут не хватало! Настена, Христа ради, уведи их!

Все уже, никто никого не тронет.

Лекарка подозрительно оглядела присутствующих и неожиданно подчинилась деду.

– Анюта, Листя, пошли отсюда.

– Да что у вас тут...

– Пойдем, пойдем, – прервала мать Настена. – Мужики дурью маются. Пойдем, там поговорим, – лекарка подхватила мать и Листвяну под руки и повлекла в сторону сеней. – Пошли, бабоньки, парнишек успокоить надо, а то они за самострелы похватались, долго ли до беды...

Осьма проводил женщин взглядом, шумно выдохнул, поставил лавку на пол и протянул руку деду:

– Вставай, что ли, Корней Агеич.

– Да пошел ты, Осьмуха... Ох, ядрена матрена. Лекарка, а дерется, как Бурей. Знает ведь, в какое место двинуть, жаба.

– Д-а-а, грозна бабища, – согласился Осьма. – Я думал, грознее вашей Алены никого и нет. А эта... ну надо же...

– Кхе! Ты еще не видал, как она на пару с Лаврухой зубы больные рвет! Вот где ужас-то! Лавруха клещами зуб ухватит, а она ка-ак даст в лоб! Только искры из глаз. А Лавруха хрясь зуб изо рта... – Деда аж передернуло от жутких воспоминаний.

Мишка, после второго за день эмоционального срыва, лежал в совершенной прострации. Дед с Осьмой еще о чем-то говорили, даже, кажется, немного посмеялись – ему было все равно, он закрыл глаз и погрузился в тупое бездумье. Осьма что-то рассказывал про лекаря-пьяницу, который лечил его в Юрьеве после ранения, полученного в схватке с чудью. Кажется, юмор ситуации заключался в том, что лекарь с пьяных глаз принял Осьму за роженицу и обозлившийся приказчик Осьмы поволок его протрезвляться в проруби, чуть при этом не утопив. Протрезвев, лекарь очень ловко зашил широкую рану от лезвия рогатины, но на следующий день ничего не помнил и последними словами ругал неумеху, зашившего плечо вкривь и вкось, авторитетно заявляя, что таким лекарям надо руки обламывать, а еще лучше душиить их в колыбели, чтобы потом не возиться.

Дед в ответ поведал душераздирающую историю о том, как Бурей, доставая рыблю кость, застрявшую в горле у одного из обозников, ненароком сломал локтем нос не вовремя подсунувшемуся другому обознику.

Похоже, оба собеседника чего-то ждали, развлекая друг друга медицинскими анекдотами. Голоса скользили по краю Мишкиного сознания, не вызывая никакой реакции и превращаясь постепенно в «белый шум». Ни малейшего желания выбраться из этого «сна наяву» у Мишки не возникало. Наоборот, он ощущал удовлетворение оттого, что не надо ни о чем думать, ни о чем беспокоиться, ни на что реагировать. Нет, ничего вокруг нет: ни гнусного циника Осьмы, ни посланных на смерть или рабство женщин и детей, ни деда с его непомерными требованиями, ни Листвяны с ее интригами, ни предшественника с матерным посланием, ни Первака, ни иеромонаха Иллариона, ни людей в маскхалатах, ни... Пошли они все в самые разнообразные места!

Потом в монотонный шум вплелся голос Настены:

– Ты что обещал, старый?

– А что такое? Все хорошо, вон он – спит.

– Это, по-твоему, спит? Подойди-ка!

– Михайла, эй, Михайла, – кто-то потряс Мишку за плечо. – Михайла, проснись.

«Нет, не хочу. Ни видеть, ни слышать, ни просыпаться, ничего вообще не хочу. Достало меня все, и вы все достали. Господи, сдохнуть бы, чтобы все это закончилось. Сдохну, вернусь в Питер и... и там тоже сдохну, и наконец-то все это закончится, не могу больше».

– Как тряпочный... Настена, чего это с ним?

– Не с ним, а с вами, дурнями! Заездили парня. Осьма, чего ты ему наговорил?

– Да ничего такого особенного...

– Ничего особенного? А с чего он ребят своих высвистал? Ты хоть представляешь, что бы они с тобой сделали, если бы мы их не остановили?

– Осьмуха... Кхе, ты что, от себя чего-то придумал?

– Что ты, Корней Агеич? Как договаривались: сначала про изгоев поговорили, он не придумал ничего. Ты-то говорил: выдумает, выдумает такое, что нам и в голову не придет. Не выдумал он ничего.

– Кхе... А потом? Он же не из-за этого своих убивцев звать стал?

– Не из-за этого. Я ему предложил мне усадьбу Устина продать. Сказал, что раз он на щит ее взял, значит, она ему и принадлежит. Со всем хозяйством: с холопами, пахотными землями, угожьями. Тут, правда, непонятно как-то вышло. Любой парень на его месте обрадовался бы, а он... Знаешь, Корней Агеич, ему вроде бы даже неинтересно было.

– Неинтересно? Кхе! Как это неинтересно?

– Погоди, Корней. Осьма, ну-ка вспомни хорошенько: почему ты решил, что ему неинтересно? Продавать не захотел или торговался без интереса?

– Да нет, Настена, об этом и речи не было. Он разговор обратно на изгоев перевел. Ну а я, знаешь, таким гнусом прикинулся и говорю: «Судьбу их изменить ты не можешь, но можно на их горе нажить» – тут и началось!

– Еще раз и подробно. Как он разговор с усадьбы на изгоев перевел?

– Да что ж ты прицепилась, Настена? Глянула бы лучше Михайлу...

– Заткнись, Корней! Учить еще меня будешь! Говори, Осьма.

– Гм... Я обмолвился, что семейство сюда перевезти собираюсь, для того, мол, и усадьбу хочу купить, а он и спрашивает: «А если твоих так же переймут, как ты изгоев перенять собираешься?» А в чем дело-то?

– А ты не понимаешь? Вчера родился? Лежит парень... Не муж матерый – мальчишка! Лицо обожженное, треть уха отрезана, боится одноглазым уродом на всю жизнь остаться и не радуется тому, что на него богатство свалилось, а мучается из-за баб и детишек. И ты ничего не понял?

– Гм, я как-то и не подумал.

– А ты, Корней, подумал?

– А я-то чего? Кхе... Меня вообще в горнице не было!

– Ты-то чего? Давай-ка вспоминай: кого ты ему с утра для разговора прислал?

– Стерва.

– О чем разговор был?

– О том, чтобы дозор с болота снять, из которого эти... «пятнистые» приходили.

– Значит, напомнил Михайле лишний раз, что на него неизвестно кто охотится? Так?

– Кхе... Выходит, так.

– Как это охотятся, Корней Агеич?

– Да видишь, Осьмуха, была тут одна история...

– Погодите, мужики, потом истории рассказывать будете. Кто следующий приходил и с каким делом?

– Сучок приходил. О строительстве говорили, наверно, я не вникал.

– Не вникал он! А про то, что Сучка в человеческом жертвоприношении обвиняют, слышал? Так вот: Михайла придумал, как это обвинение отвести. Поп отступился, Юлька сама все видела и слышала.

– Кхе! Слышал, Осьмуха? А ты говоришь: обычный парень.

– Я говорил: испытать надо, а не обычный...

– Замолкните оба, треплетесь, как бабы у колодца. Кто следующий был?

– Юлька твоя, потом поп притащился, потом Алена его уволокла, ты же сама все видела.

– Не все. Если бы я весь разговор слышала, Юльке бы косу оборвала, а попа удавила бы!

– Кхе!

– Да перестань ты кхекать, Корней! Ключницу обрюхатил, девок лапает, а как что, так сразу старик древний! Передо мной-то хоть не выделяйся!

– Ох и язва ты, Настена. Так чего там с попом-то?

– Моя дуреха Михайле во всех подробностях про то, что на сходе случилось, рассказала.

И про проклятие, и про клятву Пелагеи.

– И он после этого их пожалел? Осьмуха, ты слышал? Они его прокляли, убить поклялись, а он... Вот! Говорил я, чтобы не таскался к попу!

– Про попа и речь. Он Михайлу в пролитии невинной крови обвинил. Мол, передумали злодеи, домой пошли, а он их, невинных овечек, жизни лишил.

– Да ты что, Настена? Так и сказал?

– Да! И в смерти Марфы и Григория тоже Михайлу овиноватил!

– Ну змей долгополый! Да я его...

– Не трудись. Ему жить осталось до октября, самое большое до ноября. Весь сгнил изнутри. Да и не о нем речь. Михайлу-то как раз тогда в первый раз и скрутило. Юлька только и разобрала, что для него несправедливое обвинение вроде бы не в новинку стало. Испугался он чего-то такого... Ни я, ни Юлька не поняли, но для него это страшно оказалось. Так страшно, что мог бы и ума лишиться.

– погоди, Настена, какое несправедливое обвинение? Кто его когда-то обвинял?

– Не знаю. Но страшнее этого для него ничего нет. Даже не знаю, что и думать. Крови он не боится, людей положил, наверно, не меньше десятка, и вдруг такое...

– Кхе... Ой!

– Да ладно тебе, Корней, чего вспомнил-то?

– Был у Михайлы один случай... Может, и не то, но больше ничего не припомню. Раненого он добил на дороге в Кунье городище. За пса своего посчитался. Терзал страшно, позвериному. До того случая его только мальчишки Бешеным дразнили, а после того и среди ратников разговоры о Бешеном Лисе пошли. Может, оно? Как думаешь?

– Может, и оно. Попрекал его этим кто-нибудь?

– Не слышал. Разве что поп мог.

– Тогда все сходится: за тот случай поп, и за этот случай тоже... Могло и скрутить. Вот ведь гнусь Христова, а Михайла его любит, но оттого и попрек уязвляет сильнее.

– Так зачем же ты его отхаживала сегодня? Пускай бы и загнулся.

– Да не его я отхаживала, а Мишку. Внук-то у тебя упертый – наговорам не поддается. Вот и пришлось дурочку строить: вроде бы на попа наговор кладу, а на самом деле на него. Подействовало – уснул.

– Искусница ты, Настена...

– Да погоди ты, Корней. Самого главного-то я еще не сказала. Поняла я, что с Михайлой, только вот чем помочь, не знаю.

– А ну-ка объясняй. Может, вместе чего надумаем?

– Помнишь, Корней, как у Ласки детей молнией убило?

– Помню, как не помнить... Жалко бабу было.

– А болезнь ее помнишь?

– Ума лишилась. Понаделала кукол и нянчилась с ними, как с детишками: кормила, пила, спать укладывала, песни пела, обновки шила... муж ее мне плакался, что сам потихоньку с ума сходить начинает, на нее глядя...

– погоди про мужа, Корней. Ты понял, почему она так делала?

– С ума сошла, почему же еще?

– Нет, Корней, она не хотела соглашаться с тем, что дети ее умерли. Не перенести ей было этой мысли, вот она и придумала себе, что куклы – это ее живые дети. Как бы спряталась от настоящей жизни в выдуманную. Раз есть кого кормить и обихаживать, значит, не было никакой молнии, никого она не убивала... Понимаешь?

– Угу... Когда муж ее кукол в печке пожег, она пошла детей в лес искать, так и сгинула.

– Правильно. Нельзя человека из выдуманного мира силком вытаскивать – добром не кончится.

– А Михайла тут при чем?

– Вспомни-ка, как отец Луки Говоруна умирал.

– Так он сам все решил! Он мне тогда так и сказал: два сына в бою полегли, достойно – с оружием в руках. Третий сын в десятники вышел. Дочек замуж выдал, жену схоронил, долгов нет, хозяйство в порядке – жизнь прожита, помирать пора. Лег и через два дня помер. Чего мы ни делали... Даже на слова не отзывался.

– Все верно, Корнеюшка. Вот и Михайла твой не отзывается.

– Да он же не старик еще, жить и жить!

– Да! Только жизнь ему невмоготу стала: охотятся на него – убить хотят, несправедно пролитой кровью попрекают, проклинаят прилюдно. А дел ты сколько на него навалил? И ребят учи, и крепость строй, и с приказчиком о торговле думай. Он справлялся. Как умел, но справлялся, даже Сучка окоротил, даже один от пятерых отбил. Но предел-то всему есть! Ему же только четырнадцать! Посмотри на его сверстников: с девками по кустам пошастать, втихую от родителей пивка попить, воинскому делу потихоньку учиться – это по возрасту. Самое же главное – только за себя отвечать, да и то не очень. Случись что, родители помогут. А ты, старый дурак, что с внуком наделал? Как лошадь загнал! За полсотни ребят – отвечай, за строительство крепости – отвечай, за все прочее... Он у тебя когда последний раз отдыхал? Только когда раненый валялся? Девка у него хотя бы есть? Чего молчишь?

– Кхе... Засматриваются на него, я слышал. И не одна, только он как-то так – без интересу.

– В четырнадцать лет – и без интересу? Корней, ты себя-то вспомни!

– У него невеста нареченная есть, только он об этом пока не знает.

– Знает! Ему Анюта рассказала.

– Тьфу! Языки ваши, бабы...

– Ага, бабы у вас во всем виноватые. Ты лучше подумай, какую ты ему еще заботу навесил, кроме прочих!

– Ну уж и заботу!

– Заботу! Представь, что Агей, покойник, тебя насильно женить бы захотел. Представил? Ну и как?

– Кхе!

– Вот-вот! А тут все в один день: Юлька ему показала, как ухо обрезано, глаз левый сам открыть не смог, попреков и угроз наслушался, забот навалилось, и – на тебе: Осьма на него ответ за жизни баб и ребятишек навесил! Да кто ж такое выдержит? Вот он и спрятался от этой жизни – ничего не видит, ничего не слышит, лежит пластом. Нету его! Нету, значит, ни о чем думать не надо, ни о чем не беспокоиться, ни за что ответ не держать.

– Кхе... Так это... Настена, чего ж делать-то теперь?

– Не знаю! И других лекарок спрашивать бесполезно – тоже не знают! И Ниня не знает! Такие случаи редко, но бывали. Ничего не действует, даже каленым железом прижигать пробовали – не чувствуют такие больные ничего! Для Михайлы сейчас это все в другом мире происходит – там, где его нет, а значит, не с ним.

– Кхе... И что, никакого средства?

– Только ждать. Может быть, сам отойдет и вернется, но... не знаю. Ему сейчас там лучше, чем здесь, зачем возвращаться?

– Он хоть слышит что-нибудь?

– Слышит... может быть. Ты слышишь, как куры за окном квохчут? Сильно это тебя касается?

– Гм, Настена... Я правильно понял, что нужно что-то, что Михайлу заденет, заставит к этому миру обернуться? – спросил приказчик.

– Правильно, Осьма, видать, не зря тебя разумником считают.

– А что это может быть?

– Ох, ну назови кого разумным, он тут же дурнем и выставится! Говорю же: не знаю!

– Не сердись, Настена, если чего не знаешь, то подумать нужно. Корней Агеич, через твои руки молодых ребят много прошло, бывают такие случаи, что они вроде как не в себе делаются?

– Кхе... Бывает. Новики после первого боя, почитай, все дуреют. Одних трясет, другие болтливые как сороки делаются, третьи как бы замирают – сидит такой пень пнем и куда-

то смотрит. Рукой перед ним помашешь, а он не видит. Особенно если ранен или напугался сильно.

– Настена, похоже это на то, что с Михайлой случилось?

– Как сказать... не совсем, но похоже.

– Корней Агеич, а что вы с такими делаете, как в разум приводите?

– Можно оплеухой. А еще лучше хмельного налить, чтобы до изумления надрался, утречком опохмелится – и порядок. Ну и еще... всякое...

– Корней! Чего ты жмешься, как девка? Баб вы им пьяным подкладываете, скажешь, не так?

– Так... Если найдутся, конечно, не всегда же полон бывает... А вообще – это первое дело от всех хворей, что телесных, что духовных. Бывает, так от крови и железа осатанеешь – себя не помнишь, а тут винца или медку хлебнул, одну-другую бабу прихватил – и как рукой сняло... Э? Настена, так ты что, хочешь Михайлу этим делом полечить?

– Четырнадцать лет, плотских утех еще не отведал... Можно попробовать.

– Кхе! Так ты что же, сама, что ли...

– Корней!!! Я тебе точно сегодня чего-нибудь отобью!

– Так для лечения же...

– Кобель облезлый! Я тебе такое лечение сейчас...

– Корней Агеич! Настена! Перестаньте! Ну что вы, как дети малые, ей-богу! О деле бы подумали, чем лаяться!

– С ним подумаешь! Только об одном – средстве от всех болезней...

– А сама-то небось и рада...

– Прекратить!!!

– Осьмуха, да ты рехнулся!

– Это ты рехнулся! Внук почти бездыханный лежит, а ты с бабой... Опомнитесь!

– Кхе... Настена, о чем это мы с тобой... Что ты там говорила?

– О чем, о чем... Все о том же! Средство измыслили, спасибо Осьме – догадался тебя о новиках расспросить, теперь надо думать, как лечить будем.

– Корней Агеич, я тут человек новый, есть в Ратном женщины, которые... гм... болтают-то всякое, а как на самом деле?

– Про которых болтают – это для удовольствия, а то, что нам требуется, – ремесло. Ближе чем в Турове не найдешь. Настена, Михайла так долго лежать может?

– А ты что, в Туров его везти собрался? Не выйдет. Он же не ест, не пьет, потихоньку слабеет. Какое-то время пройдет, и дышать перестанет.

– Какой Туров? Я о другом говорю. Ты, Настена, только не ругайся сразу... не будешь?

– Говори уж.

– Я вот подумал: может, ты кого из баб научить сможешь? Я ей заплачу, и в тайности все сохраним. Только быстро нужно, парень-то, ты сама сказала, слабость будет.

– Ох, Корней, до седых волос дожил, а ума как у младенца. Научить... Ты взялся бы, к примеру, Осьму на дудке играть научить?

– На какой дудке? Я и сам не умею...

– То-то и оно! Я лекарка, а не... сам понимаешь. Чему я в этом деле научить могу?

– Кхе... Да кто ж вас, баб, поймет? Может, ты по лекарскому делу об этом чего-нибудь знаешь?

– Так и ты про дудку знаешь: суй в рот да дуй посильнее, вот и вся наука. Ладно, не мучайся, знаю я, кто нашему горю помочь сможет.

– Кто?

– А вот это, Корнеюшка, не твоего ума дело. Собирай Михайлу да вези ко мне в дом. А там уж моя забота: кого позвать да как все устроить. Юльку к тебе ночевать пришлю, рано

ей еще таким вещам учиться, да и за Роськой приглядеть надо. Давай-ка снаряжай телегу, а я пока с Анютой переговорю. А ты, Осьма... Я думаю, ты и сам все понял, Осмомысл, не зря ж тебя так прозвали?

* * *

Мишка очнулся от ощущения приближающегося оргазма. Финал был мощным, как в молодости, сидящая на нем в позе «Маленькая Вера» женщина тихонько застонала. В комнате было темно, но белеющий силуэт женского тела достаточно ясно давал понять, что партнерша была отнюдь не модельных статей, да и не первой молодости.

«Где ж я ее снял? Можно подумать, что на вокзале. Тогда куда я ездил? Ни хрена не помню, надо ж было так нажраться! С каких это пор, сэр, вы проимандовок на вокзалах снимать начали? М-да, докатились...»

Мишка протянул руку, чтобы включить свет, но не нащупал не только лампы, но даже и тумбочки, на которой ей полагалось быть.

«Так, еще и не дома. И куда же вас, сэр, занесло, позвольте поинтересоваться? Запах какой-то... вроде бы сеном пахнет. За город уехал? Нет, это уже ни в какие ворота – усвистать из Питера на дачу к этой корове... Как ее зовут-то хоть?»

Мишка еще пошарил вокруг себя, не обнаружил ни одежды, ни сигарет и спросил:

– У тебя закурить нет?

Женщина тихонько хихикнула, соскочила с постели и скрылась в темноте. Мишка поднялся следом, его повело в сторону и затошнило, пришлось сесть на постель и опереться спиной о стену.

«Понятно: водка паленая, завтра печень отваливаться будет».

Какое-то непонятное ощущение в спине заставило протянуть руку назад. Стена была бревенчатой, проконопаченной мхом! Под босыми ногами ощущались доски пола, кажется, даже и некрашенные!

«Та-ак, явно не дача – деревенский дом. На пейзажок потянуло, сэр? Возвращение к корням, так сказать? Давненько у нас таких приключений не было».

Рука сама собой потянулась почесать в затылке и наткнулась на охватывающую голову повязку. Дальнейшее ощупывание локализовало два больных места – левое ухо и левую бровь. Вроде бы начала выстраиваться какая-то логика: ДТП на загородной дороге, сотрясение мозга, амнезия, убогий сельский медпункт, любвеобильная медсестра бальзаковского возраста.

Из темноты донесся звук открываемой двери и пахло летней ночной прохладой.

«Ага, «удобства» во дворе. Что ж, следовало ожидать. Куда же меня занесло? Впрочем, не обязательно так уж и далеко от Питера: живем так, что сотня-другая километров от крупного города – и ты уже в другом мире».

– Послушайте! – обратился Мишка в темноту. – Телефона у вас тут, скорее всего, нет, но у меня с собой мобильник был. Это радиотелефон такой, – счел он необходимым объяснить на всякий случай. – Без проводов работает. Правда, батарейки могли сесть, но электричество-то у вас есть, наверно? Да включите вы свет, в конце концов!

В темноте, совсем не в той стороне, куда обращался Мишка, раздался какой-то шорох, а потом звуки, породившие воспоминание о раздувании углей, и, действительно, слабое красное свечение начало периодически «проявлять» силуэт склоненной женской фигуры. Вспыхнула щепка, Мишка прищурился от показавшегося нестерпимо ярким света.

– Ага! Сельская медицина функционирует при свете лучины. Пламенный привет от Анатолия Борисовича Чубайса! Дерьмокра...

Мишка застыл с открытым ртом – перед ним с горячей лучиной в руке стояла лекарка Настена!

- Опамятовал, Мишаня? Смотри-ка, и глаз открылся! Совсем ты молодец.
- Вот тебе и ДТП с амнезией, гаишникам и не снилось...
- Что? Ты на каком языке говоришь? Мишаня, узнаешь меня, себя помнишь?
- Узнаю, матушка Настена, узнаю и себя помню – Мишка я, сотника Корнея внук. При-
снилась просто дурь какая-то... Можно я лягу, а то что-то мне...
- Ложись, ложись. Что, мутит? На-ка выпей.
- Мишка глотнул травяного настоя и откинулся на подушку.
- Где это я? У тебя, матушка Настена? А почему, мне что, хуже стало?
- А вот это ты мне скажи: хуже или лучше?
- Да вроде бы... – Мишка прислушался к собственному телу. – Знаешь, вроде бы лучше.
Правда, лучше. А что это за женщина была?
- Ну, Мишаня... Лечение разное бывает. Можно травами, можно наговорами, а можно
и так. Для тебя лучше оказалось так. Сейчас тебе главное...
- А кто она? – прервал Настену Мишка. – Я лица не разглядел.
- Неважно, ты сейчас о другом подумай...
- Почему неважно? Она же мне помогла, ты сама сказала...
- Ну что ты за упрямец такой! Помогла, помогла... неизвестно еще, кто кому больше
помог. И лечение еще не закончилось.
- Она еще придет?
- Сказать, что Мишка был пленен своей недавней партнершей, было бы очень и очень
большим преувеличением, но подросток, по его мнению, должен был реагировать именно так.
- Спи! – сердито приказала Настена и отошла к печке. До Мишки донеслось негромкое
ворчание. – Все вы – кобели, только одно на уме...
- Мишка не видел лица Настены, но почему-то ему казалось, что лекарка улыбается.

* * *

На следующий день Мишку забирали домой. Юлька, явившаяся раньше всех, в очеред-
ной раз полаялась с матерью на тему «что ей уже пора знать, а что еще рано», в очередной же раз
потерпела сокрушительное поражение в словесной дуэли, подкрепленное звучным подзатыль-
ником и получила команду отправляться за водой. Ухватив, видимо в знак протеста, «взрос-
лые» ведра, она огребла еще один подзатыльник и, хотелось бы думать, нечаянно, уронила
одно из ведер матери на ногу. После этого к Настене без защитных очков и диэлектрических
галош лучше было не подходить, но явившийся вслед за Юлькой дед об этом не знал. Результат
воспоследовать не замедлил: в ответ на непонятную для Мишки дедову фразу: «Нашлась-таки
умелица!» – Настена отозвалась почти звериным рыком на тему «кобеля облезлого».

Впрочем, дальнейшего развития конфликт не получил – в отличие от отца Михаила,
Настена воинскую субординацию понимала и в присутствии парней из «спецназа», которых
привел с собой дед, лаяться на сотника себе не позволила. Дед тоже от комментариев воз-
держался, оба вместо ругани принялись поторапливать «спецназовцев», чтобы те побыстрее
выносили своего старшину из дома.

Снаружи дед выступил в совершенно непривычном для себя амплу няньки. С заботли-
вой суетливостью он то командовал парнями, укладывавшими Мишку в телегу, то лез оправ-
лять подстилку или подбивать под голову внука побольше сена, толкался, ругался, больше
мешал, чем помогал, и наконец устроив Мишку, как ему казалось, с удобством, отправил
«спецназ» в село, а сам взял в руки вожжи и пошел рядом с телегой.

– Деда, что со мной было-то? – осторожно поинтересовался Мишка. – Как я у Настены
оказался?

– Понимаешь, какое дело. Кхе... – дед явно затруднялся с формулировкой. – Устал ты, Михайла. Не телом устал, не умом, а духом. Я так понимаю, что слишком много забот на тебя навалилось, а ты старался со всеми справиться, да еще чтобы все в самом лучшем виде, ну и надорвался.

– И что?

– Уснул ты как бы. Только от такого сна, Настена сказала, можно и не проснуться. И разбудить тебя никак не получалось. Вроде бы не хотел ты в мир возвращаться – к заботам, к волнениям. Чем-то надо было тебя расшевелить, ну мы и измыслили... способ. Кхе.

«Так. Значит, «сексотерапию» санкционировал дед, понятно, почему Юльку выгнали и почему она такая злющая утром заявила. А чего Настена с дедом-то сцепилась? Неужели сама «лечила»? Блин, я и не разглядел, да и не сориентировался сразу – решил, что ТАМ нахожусь. И правда, как будто в самоволку сходил, надо же! Что же со мной было? По дедову описанию не поймешь, по собственным ощущениям тоже. Кома? Коматозников вроде бы не трахают, во всяком случае, мужчин. Про эженицин что-то такое в кино показывали, но мужиков? Вряд ли. Реактивное состояние? Не знаю, все-таки я не медик, но аут, надо понимать, был глубоким.»

Ладно, суть не в названии болячки. Как я доигрался до такого, вот в чем вопрос! Собственно, один раз я диагноз себе уже ставил – взрослое сознание и полудетский организм. Управляющая подсистема грузит подведомственный биологический комплекс, нарушая все допустимые пределы, а организм лупит по мозгам через каналы обратной связи. Раньше разрядка эмоционального напряжения осуществлялась через приступы бешенства, через двигательную активность и физическую нагрузку, а в этот раз? А в этот раз я и пошевелиться-то толком не мог, а наехали на меня слишком круто. Да еще что-то вроде «короткого замыкания» произошло по поводу «превышения пределов необходимой самообороны». Настена меня тогда усыпила. Усыпляла-то она отца Михаила, но под ее воздействие попал и я.

Вот, пожалуй, и ответ: в пиковый момент организм получил подсказку, как выйти из опасной ситуации, а когда Осьма меня напряг, все пошло по проторенной дорожке, только глубже – отключилось не только сознание, но и внешние рецепторы. Говоря по науке, управляющая подсистема оказалась заблокированной, организм решил, что прекрасно обойдется и без головного мозга – одним спинным. Кажется, кто-то из великих подобным образом отозвался о нацистах – им не нужен головной мозг, достаточно спинного. Ну а на «сексотерапию» спинной мозг прекрасно отозвался – его же специализация. Кхе, как говорит граф Корней. Во всяком случае, результат налицо, но стрессов надо, по возможности, избегать...»

– О чем задумался, Михайла?

– Подвел я тебя, деда, не справляюсь с делами.

– Ничего, внучек, это не страшно. Поможем, от каких-то дел освободим. Ты, главное, не заботься так сильно, не стесняйся сказать, когда неподъемно бывает.

– Деда, ты раньше совсем другое говорил.

– Другое... Кхе! Да, говорил, но кто ж знал...

«Э, граф, а напугались-то вы крепенько, впрочем, а кто бы не напугался?»

– Деда, я спросить хотел... только ты не ругайся, ладно?

– Ладно, ладно. О чем спросить-то?

– Почему я тогда один за бунтовщиками погнался? Вернее, так: почему мы не готовы были к тому, что часть из них сбежать попробует? Не предусмотрели или так и задумано было?

– Других забот у тебя нет? Как случилось, так и случилось, чего уж теперь-то?

– Мне знать надо, деда. Гриша погиб, если бы я их отпустил, он живой был бы.

– Эх, Михайла... Как ты думаешь, сколько за десять лет моего сотничества народу убито было? Даже и не гадай, все равно не догадаешься. Сто восемнадцать человек! Хочешь, всех поименно перечислю? Всех помню! И о каждом из них мысль была: решил бы я иначе, и был

бы он жив. Да только нельзя было иначе, почти никогда. А если можно было, то выяснялось это уже потом, когда ничего уже было не исправить. Из этих ста восемнадцати таких – двадцать два.

Привыкай, Михайла, к тому, что каждый твой приказ кому-то жизни стоить будет – такова воинская стезя. А не хочешь привыкать, тогда в монахи уходи. Только запомни: будешь сидеть в келье и мучиться – а вдруг ты лучше командовал бы, и тогда меньше народу погибло бы? И еще: я хоть и сказал «привыкай», но привыкнуть к этому невозможно. Особенно к тому, как матери смотрят, когда мы из похода возвращаемся. Вот так.

Голос деда непривычно дрогнул, он опустил голову и некоторое время шел молча. Мишка тоже молчал, хотя ответа на свой вопрос не получил. Но дед, как оказалось, про вопрос не забыл.

– Насчет бунтовщиков была у меня надежда, что все во двор влезут, там и полягут, а того, что сбегут, я не боялся. На следующий же день взял бы их всех и судил. Для них то, что ты за ними погнался, даже лучше оказалось – легче в бою пасть, чем на колу корчиться и смотреть, как твою семью из села изгоняют. А я бы так и сделал – изгоев мимо кольев кнутами прогнал бы, – Мишка покосился на деда и по выражению лица понял: не врет. – Так что облегчил ты им судьбу, – продолжал дед совершенно спокойным, деловитым тоном. – Но это нам тоже на пользу. Теперь все знают, что при нужде у меня за спиной восемь десятков самострелов стоят, а скоро будет еще больше. Даже если меня убить... особенно если меня убить, пощады не будет. Не зря Гриша погиб, не зря. Я тебе еще про Меркурия говорил: зря ничего не бывает. Так что не кори себя, но помни: с Григория твой воеводский счет открылся, а закончится этот счет тобой самим, и никак иначе!

– Выходит, опричники мы...

– Как ты сказал? Опричники? Опричь иных воинов... Опричники, – дед словно пробовал новое слово на вкус. – Опричники. Правильно назвал! Есть у меня кроме ратнинской сотни другое войско! Молодец, Михайла, в самую точку! Сам придумал?

– Нет, деда, не сам. Был такой царь, Иоанном звали. При нем бояре да князья большую власть забрали. Воеводу во время войны назначить нельзя было, чтобы кто-нибудь не возмутился: мол, мой род древнее, заслуг больше, не стану худородному подчиняться. Вот Иоанн и учредил опричнину – свое личное войско. Там все рядовыми были: князья, бояре, всякие нарочитые мужи. А начальных людей Иоанн выбирал по двум признакам: преданность и способности.

– Правильно сделал! – одобрил дед. – Иначе это не войско, а... бабы по грибы пошли!

– Правильно-то правильно, но ненавидели опричников люто. Они же усадьбы Иоанновых супротивников разбивали так же, как я усадьбу Устина. Бывало, что и по ложному навету, бывало, что и корысти ради.

– Ну и что? – деда Мишкино уточнение не смутило ни в малейшей степени. – Преданных людей награждать надо, а врагов в страхе держать. Все так делают: князья, короли, императоры. Только все эти рассказы про наветы и корысть надо на пять делить, а то и на десять. И царевы супротивники слухи преувеличенные распускали, и царевы люди тоже, чтобы страху нагнать. А опричники – слово правильное. Где этот Иоанн царствовал?

– В Московии.

– Не слышал. Заморская страна какая-то дальняя?

– Нет, не дальняя. Мы с Иоанном не по расстоянию, а по времени разошлись. На четыре века.

– Угу. Боишься, что и тебя ненавидеть будут?

– Уже ненавидят, деда.

– Кхе... Наплюй. Умные поймут, а дураки и завистники... Сам говорил: мусор.

Дед немного помолчал, потом вдруг спохватился, вспомнив что-то важное:

– Да! Михайла, раз уж речь о названиях пошла, придумал бы ты для своих ребят какие-нибудь другие чины, а то непутево как-то получается: у меня в сотне десятники и у тебя в Младшей страже тоже десятники! Разве ж они ровня? А Митюха у тебя и вовсе старший десятник. Это что же, он старше Луки или Фомы? Не-ет, давай-ка так, внучок: раз войско у тебя опричное, то и чины своим отрокам придумывай опричные. А то у вас как у детишек выходит – малышня играет, сами себя воеводами да сотниками называют, а как наигрались, так и забыли. У тебя же не игрушки?

– Не игрушки, – согласился Мишка. – Какие игрушки, если убитых чуть ли не десятками считаем?

– Ну так и придумай что-то не игрушечное, но от взрослых ратников отличное. Сможешь?

– Смогу, деда. Можно, например, десятников Младшей стражи урядниками⁵ называть.

– Урядник... – задумчиво повторил дед. – Кхе... Уряд – порядок. А что? Подходяще!

– Командиров пятерок можно младшими урядниками называть, десятников – просто урядниками, а старшего десятника – старшим урядником. Вроде бы и не игрушечно. А, деда?

– Да нет... не игрушечно. Ладно, быть по сему, позволяю! – Дед, прищутив левый глаз, глянул вперед и неожиданно улыбнулся. – Во! Гляди-ка, мать тебя встречает, просилась к Настене со мной идти, да я не взял, мало ли... Пошевелись-ка, чтобы видела, что с тобой все хорошо. Морду, морду к ней поверни, пусть увидит, что ты обоими глазами смотришь.

Глава 3

В следующие два дня Мишка отдыхал. Посетителей почти не было. Мать кормила его сама, никому это дело не доверяя, потом долго сидела рядом, жалостливо вздыхая и разговаривая с сыном «ни о чем». Забегала сменить повязку Юлька, но долго не задерживалась, на Мишкины шуточки и подначки не поддавалась и вообще была все время встопорщенная, как ежик. То ли вызнала у матери насчет «сексотерапии», то ли по какой-то другой причине, Мишке выяснить так и не удалось.

Захаживал и дед. Стараясь, видимо, возбуждать у внука исключительно положительные эмоции, нахваливал Дмитрия – прирожденный воин, освободил Мишку от забот по торговой части – Осьма прекрасно справлялся и сам, заинтересованно и доброжелательно выслушивал Мишкины рассуждения о строительстве крепости и планах развития воинской школы. Припомнил, кстати, Мишкину жалобу на нехватку наставников и решил этот вопрос к обоюдному удовольствию.

– Значит, так, Михайла. Андрюха у тебя уже есть, Илья, хоть и обозник, мужик бывалый и научить может многому, особенно купеческих детишек, по части обозного дела. Еще Стерв. Ты сам убедился, что к обучению молодежи у него способность имеется. А еще отдаю тебе Алексея и бывшего десятника Глеба. Оба воины опытные и умелые. Доволен?

– Не-а! – нахально заявил Мишка, пользуясь дедовой добротой. – Мало и с Глебом непонятно – если у него так паршиво с десятком получилось, то чему он нас научить может?

– Не спеши, Михайла, по правде сказать, вины Глеба в этом деле большой нет, так уж вышло, а спрашивать за беспорядок в бывшем седьмом десятке надо бы и с Луки тоже. Тут такая история вышла... любой бы на месте Глеба сплоховал. Было это года четыре назад, помнишь, как мы с тобой на завалинке сидели? Я – покалеченный, ты – как заново родившийся.

Дед тяжело вздохнул, вспоминая, наверно, гибель сына, болезнь внука и собственную безнадежную тоску тех времен. Мишка сочувственно промолчал, и дед после паузы продолжил:

⁵ Слово «урядник» гораздо старше, чем полицейские и казачьи чины, обозначавшиеся в Российской империи этим термином. Так, например, в царствование Алексея Михайловича в Москве было написано наставление по организации соколиной охоты, и называлось оно «Урядник сокольниковского пути».

– В том году Глеб как раз по осени жениться собирался. На дочке Луки Говоруна, заметь. Как уж Лука с Данилой седьмой десяток уломали, я не знаю, но выбрали Глеба десятником вместо убитого... Вместо отца твоего. Мне даже и не сказали, да и не до того мне было.

Дед снова замолк, о чем-то задумавшись, потом отрицательно помотал головой, видимо, каким-то своим мыслям и решительно заявил:

– Нет, десятником Глеб справным был! На той переправе проклятой только одного человека потерял – стрелой убило. А не утонул ни один, Глеб как-то сумел коней от паники удерживать и всех людей под берег вывел. Но знаешь, как в жизни бывает... Баба, она же хуже топора подсесть способна. Недели за две до свадьбы дочка Луки возьми да и сбеги с другим! Лука не стерпел – погнался, настиг и убил. Обоих. А Глебу, в сердцах конечно, сказал, что от нормальных мужиков невесты не бегают. Ладно бы с глазу на глаз, а то прилюдно! Ну Глеба и понесло – ни одной юбки не пропускал, все доказывал кому-то, что он не хуже других мужиков. Службу совсем забросил, а в десятке разговоры пошли, что, мол, не по заслугам он десятник, а стараниями Луки. Так вот и доигрался.

– Но на сходе ему же предлагали десятником остаться, – вспомнил Мишка, – а он всех обляял и ушел.

– И правильно сделал! – дед сдвинул брови и строго взглянул на внука. – Не то, что всех обляял, а то, что ушел. Сколько можно шепотки за спиной слушать да в любой час упрека ждать? Глебу сейчас в самый раз податься куда-нибудь, где ему никто и ничто о том позоре напоминать не станет и где он себя будет чувствовать на заслуженном месте, а не чужими стараниями пристроенным. Короче, я с ним уже переговорил, он согласен. Семьи у него нет – родители в моровое поветрие преставились, с женитьбой, сам понимаешь... За хозяйством сестры присмотрят, так что в Ратном его ничего особенно не держит.

«Ну вот. Еще одна неприкаянная душа возле вас, сэр, пристраивается. Дед, конечно же, прав потому, что командир он, как говорится, «от Бога», но если Глеб начнет пацанам свое отношение к женщинам передавать... Ладно, посмотрим, может быть, он около пацанов, наоборот, душой отмякнет».

– Все равно мало, деда. Еще наставники нужны.

– Куда ж тебе еще-то?

– Пять человек на полторы сотни отроков, а может, и на две!

– Откуда две? Что-то ты, Михайла, размахнулся, чуть не на княжью дружину.

– Считай, деда, сам: полсотни уже есть, добавь четырнадцать купеческих сынков, да семьдесят четыре парня от Нинеи придут, да я сам с братьями и музыкантами. Уже получается сто сорок. Теперь давай прикинем, сколько отроков можно будет взять из холопских семей, принадлежавших бунтовщикам...

– Эге! Да ты, внучок, и впрямь войско собирать надумал! – дед уставился на Мишку с веселым удивлением. – И с кем же ратиться собираешься?

– С кем, не знаю, но послушал я вас с боярином Федором тогда на Княжьем погосте и понял, что ратиться придется. При чем скоро. А сколько у меня ребят останется после первого же боя, это ты, господин сотник, мне сказать должен, я не знаю.

– Вот, значит, как, – дед задумчиво поскреб в бороде. – Выходит, ты не зря тогда толковал, что мне учиться нужно, как вас правильно использовать? Кхе... Если вас одних в сечу сунуть, то от двух сотен может и вообще ничего не остаться, но иметь при себе две сотни выстрелов... Вот уж заботу ты мне придумал!

– Деда, ну согласишься: шесть десятков ратников, прикрытых двумя сотнями выстрелов, – сила! Только подумать надо, как эту силу правильно использовать.

– Кхе... Измыслил, поганец. Вас же еще учить и учить – еще года два-три, а ты уже сейчас...

– Деда, сотню тебе не восстановить. Не сердись, но это же правда. Сорок – пятьдесят новиков наберется лет за шесть – восемь, да и не все выживут, а сколько потерь за эти восемь лет сотня понесет? Вы же с боярином Федором сами решили, что спокойной старости у вас не будет! Помнишь, отец твой приказал каждому ратнику от пяти холопов детей завести, чтобы сотня пополнилась?

– Кхе! И про это вызнал! Ну, Михайла... – дед, прищурясь, с улыбкой глянул на внука. – Понравилось лечение? Захотелось, чтобы холопки тебя дальше... гм, лечили?

«Кобель старый. При всем уважении, сэра Майкл, граф погорынский начинает являть собой иллюстрацию к пословице: “Седина в бороду – бес в ребро!”»

– И ждать результата пятнадцать – двадцать лет? Нет, деда, – Младшая стража тебе уже большую часть этого срока сберегла. Считай, что у тебя уже есть полторы сотни новиков! Доводи их до ума и забудь про нехватку людей!

– Кхе! До ума, говоришь?

– Да, господин сотник! Только учить их надо, как настоящих новиков, а для этого пяти наставников мало. Нужно хотя бы по одному наставнику на десяток, иначе проку не будет. Ты подумай, деда: нужно же и урядников из них готовить. Хорошо, Алексей сотником был, умеет людьми командовать, Глеб, как ты сказал, справным десятником – двое! На двадцать будущих урядников. Их же отдельно учить надо, да не все еще годными окажутся, значит, двадцать пять – тридцать.

– Не учили у нас никогда на десятников, сами вырастали!

– И что в этом хорошего? Такое дело важное, и на самотек пускать! Нет, деда, так дело не пойдет!

– Кхе, вот клещ! Вцепился, не отдерешь! Где же я тебе наставников возьму?

– У Бурея! Тех, кто по старости или по увечью в обоз перешел. Десятники бывшие среди них есть?

– Только один. Но еще четверо с серебряными кольцами... – Деда Мишкино предложение, кажется, заинтересовало. – Только они же все увечные: двое безруких, Филимон – бывший десятник – разогнуться не может, все больше сидя любое дело делать норовит, еще у одного нога не гнется, даже верхом ездить не способен...

– Ну и что? Был бы разум светлым, им же не воевать, а учить ребят надо!

– Кхе... Поговорить, что ли, со стариками, посоветоваться? За ними же уход нужен, семью с собой перевозить в воинскую школу, значит, жилье им строй... Опять же, хозяйство не бросишь... Ох, морока.

– Зато результат какой может быть!

– Ладно... подумаем. Нет, но ведь кормить же всю эту ораву придется! Ты об этом задумывался?

– Задумывался, деда. Брать надо только тех, у кого холопы есть, чтобы прокормить могли. Но увечным же всегда холопов из добычи в первую очередь выделяли, чтоб не бедствовали. Обычай же!

– Да не про наставников я! Две сотни молодых мужиков! Мясо с леса возьмем, рыбу – с рек, а остальное? Земля нужна, рабочие руки на ней! Ладно, обещал тебя от части забот освободить, сам с этим разберусь. Две сотни прокормим. Наши холопы работают, холопов бунтовщиков добавим, Осьма чего-то наторгует, Ниня тоже кое-что подкинет. Но запомни: если воина не кормит земля, его должна кормить война. Шесть десятков, прикрытых двумя сотнями выстрелов, из первого же похода должны привести несколько сотен холопов. Если хочешь, чтобы войско у тебя было справным, то на каждого воина ты должен иметь хотя бы по одной холопской семье. И это только на прокорм, а кони, оружие, доспех – сверх того.

Дед помолчал, о чем-то раздумывая, потерял кончик бороды, вздохнул.

– Деда, ненадежно это все: что-то наторгует, кое-что подкинет. Войску бесперебойный достаток нужен. Давай-ка вспомним, что мы с тобой о Погорынском воеводстве говорили, помнишь?

– Помню, все помню, Михайла. Не потянуть нам этого пока, – дед жестом прервал уже открывшего было рот Мишку и продолжил: – Я сказал: пока! Слушал ты меня с Федором, да недослушал или не понял. Чтобы такое дело поднять, нужно две вещи: сила и умение. Сила у нас... будем надеяться, скоро будет, а умение... – дед снова задумался, Мишка тоже молчал, ожидая продолжения. – Умение есть у Федора Алексеича. Я ведь помню, о чем у нас тогда разговор был, когда ты мне о способах управления рассказывал. Самим нам Погорынскую землю по-настоящему под свою руку не взять, даже с помощью Нинеи, она тоже не всесильна.

Ты тогда говорил, что боярин Федор нам нужных людей подберет, чтобы с Погорынских земель подати собирать и... все прочее. А я вот подумал, что самый важный для этого дела человек – сам Федор Алексеич, без него дела не будет. Намекнул ему, когда последний раз на Княжий погост ездил, он не отказался, но сказал, что требуется воинская сила, и побольше, чем одна сотня. Если у нас с воинской школой дело пойдет, я ему этот разговор напомним. Но сила должна быть настоящей, а потому вот тебе забота, которую никто пока избыть не может. Мы об этом с тобой уже говорили, но теперь придется подумать еще раз, и подумать крепко. Забота эта – ответ на вопрос: «Зачем?» Зачем старикам и увечным бросать спокойную, налаженную жизнь и тащиться в воинскую школу? Зачем пацанам обучаться воинскому делу, а потом головы класть на войне? Что мне старикам сказать, чтобы они согласились Младшую стражу обучать? Что ты своим парням скажешь, перед тем как в бой их вести?

«Мотивация вас интересует, ваше сиятельство? Правильно! Мотивация в любом начинании – первое дело. Только что же вы, граф, моей мотивацией не интересуетесь и про собственную помалкиваете? Или вы думаете, что я забыл слова боярина Федора: «И молись, чтобы племяш твой Вячеслав Ярославич Клёцкий дождал до того смутного времени, когда возможным станет все!»? Ошибаетесь, помню. И еще помню ваши, граф, слова: «Была б у меня не сотня задрипанная, а войско настоящее, повышибал бы я Мономашичей и с Вольни, и из Турова да посадил бы Вячка на отцовский стол!»

Сделать Погорынье опорной базой для завоевания Туровского княжества и Вольни – вот ваша с боярином Федором задача! Посадить князем в завоеванных землях сына Ярослава Святополчича – вашего дружка молодости – вот ваша с боярином Федором цель. А мотивация ваша – ожидание милостей и преференций от будущего князя Вячеслава Ярославича. Впрочем, зачем же так плохо о людях думать? Может же ими руководить чувство долга по отношению к сыну покойного друга?

Смутное время настанет, когда Мономашичи между собой схлестнутся, на радость черниговским князьям. К тому времени здесь, в Погорынье, должно быть сформировано войско для Вячеслава Клёцкого, причем втайне от Вячеслава Туровского. Или Вячеслав Туровский должен думать, что это – его войско, а иеромонах Илларион должен думать, что это – зародыши Православного рыцарского ордена, а Нинея должна думать, что это – войско для восстановления Древлянской державы. М-да, лихо закручен сюжетец».

– Что примолк, Михайла? Не придумал еще?

– Придумал, деда. Это-то как раз не сложно. Труднее, по-моему, кормить и вооружать войско.

– А мне, как раз наоборот, с этим проще. Давай-ка выкладывай: что ты там придумал?

– Все просто, деда. Помнишь, как ты приказал найти причину, для того чтобы Кузьме и Демьяну самострелы сделать?

– Кхе! Помню! Полгода прошло, а сколько всего случилось... можно подумать, что лет пять минуло. Ну и?..

– Так все то же самое! Что почетнее: в обозе дни доживать или молодежь воинскому искусству обучать? Ущербным себя чувствовать или человеком умудренным, опытным, нужным для важного дела? Себя вспомни: я же тебя тогда этим самым и соблазнил. И еще я тебе тогда сказал: получится с нами троими, начнем ставить на учебу других ребят. Так и вышло. А теперь я тебе скажу: получилось с тобой, пора и других опытных воинов к делу возвращать!

– Ну поганец! – дед восхищенно округлил глаза. – Как обошел, как обернул! Лис! Истинно Лис! Кхе! Ну надо же! Это ты что ж, еще тогда все придумал?

– Нет, конечно, деда. Тогда я только и думал, как бы твой запрет обойти – найти причину, которая, как ты сказал, на каждый день причина. Но если тогда все получилось, то почему же сейчас не получится? Только причина у нас получается не на каждый день, а на много лет вперед. Стариков, кстати, можно не только этим соблазнять. Можно поставить условие, что каждый ученик воинской школы, пока учится и в течение, скажем, пяти лет после окончания, должен отчислять воинской школе десятину от добычи. Из этой десятины четверть или треть делить между наставниками как вознаграждение за учебу, а остальное тратить на нужды самой школы.

– Четверть! – тут же скупердяйским тоном заявил дед. – Хватит с них и четверти. А для парней что придумал?

– Для них у меня тоже два соблазна придуманы. Первый – возможность выкупить свои семьи из холопства. А чтобы головы сложить не боялись, надо дать им обещание, что семьи погибших волю будут получать. Не все, конечно, но обязательно найдутся такие, что не пожалеют жизни за освобождение родни. И для начала, чтобы поверили нам, надо вольную семье Григория дать. И не просто волю, а с домом, землей, угодыями. Только селить их надо не рядом с Ратным, а рядом с новой крепостью, пусть их дом станет первым домом слободы.

– Гм, слободы, говоришь? Слово какое-то... – Дед неопределенно пошевелил в воздухе пальцами. – Вроде бы и понятно, о чем речь, а вроде бы и...

– Да и неважно, деда! Все равно это будет началом посада вокруг крепости. Артель Сучка для своих семей дома поставит, семья Григория там же поселится, семью Простыни туда же определим...

– Какого Простыни?

– Того, которого мы с Роськой у Афони выкупали, помнишь?

– А-а! Этот, малахольный. Верно говорят, что у них баба вместо мужика все решает?

– Да, Плава⁶ – баба разумная, шустрая и повариха хорошая. А мужик возле нее пребывает. Сильный, работающий, но своим умом жить не способен. Правильно прозвали: Простыня⁷. Вот, кстати, еще одна забота: полторы-две сотни ребят накормить, обстирать, обшить. Бабы нужны, деда.

– Бабы всем нужны! Кхе...

– Это правда, что ты наших дев собрался в воинскую школу к Прошке отправить, щенков службе обучать?

– Ну, была такая мысль. Ты же сам как-то толковал, что благородным девицам должно владеть доступным оружием, верхом ездить, еще чего-то там. Мне-то и до сих пор сомнительно, но Анюта... Кхе! Вот пусть и обучаются.

– Деда! За что? Девки в воинской школе! Ты представляешь, что там начнется?

– Кхе! Испугался? Правильно испугался! Когда парни в воинском учении отдельно от всех живут – одно дело, а когда рядом девки обретаются – са-авсем другое! – Дед непонятно чему развеселился и лихо подкрутил усы. – Вот тут-то ты, господин старшина, все воеводские «радости» и познаешь!

⁶ От древнеславянского плав – желтоватый.

⁷ От древнеславянского простыни – простота, открытость, искренность.

– Деда!

– Да не трясись ты. Мать с ними отправлю, она и девок в строгости содержать сумеет, и парням твоим, если что, окорот даст. Все равно у них с Алексеем складывается вроде бы... – дед вздохнул, все его веселье как-то сразу истаяло. – Жаль мне Анюту отпускать, но что ж поделаешь? Она же еще не старая, что ж ей вдовой вековать? Или тебе такой отчим не по нраву? Был бы Фролушка жив... Отца-то вспоминаешь, Михайла?

– Вспоминаю...

«Не помню я его. Ничего не помню из того, что до «вселения» было. Какой он был? Мать как-то обмолвилась, что рукоприкладствовал, но вроде бы не часто. Пятерых ему родила. Любила его или просто девчонкой увлеклась лихим парнем, а потом уже поздно было? Алексей собой хорош, хоть и ранней седины много. Мужик, по всему видно, крутой, жизнью битый, но не сломанный. Вообще-то натуральный бандит – людей резал, как скотину, даже детей, сам признался, хотя половцы ЗДЕСЬ не то чтобы за людей не считаются, но замочить степняка – не грех, а скорее доблесть. С Саввушкой своим носится, как насадка, даже странно бывает смотреть – мужики в Ратном таких нежностей себе не позволяют, по крайней мере на людях. А Савва мать принимает, от других шарахается, особенно от мужчин, а к матери льнет. Кто его знает? Может, и сложится у Алексея с матерью, совет да любовь, как говорится. Но... если обидит ее, убью. Даже не задумаюсь!»

Дед что-то совсем пригорюнился – усы обвисли, плечи опустились, он поерзал на лавке, потом со вздохом поднялся.

– Пойду я, дел много...

– Погоди, деда, не договорили еще!

– Потом, Михайла, потом. Отдыхай, поправляйся...

– Ты тогда вели кому-нибудь, чтобы Дмитрия ко мне прислали.

– Ладно.

«Все еще переживает за сына и мать любит, как родную дочку, не хочет расставаться. Даже забыл спросить: какой я второй соблазн для пацанов измыслил? Мать уедет и останется с Алексеем, я тоже в крепости засяду, Лавра он не очень любит, да и проблем с ним... Зато Татьяна скоро ему еще одного внука родит или внучку, а Листвяна...

Так, Листвяна. Что у нас тогда с наследством получается? По лествичному, да и по обычному праву мне не светит вообще ничего – отец умер раньше деда. Все права у Лавра, а после него у Кузьмы с Демьяном. Но Листвяна может родить пацана... Тут все решает сам дед – может признать сына наследником, а может и не признать. Тогда просто даст вольную Листвяне и будет ее кормить, пока пацан не вырастет. Но Листвяна-то наверняка рассчитывает на большее. На что именно?

Сотником Лавру не быть, он и в десятичники-то не вышел – был рядовым у брата, потом оказался подчиненным Глеба, теперь – Тихона. Но сотня, скорее всего, деда не переживет, остается воеводство. Это титул наследственный, а не выборный, но воевода из Лавра, как из меня балерина. Может Листвяна на это надеяться? Если дед проживет еще лет двадцать, может. Тогда ее пацан уже будет совершеннолетним, а Лавру будет за пятьдесят. Но под воеводой должна быть дружина, а она, по крайней мере ее зародыши, сейчас подо мной... Вот почему мать Первака приговорила!

Бабы насчет наследства и прочих династических заморочек секут на много лет вперед. Ничего удивительного: пребывая «при муже», не имея права голоса, они привыкают действовать окольными методами и просчитывают даже самые маловероятные варианты развития событий, заранее прикидывая способы получения нужного результата. Вот мать и просчитала: сын Листвяны – законный наследник, а Первак – во главе дружины. В таком варианте Лавр, Кузьма и Демьян – побоку, если вообще живы останутся. Если же Первака

из этого расклада устранить, то мадам Листвяне корячится облом по всем направлениям сразу!

Получается весьма жесткая альтернатива: либо мне жить, либо Перваку. Однако, ситуация. Допустим, Первака с доски снимаем... Что образуется? Мне по-прежнему наследство не светит, воеводство наследует Лавр, а после него кто-то из близнецов. Я остаюсь «во главе вооруженных сил Погорынья», а Листвяна – со своим бастардом? По лествичному праву, если дед признает сына от Листвяны, тот должен сесть на воеводство после Лавра. Кузьма с Демьяном такой вариант примут? Не уверен, во всяком случае, я буду на их стороне, а не на стороне малолетнего «дядюшки». Листвяна это понимает? Не может не понимать! На что она готова пойти ради осуществления своих планов? Пожалуй, на многое, вплоть до устранения всех троих: меня, Кузьмы и Демьяна. XII век есть XII век, ЗДЕСЬ на жизнь смотрят гораздо проще и комплексуют меньше.

И «скамейка запасных» у Листвяны довольно длинная – кроме Первака есть еще Вторуша и Третьяк. Так что устранением одного Первака проблема, надо понимать, не решается. Корень всего в Листвяне, но убить ее – убить деда. Старого эта потеря может запросто сломать. Это молодые свыкаются с потерями, их время лечит – образующиеся пустоты в душе так или иначе заполняются, а чем старшие становишься... М-да. Вот так и убеждаешься на практике в правильности некоторых положений теории: из двух равнозначных рациональных решений надо выбирать наиболее нравственное, а из нравственных альтернатив – самую рациональную. Как бы странно это ни выглядело, но правильный с точки зрения нравственности выбор рано или поздно обязательно оказывается и самым рациональным, только не всегда это бывает очевидным в момент принятия решения.

Значит, Листвяну не трогать? В конце концов, а почему я решил, что все обстоит именно так, как я думаю? Доказательств-то никаких, одни предположения, причем на основе представлений человека конца XX столетия, насмотревшегося всяческого дерьма и склонного всегда предполагать худшее».

– Здрав будь, старшина! Звал? – голос Дмитрия настолько неожиданно оторвал Мишку от размышлений, что тот даже вздрогнул. – Чего это тебя то к лекарке, то обратно таскают? Что-то неладно?

– Все хорошо, Мить, видишь, уже обоими глазами смотрю. Проходи, садись. Как там ребята? Раненых навещал?

Ответить Дмитрий не успел: раздался удар собачьих лап о дверь, и в горницу вбежала заметно подросшая Сестренка. Покрутилась возле Митькиных ног и улеглась под лавкой, вывалив на сторону язык и радостно поглядывая на хозяина.

– Вчера прибежала, – объяснил Дмитрий, смущенно разведя руками. – И как выбралась-то? Я же ее запер, когда в Ратное уезжали. Не стерпела... Я ее первый раз одну оставил.

«И я Чифа с собой в Туров не взял, а потом...»

– Ничего, Мить, пускай с нами побудет. Так ты раненых сегодня проведывал?

– А как же? Все поправляются, только Роська пока плох и Гриша...

– Да, Гриша. Вторая потеря у нас, а сколько еще будет?

– А что такое? – Дмитрий сразу же подобрался. – Чего-то еще ждешь?

– Нет, но мы же не на поваров учимся, на воинов. Когда-то что-то обязательно будет.

– Уже чуть было не было, – непонятно отозвался Дмитрий и тут же пояснил: – В тот день, когда тебя к лекарке увезли, Сучка чуть было опять не отметелили.

– Как это? Кто?

– Да все те же, – Дмитрий повел головой в сторону двери, словно прямо за ней и притаились недоброжелатели плотницкого старшины. – Сучок прямо от тебя к Алене поперся, а

его там уже трое поджидали. Слава богу, Демьян второй десяток с водопою вел, как раз мимо проезжали.

– И что?

– А ничего! Ратники было поорали, чтобы убирался, но ты же Демку знаешь – сидит в седле молча и смотрит в упор. Ладно бы один, а то же с десятком, и у всех самострелы. Ратники ругаются, а он смотрит молча, только рот кривится. Ну, ты же знаешь, как это у него.

Мишка знал. После тяжелого ранения на дороге из Княжьего погоста характер у Демьяна сильно изменился. Стал он каким-то мрачно-самоуглубленным, совершенно непохожим на шустрого и говорливого Кузьку. За прошедшие три месяца Мишка ни разу не видел двоюродного брата смеющимся или просто улыбающимся, только иногда лицо Демьяна кривилось в мрачной ухмылке на манер киношного злодея. После расправы с заговорщиками подобная ухмылка одного из младших Лисовинов, возглавляющего десяток стрелков, не могла не произвести на мужиков соответствующего впечатления.

– Ну и чем все кончилось?

– Тетка Алена на шум высунулась да и погнала всех, и Сучка тоже. Мужики ушли, но на прощание пообещали Сучка охолостить, а щенков лисовиновских всех в Пивени утопить.

– А Сучок?

– А! – Дмитрий раздраженно махнул рукой. – Набурчал на ребят, что не в свое дело лезут, сам, мол, справился бы, а потом подпрыгнул, зацепился топором за верх забора, и – к Алене во двор. Я на всякий случай ребятам запретил с подворья выходить. Мало ли что...

– Правильно сделал. Вообще, пора нам на базу возвращаться да на новое место переезжать.

– Да хоть сейчас. А тебя в телеге не растрясет?

– Я позже подъеду. Ты узнай, как там у отца Михаила со здоровьем. Как только он сможет, мы его на ладье в крепость перевезем, чтобы постройки освятит, и я с ним приеду. А ты вели все к переезду готовить. Никифор много чего привез, так мы это все на ладью погрузим да за два-три захода все в крепость и переправим.

– Сделаем, – Дмитрий согласно кивнул, потом, воровато оглянувшись на дверь, спросил, понизив голос. – Слушай, Минь, а правда, что к нам в школу скоро девок привезут?

– Митька! Ну ты прямо как Сучок!

– А что, спросить нельзя?

Дверь в горницу раскрылась, и в дверном проеме возникла фигура самого младшего из Лисовинов – Сеньки. Вид у него был весьма потрепанный: рубаха в земле, разбитая губа распухла прямо на глазах, костяшки пальцев ободраны, однако обратился он к Мишке весьма воинственно.

– Минь! Вели Кузьме мне мой кинжал дать, я Приблуду зарежу!

Мишка покопался в памяти и вспомнил, что Приблудой звали сына одного из обозников, уродившегося, как принято говорить, «ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца». Был он, не в пример родителям, крепок телом и обещал вырасти во вполне пригодного к строевой службе парня. Ратнинские кумушки, разумеется, вынесли приговор: мамаша на стороне нагуляла, а к мальчишке прилипла кличка Приблуда. Был Приблуда примерно на год старше Сеньки, и конфликт, судя по виду и словам младшего Мишкиного брата, возник серьезный.

Пока Мишка осмысливал ситуацию, Дмитрий занялся воспитанием «молодой смены»:

– Урядник Семен! Доложить, как положено!

– Слушаюсь, господин старший урядник! – браво отозвался Сенька. – Господин старшина, дозволь обратиться? Урядник Семен!

– Слушаю тебя, урядник Семен.

– Приблуда приперся и говорит: «Теперь я у вас урядником буду, слушайте все меня!»

– А ты?

– А я ему в морду!

– И?..

– А он мне... – Сенька потупился, утратив воинственный вид, и стало заметно, что пацан с трудом сдерживает слезы. – А он мне еще сильнее...

– Дальше!

– Я к Кузьме пошел, а он мне кинжал не дает. Я хотел тогда на кухне ножик взять, а меня тряпкой... – слезы все-таки прорвались наружу, и Сенька, хлопнув носом, принялся утираться рукавом. – Я Приблуду все равно прибью, ты меня урядником назначил, а он...

– Если ты сам в урядниках удержаться не можешь, то никакое назначение тебя не спасет! – Мишка постарался придать своему голосу как можно больше строгости. – Урядник означает, что ты более сильный, более умный и более умелый, чем любой из твоих подчиненных. Если тебя кто-то сумел прогнать, то подчиняться тебе не будут!

– Так я и хочу... кинжалом!

– У Приблуды нож есть?

– Нет.

– Значит, и ты без него обходишься!

– Так он же сильнее!

– А ты палкой! Зубами, ногтями, чем хочешь! Чужой человек пришел к нам на подворье и распоряжается, как у себя дома! Ты что, не знаешь, как Лисовины на такое отвечают? Или ты урядник, или никто – даже не Лисовин. Иди и притащи этого Приблуду сюда. Я хочу видеть, что не ошибся, назначая тебя десятником.

– Так это... А кочергой можно?

– Кочерга не оружие, – Мишка с трудом сдержал улыбку. – Твой противник безоружен, не хватайся за оружие и ты. В остальном – твоя воля, мы его к себе не звали, сам пришел. Исполнять!

– Слушаюсь, господин старшина!

Семен испарился – как не было.

– Мить, сходи глянь, как бы не убил ненароком – кочерга все-таки... И объясни мелкоте, что своего урядника в обиду давать нельзя. Построже так.

– Сейчас я им объясню, – зловецким тоном, но улыбаясь, пообещал Дмитрий. – Я им так объясню...

Мишка с улыбкой проводил взглядом Дмитрия и неотступно следующую за ним Сестренку. Когда-то, в середине пятидесятых годов, Мишка сам в аналогичной ситуации услышал от своего отца примерно те же слова, какие он сейчас сказал Сеньке. После Великой Отечественной прошло чуть больше десяти лет, и фронтовики были не согбенными старцами, а крутыми молодыми мужиками, которым сам черт был не брат. Милицию при появлении хулиганов тогда не звали, разве что «скорую помощь», а молодые балбесы опасались хамить старшим – можно было так нарваться, что не дай бог. Естественно, что отец, ушедший на фронт добровольцем в семнадцать лет и закончивший войну в Австрии, ничего другого своему сыну сказать не мог – просто и в голову не пришло бы.

«Надо будет Сеньку с его десятком забрать на пару месяцев в воинскую школу да поучить рукопашке. А то свалил я «молодежный десяток» на Кузьку, а у того и так дел невпроворот. За месяц одел Младшую стражу в доспехи, вооружил. Как он успеваает-то? Еще и изобретательством умудряется заниматься – присмотрелся к токарному станку и измыслил прялку с ножным приводом. Сам, без моей подсказки! Нашел среди холопских детей пацана со способностями к механике, пристроил к делу.

Нет, незачем Кузьку еще и Сенькиными пацанами обременять. Как обживемся на новом месте, заберу их в крепость и поставлю на учебу. К зиме Сеньке и его ребятам никакие При-

блуды не страшны будут. А потом «молодежный десяток» быстро объяснит ратнинской пацанве, что такое воинское обучение. Глядишь, и другие на учебу проситься начнут. Да и мне не век же быть старшиной Младшей стражи, надо смену готовить. Стоп, стоп, стоп! Смену для чего?

А не кажется ли вам, сэр Майкл, что вы обросли проблемами, как собака репьями, и с удовольствием занимаетесь текучкой, лишь бы не задумываться о будущем? Дело-то не только в Листвяне и Перваке. Есть еще предшественник, почему-то желающий вас грохнуть, есть дед, боярин Федор, Илларион и Ниня с их наполеоновскими планами и амбициями. Есть «общественное мнение», весьма неблагоприятно в отношении вас настроенное. Есть еще и невеста Катерина Федоровна, и куда от нее деться? Есть Юлька, которую в ближайшие год-полтора могут умыкнуть «генетики». Ниня, кстати, обещала подсказать способ ее удержания, не пора ли спросить? А еще у Младшей стражи всего три десятка коней на полторы сотни всадников. А еще мать замуж настропалилась. А еще девок в воинскую школу привезут...

Все проблемы перечислили, сэр? Нет? И не перечислите, ибо имя им – легион. И что прикажете делать? Чужие проблемы разбирать – с удовольствием! Будущее предсказывать – запросто! Советы давать – даже бесплатно! А сами? Сапожник без сапог, мать вашу, досточтимый сэр, так-растак, со всем уважением и реверансами на тридцать два румба. Как можно наступать на грабли, про которые вам прекрасно известно и на которые вы, сэр, имеете удовольствие указывать другим?

Цель, блин! Если она достигнута, а новая не поставлена, что происходит? Трьндец, извините за выражение, происходит! Все начинает расползаться, как гнилая тряпка, и сколько ее ни штопай методом рефлексивного управления, толку не будет – проблемы растут, как снежный ком! Два года назад, сэр Майкл, вы напрягли то место, которым имеете обыкновение думать, и сформулировали цель, которую сами же и назвали предварительной, – обеспечить себе благоприятные стартовые условия. Для достижения означенной цели вы посчитали необходимым решение трех задач: физическое развитие, повышение благосостояния и социального статуса семьи, формирование своей команды. Все выполнено. Все!!! Даже с избытком.

Здоровье? Шрамами вы, надо признать, украсились неслабо, но организм серьезно не пострадал – ранения поверхностные. Что же касается Ерохи, которого вы избрали в качестве индикатора ваших физических кондиций, то сейчас об этом даже смешно говорить.

Благосостояние и социальный статус? Статус, в местечковом масштабе, выше некуда. Благосостояние имеет устойчивую тенденцию к росту. Если два года назад вы радовались созданию пасеки, то сейчас даже не вспоминаете о холопской семье, которая на ней вкалывает, а озабочены прокормом двух сотен (!) «курсантов» первого на Руси военного училища. Однако, справедливости ради, надо заметить, что в этом вопросе вам, сэр, исключительно повезло – у матери могло и не оказаться брата-кунца.

Формирование команды? Божье мой, чтоб я так жил, с кем хотел, как любил говорить один ваш знакомый в XX веке. Вы мечтали о своем десятке. Наивное дитя! Имеете, в натуре, полсотни архаровцев, готовых порвать любого по вашей команде, а в ближайшее время рассчитываете иметь две сотни – и вам мало!

Вот! Почему мало? Однажды на Княжьем погосте вы уже задавались этим вопросом. Для чего вам собственная армия? Сажать на туровские и волынские земли сына дедова приятеля молодости? Не греет. Основывать Православный рыцарский орден? Опасные, прямо скажем, игрушки. Дойдет до князей – удавят в колыбели. Для монархов, как показывает история, рыцарские ордена не заноза в заднице, а натуральная кость в горле. Рюриковичи не дурнее Филиппа Французского или Ягайло Польско-Литовского. Те, правда, поздно вато спохватились, а Рюриковичи ждать не станут, потому что для них любая вооруженная сила на Руси

в руках не Рюриковича – повод для немедленного уничтожения. Орден, не орден, им плевать. Служить верой и правдой Вячеславу Туровскому? Так он возьмет да и свалит в другое княжество. Или помрет. И с чем вы останетесь? Восстанавливать Древлянское княжество, как мечтает вдовствующая графиня Палий, она же баба Ниня, она же боярыня Гредислава Всеславна? Ну, это вообще пустые мечтания. Но с Ниней вам, сэр, повезло, так же как и с Никифором. Запросто могло такой полезной знакомой и не оказаться.

И что же в «сухом остатке»? Ни хрена-с! С чем вас, досточтимый сэр Майкл, и поздравляю. Попробуем уж и совсем авантюрные варианты? Например, князь Вячеслав Владимирович Туровский дает дуба и оставляет молодую вдову с двумя детишками. Хищные родичи Рюриковичи кидаются отнимать у вдовицы Туров, и тут вы, сэр Майкл, весь из себя в сверкающих доспехах... А потом женитесь на княжне Анне и становитесь принцем-консортом... Романтика, блин. Сдерут шкуру и голым в Африку пустят, даже если все Погорынье мобилизовать. И на хрена вам сдалась княжна Анна, когда есть Юлька и эта еще... Катерина Федоровна, туды ее. Нет, девочка, конечно, ни в чем не виновата, но обручать с колыбели – варварство, насилие над личностью и прочее попрание общечеловеческих ценностей. Не катит, короче.

Что еще можно придумать? Решить со всей феодальной бескомпромиссностью династический вопрос и осесть на Погорыньском воеводстве? Тихо-мирно наедать брюшко, отправлять посылочки Максиму Леонидовичу, таскать холопок в баню, тягаться с соседом из-за Воловых лужков... М-да. Мы рождены, чтоб сказку сделать былью. А еще – преодолеть пространство и простор. Две такие прухи: Никифор и Ниня. Даже три! Могло же занести в тело холопа или обозника, а попал во внука сотника. Большие сорока лет жизни впереди. И все это ради тихого помещичьего существования а-ля фикус в кадке? Так ведь не дадут! Боярин Федор прогноз выдал верный: покоя не будет.

Ох, права была Ниня насчет дела всей жизни. Только где его взять? Нет, конечно же, как и всякого русского человека, меня могла бы вдохновить идея предотвращения татаро-монгольского ига. Неважно, было оно или не было. Что-то я такое читал, что вроде бы не было, или было, но какое-то не такое. Но что-то наверняка происходило, как бы летописи ни редактировали. Так и тут облом! Помру больше чем за пятьдесят лет до битвы на Калке и уж тем более не доживу до непосредственного вторжения. Хоть плачь!

Вот так, сэр. Проблема: есть разница между желательным положением дел и действительным. Цель – разрешение этой проблемы, то есть достижение положения желательного. А если непонятно, чего, собственно, желать? Как там Гребеничиков пел:

*Их дети сходят с ума
Оттого, что им нечего больше хотеть.*

И все же, все же, все же... Что постоянно толкает вас набирать силу? Полсотни – мало! Сотня – мало! Две сотни – еще нет, а уже мало! И кто дергал вас, сэр, за язык тогда – на ладье дядьки Никифора? Разговор-то получился примечательный. Такой примечательный, что Никифор явно поделился своими впечатлениями с Осьмой. А тот решил отрока Михаила протестировать. Протестировал, тудыть его... Но разговор-то имел место, и вы, сэр Майкл, были искренни».

* * *

Тогда, в начале мая, Никифор все-таки решил не разгружать две малые ладьи в Ратном, а вести их на базу Младшей стражи по Пивени. Это действительно было легче и быстрее, чем возить груз от Ратного до Нинейной веси на телегах. Мишка соблазнился предложением

дядьки совершить речное путешествие – было интересно посмотреть на судно XII века в деле. Все-таки ТАМ он занимался в молодости парусным спортом и, окончив мореходку, некоторое время ходил на судах дальнего плавания Балтийского пароходства.

Плавсредство особо Мишку не впечатлило. Выдолбленный ствол здорового – обхватом в пять – дуба длиной метров десять – двенадцать. Борты наращены дубовыми же досками, крепящимися к шпангоутам бронзовыми заклепками. Съёмная мачта, рей с четырехугольным, суживающимся книзу парусом. Ни штурвала, ни румпеля, вместо них рулевое весло. Шесть весел – по три с каждого борта, но при нужде на каждом могут сидеть по два гребца. Палубы нет, только настил в носовой части судна и плетеная, на манер лубяного короба, «каюта» на корме. Водоизмещение в полном грузу тонн тридцать – сорок, точнее на глазок определить не удалось. Груз лежит навалом посередине корпуса, оставляя вдоль бортов место для работы гребцов.

Убожество, одним словом, но! На таких вот или очень близких им по конструкции убожествах пересекались океаны и совершались великие географические открытия! Мишке сразу же, до зуда в языке, захотелось дать Никифору несколько советов по усовершенствованию ладьи, но дядьку, как выяснилось, интересовала совсем другая тема. Утащив Мишку в кормовую избу, он выставил на сундук, заменяющий стол, кувшин вина и закуску с явным намерением подпоить племянника и выведать у того некий секрет. Секрет, разумеется, был прост – непонятная разумность и неожиданные знания четырнадцатилетнего мальчишки.

Мишка отхлебнул вина и понял, что Никифор преисполнен самых серьезных намерений. Вино было крепким, а закуска скудной. Проблема же заключалась в том, что, даже напившись до потери контроля и рассказав Никифору о себе чистую правду, Мишка все равно не смог бы удовлетворить любопытство материного брата. Никифор просто не поверил бы и обиделся. Пришлось искать более приемлемый вариант.

Зацепившись за то, что Никифор, для завязки разговора, вспомнил о мартовской «торговле Циркусом», Мишка поинтересовался дальнейшей судьбой ладейного амбара. Оказалось, что Никифор попытался и дальше снимать урожай на ниве шоу-бизнеса, но ничего толком не добился. Ни музыканты, ни скоморохи, ни девки-плясуньи сборов не давали. С горя Никифор даже попытался устроить что-то вроде зверинца, выставив в амбаре верблюда, медведя в клетке и рысь в клетке поменьше. Интересы публики хватило на пару дней. Правда, потом интерес снова вспыхнул примерно на час, когда пришлось ловить сорвавшегося с привязи верблюда, напрочь очумевшего от соседства с медведем и рысью.

– Не тем ты занялся, дядька Никифор, – сразу же взялся за больное место купца Мишка. – Если есть помещение, где можно около сотни зрителей разместить, с него гораздо большую выгоду поиметь можно. Даже очень большую выгоду и разными способами.

– Это как? – сразу же «сделал стойку» Никифор. – Ты пей, пей, Мишаня, вино сладенькое.

«Сладенькое» было градусов под двадцать пять «убойной силы», и Мишка скопытился бы от первого же кубка объемом граммов в триста, но отхлебнуть из вежливости пришлось.

– Помнишь, как тебе Ходок объяснял, что людям о заботах забыть хочется, что-то необычное увидеть? – продолжил Мишка, оставив безуспешные попытки откусить кусочек твердой, как фанера, вяленой рыбы. – Торговля зрелищем – дело тонкое. Ты думаешь, почему люди на наши представления по несколько раз приходили?

– Ну... Нравилось, – неуверенно отозвался купец. – Интересно было.

– По третьему-четвертому разу? Когда все уже наизусть знали? Нет, дядька Никифор. Приходили те, у кого азарт был: свалится кто-нибудь из нас с доски или нет, промажу я с завязанными глазами или попаду, порежем мы кинжалами Роську или он цел останется? Потому и об заклад бились – азарт. А азарт бывает только тогда, когда результата заранее не знаешь. А ты им медведя. Что они, медведей не видели?

– Верблюдов в Турове почти никто не видел.

– А! – имитируя легкое окосение, Мишка пренебрежительно отмахнулся. – Что верблюд? Та же корова, только горбатая. Интерес появился только тогда, когда он с привязи сорвался. Сразу стало интересно: поймаете вы его или нет, затопчет он кого-то насмерть или только покалечит? Наверняка об заклад бились, пока вы его ловили.

– Ну и что? Каждый день его теперь ловить? А прибыток с чего?

– Да ну его, этого верблюда. День побеждает, второй, и никому уже интересно не будет. А вот устроил бы ты в том амбаре кулачные бои, но не стенка на стенку, а один на один. Принимал бы ставки на победу, а вышибалам велел бы следить, чтобы об заклад между собой не бились, а только с тобой. Вот тебе и прибыток, особенно когда ты заранее победителя знать будешь.

– Это как – заранее?

– Дитя-то малое из себя не строй, – пьяным голосом нахамил Мишка. – Неужто не знаешь как?

– Гм, ладно. Понял. Только где же бойцов я наберу?

– А ты награду победителю посули. Пусти на это часть выручки. И бои проводи в несколько кругов. Набери бойцов человек десять – двенадцать. Разбей их на пары. В первый день пусть бьются попарно, во второй – только те, кто победил в прошлый раз, в следующий – опять победители. И так, пока только двое не останутся. Каждый раз награда победителям пусть возрастает, а самый большой куш достанется тому, кто победит в последний день.

– Ну хватит мне этого на неделю, а дальше что?

– Не-а! Не на неделю, а на пару месяцев. Бои-то будут проходить только по воскресеньям, когда народ отдыхает.

– Интересно, – задумчиво протянул Никифор. – Ты пей, Мишаня, пей.

– Погоди, самого главного-то я тебе еще не рассказал.

Дальше пошло уже не главное, а подробности: устройство ринга и зала, принцип работы тотализатора, методы «подогрева» публики, матчи-реванши, приглашение бойцов из других городов и прочее, и прочее. Никифор слушал внимательнейшим образом, даже, кажется, готов был записывать. Во всяком случае, не пожалел листа пергамента для изображения ринга и зрительного зала.

– Вот так, дядя Никифор. А прибыток от всего этого, и без того немалый, можно еще увеличить.

– Как?

– Э нет! – У Мишки уже слегка шумело в голове, но он имитировал серьезное опьянение, навалившись локтями на импровизированный стол и пытаясь вызвать прилив крови к лицу. – Не скажу, пока ты мне не скажешь, какую долю я со всего этого буду иметь.

– За что долю?

– За знания, дядюшка, за знания, которыми я с тобой поделился. Поделился же? – якобы заплетающимся языком спросил Мишка. И тут же сам себе ответил: – Поделился! Теперь и ты со мной поделись! Если жадничать не станешь, я тебе еще кое-что расскажу.

– И сколько же ты хочешь?

– Пятину!

– Да ты спятил! Только языком потрепал, и сразу пятину!

– Ну пусть кто-нибудь другой тебе, дядюшка, так языком потреплет, может, дешевле встанет.

– Да, может, еще и не выйдет ничего!

– Тогда и я ничего не получу.

– А убытки? Все это устроить – недешево выйдет!

– А мальчика спаивать и секреты выведывать? А? Вот пожалуюсь матери... или деду...

– Десятину!

– Не-а! Мы с тобой уже один раз торговались. Помнишь? Или пятина, или я спать лягу. Напоил ребенка, злодей...

– Черт с тобой, племяш! Согласен.

– Пиши грамоту.

– Михайла! Родному дядьке не веришь?

– Денежки родства не знают! Ты сказал, а я запомнил. Пиши, онкл Ник.

Пока Никифор давил стилем бересту (пергамента, видать, пожалел), Мишка залез в свой мешок и вытащил еду, собранную матерью в дорогу. Закусить надо было плотно, разговор он планировал долгий и серьезный.

– Ну доволен, племяш? – Никифор вдавил в бересту перстень и протянул грамоту Мишке. – Держи. Чего ты там еще говорил, как прибыток увеличить можно?

Мишка перечитал написанное Никифором, удовлетворенно кивнул и сунул грамоту в мешок.

– Угощайся, дядька Никифор. Мама пирогов в дорогу мне напекла. У тебя-то, я вижу, еда по пути вся вышла.

Никифор покраснел. Это было «супер» – вогнать в краску такого торгаша! Впрочем, сильно давить на психику собеседника Мишка опасался, можно было утратить контакт. А так получилось в самый раз. Надо было отдать должное и крепости купеческих нервов. Мишка думал, что после его демарша Никифор позовет кого-нибудь и прикажет принести чего-нибудь более съедобного, чем вяленая рыба, но дядюшка с видимым удовольствием откусил изрядный кусок пирога, да еще и похвалил:

– Хорошо сестрица пироги печет, я прямо матушку покойную вспомнил.

Мишка оценил самообладание собеседника и выдал обещанную информацию:

– Увеличить же прибыток можно очень просто. Чего хочется человеку, если он долго томился неизвестностью, а потом выиграл?

– Ха! Выпить, конечно.

– Верно. Обмыть выигрыш. А если проиграл?

– Понял! Хмельное по рядам разносить надо! Так мы это уже делали! Обмануть меня решил?

– Не-а! По рядам – само собой, но в меру, а то сгоряча зрители между собой передерутся. Тех, кто сильно наклюкался, надо из амбара выводить. Когда много разгоряченного народу в тесноте толчется, недолго и до беды. Ты же не хочешь, чтобы с твоего зрелища трупы выносили?

– Не дай бог! Беды не оберешься!

– Вот! Пристраивай к амбару кабак, но не простой. Одно помещение, самое большое, для простых зрителей. Там и выпивка, и закуска попроще, но позабористей. Шум, гам, дым коромыслом – пусть душу отводят. Второе помещение – для людей степенных. Там то же самое будет, но солидному купцу или служилому человеку неловко, когда все его в пьяном безобразии видят. Пусть и выпивают отдельно, среди своих. А третье помещение – для самых уважаемых. На столах скатерти, посуда приличная, обслуга вежливая, в уголке музыка тихонько играет, чтобы разговорам не мешать, но настроение поддерживать. Само собой, и цены разные. Где подешевле, где подороже, где – для уважаемых людей, которым задешево веселиться зазорно.

– Ха! Верно! Солидному человеку со смердами за одним столом сидеть... Верно! Молодец, Михайла!

– Погоди, не все еще. Этот кабак, вернее, его самая чистая часть и для другого пригодиться может. Вот где ты, дядька Никифор, с другими купцами о делах договариваешься?

– По-разному бывает... На торгу, в лавке, на причалах, случается, и прямо на улице. А кого и домой приглашаю. Или меня приглашают. Ты это к чему?

– А если в том же кабаке специальные горенки устроить для переговоров? Посидели люди в приятном чистом месте, договорились, обмыли договор под хорошую закуску. Если нужда возникла, им и пергамент принесут, и письменные принадлежности. Если свидетели понадобились, найдутся люди достойные. Если куда-то послать надо, найдется гонец – сбегает и исполнит. Если что-то на время оставить надо, найдется железный сундук с хитрым замком и в охраняемом месте. Ну и прочее, все не перечислишь, по ходу дела соображать придется. Приведешь ты для разговора туда одного человека, другого, третьего, а там, глядишь, люди оценят удобство и надежность – сами пойдут.

– Понятно, – Никифор покивал. – А в горенках тех дырочки незаметные сделать, чтобы разговоры слушать тайно. Великий прибыль на том получить можно!

– Не рекомендую.

– Что?

– Не советую, Никифор Палыч. Ты догадался, значит, и другие догадаются. Наоборот, ты должен всем доказать, что из этого места ни одно словечко на сторону не уйдет. Тогда к тебе люди пойдут. Все должны знать, что у тебя самое безопасное место в городе. Перепьют гости, их спать уложат или домой доставят, и ничего, никакой мелочи у них при этом не пропадет. В сундуках железных золото годами лежать может и в сохранности останется. Свидетели никогда от своих слов не откажутся. Понимаешь, дядька Никифор, зрелищем ты уже торговал и убедился, что это выгодно. Теперь попробуй поторговать удобством и надежностью. Это еще выгоднее может оказаться.

– Удобством и надежностью, – задумчиво повторил Никифор. – Что-то ты мне все товар предлагаешь, племяш, который руками потрогать нельзя. То зрелище, то удобство.

– Ага! А еще: азарт, надежность, тайность, уважение, удовольствие. Неощутимый товар. Ни складов не нужно, ни украсть нельзя, а самое главное – ни у кого, кроме тебя, такого товара нет. Ты же любишь торговать, когда никто цену не перебивает?

– Ха! Еще как!

– Ну не жалеешь теперь о пятине?

– Посмотрим. Может, еще не выйдет ничего.

– Хорошо. Посмотрим. Тогда остальное я тебе в другой раз расскажу.

– Стой, Михайла! Когда еще... Ты чего встал?

– Ты же сам сказал: «Стой».

– Тьфу! Я в том смысле, что погоди.

– Ага. Тогда я сяду? А то ладья чего-то качается...

– Садись, племяш, садись. Зачем же в другой раз? Рассказывай сегодня, когда еще в следующий раз увидимся?

– Осенью. Ты же на торг приедешь?

– Может, приеду, а может, кого другого пришлю. Я отсюда на Неман собираюсь идти, хочу у пруссов янтаря прикупить. В Киеве сарацинские купцы за янтарь хорошую цену дают. Могу к сентябрю и не успеть, да и не нужен я здесь особо – Осьма мужик оборотистый, без меня управится.

– Угу. А что пруссы за янтарь берут?

– Известно что. Им же с ляхами воевать надо, так что... сам понимаешь.

– И как король Болеслав на это смотрит?

– Как, как... Хлебом-солью встречает! Ты думаешь, почему я к пруссам с севера захожу, а не через Вислу? На Немане, правда, князь Всеволод Давыдович Городненский сидит, Болеслав с ним договорился, чтобы оружие к пруссам не пропускать, но золотой ключик всякие двери открывает.

– А не дорого выходит?

– Ха! Да за стальной клинок пруссы янтарь по весу отсыпают, а за кольчугу и два веса взять можно! А янтарь-то легкий, мешками везем!

– И больше никто, кроме Всеволода Городненского, не мешает? С таким-то товаром, да свободно по всему Неману пройти? Не верится что-то.

– Есть, конечно, еще ятвяги. От этих не откупишься, бывает, и с боем прорываться приходится. А на другом берегу сидят аушкайты. Эти – более мирные, но за хорошее оружие последние штаны отдать готовы, больно уж их Литва сильно давит. Только товара у них мало, а янтаря совсем нет, потому что к морю их курши не пускают. Вот эти – разбойники. Там выход в Варяжское море узкий – сажень двести всего, так курши в этом месте ладьи стерегут и грабят, поэтому там и не ходит почти никто, а так выход в море был бы удобный.

«Аушкайты... не слышал никогда. Курши? Наверно, от них пошло название Куришской косы. Пролив там действительно узкий – всего триста метров, глубины малые, а фарватер вообще с игольное ушко. Хорошее место немцы выбрали для Мемеля. Теперь Клайпедой называется. И на кой Сталин почти всю Восточную Пруссию раздал? Хотя, с другой стороны, требовать ее обратно у трех стран немцам сложнее, чем у одной России...»

– Ну что, племяш? Отвлек меня разговорами? Давай-ка рассказывай, чего ты еще поведать хотел.

– Не хотел. Захочу, когда ты, дядюшка, мне опять пятину с прибытков пообещаешь.

– Да что ж ты все про пятину да про пятину, не о чем поговорить больше?

– Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Не надо было поить меня. Сладеньким.

– Ну что с тобой поделаешь? Обещаю. И куда тебе денег столько? Ага! Растрясешь мне мошну, а потом сам свои придумки в дело пускать начнешь! Хитер, племянничек! А давай-ка, Михайла, так сделаем: заключим ряд о том, что все твои торговые придумки ты отдаешь мне, а я за это тебе пятину от доходов с тех придумок. Согласен?

– На какой срок?

– Ха! Пока ты из ума не выживешь!

– А я прямо сейчас сладенького хлебну и из ума выживу!

– Хватит дурака валять, не такой уж ты и пьяный.

– А я и не говорю, что...

– Хватит, Михайла! На какой срок договариваемся?

– Давай лет на десять. Дальше заглядывать смысла нет.

– Добро. Будет тебе грамота. Рассказывай.

– Ну что ж, давай, дядька Никифор, сразу решим, о чем именно мы разговариваем. Вот ты сказал, что товар у меня такой, что руками пощупать его нельзя. Верно: свойства этого товара – нематериальность и неосязаемость, однако покупатели за него платят, значит, это товар. Называется этот товар «услуга». Все, что мы с тобой перечисляли: развлечение, азарт, удобство, тайность, уважительность, надежность, – услуги. Теперь я тебе расскажу еще об одной – о быстроте. Бывает так, что тебе важно побыстрее расторгнуться, и ты для этого даже ценой жертвуешь?

– Бывает. Чаще всего, когда погода поджимает: лед тает или, наоборот, реки скоро встать могут, перед распутицей, чтобы успеть добраться, куда надо. Бывает еще, что есть более выгодный товар, и надо успеть его забрать, пока другие не перехватили. Всякое бывает.

– Вот для такого дела может пригодиться твой ладейный амбар с местами для зрителей. По воскресеньям ты там будешь кулачные бои проводить, а в будние дни устраивать торги. Видал, наверно, не раз, как купцы друг у друга понравившуюся вещь перебивают? Один цену назвал, другой добавил, первый тоже набавил, второй еще раз – и так далее. Продавец доволен – цена растет. Бывает, покупатели так разгорячатся, что в несколько раз больше заплатят, чем настоящая цена, лишь бы сопернику не уступить. Тот же самый азарт. Так почему же не сделать такую азартную торговлю делом постоянным или просто частым?

– Верно мыслишь, племяш! Дальше давай.

– Вот, к примеру, склад Антипа. Чего там только нет, а распродается туго. Цены он ломит, в сам склад посмотреть да прицениться никого не пускает, и с самим Антипом люди дело иметь не очень-то хотят. Верно?

– Верно.

– А теперь представь себе, что в людных местах появляются доски с надписью, в которой говорится, что там-то и тогда-то купец Никифор будет распродавать товары, изъятые у злодеев. Пойдет народ, хотя бы из любопытства? Пойдет! Придут в твой ладейный амбар, рассядутся, а на лобном месте, где по воскресеньям морды бьют, стоит твой человек и объявляет: «Продажа первая – десять мешков, скажем, грецких орехов. Начальная цена такая-то! Кто больше?» Кто-то надбавит, еще кто-то перебьет – и поехало! Как товар подобрать и подходящее время для его продажи выбрать, ты лучше меня знаешь. Человека, который объявлять продажи и цены будет, надо найти говорливого и находчивого, чтобы и пошутить мог, и товар похвалить, и народ расшевелить...

Никифор слушал очень внимательно, но ощущения, что он хочет записывать, не возникло, видимо, смысл процедуры аукционных торгов ему был понятен, а интересовала лишь форма и практические приемы.

– Можно еще у приезжих купцов весь товар разом скупать, а потом, так же на торгах, частями распродавать. Можно пускать с молотка дома или землю, имущество должников, много чего.

– Ладно, Михайла, с этим понятно. Будет мой амбар занят несколько дней в неделю и давать прибыль постоянно. Убедил.

– Заслуживает задумка пятины?

– Заслуживает, заслуживает... Только знаешь, о чем я подумал? Вот ты предлагал горенки для переговоров и сундуки железные для хранения. Амбар-то у меня за городскими стенами, значит, охранять трудно будет и людям для переговоров ходить далеко, неудобно.

– Дядька Никифор! – Мишка укоризненно покачал головой. – Неужто такие простые вещи объяснять надо? Конечно же, кабаки для уважаемых людей надо в самом городе ставить, да не один, да не в закутке где-нибудь, а возле торгового или детинца. Кабак у амбара – только для начала, для опыта, для обучения обслуги. А потом можно будет там сделать место для удовлетворения тайных страстей. Есть же в Турове места, где на деньги играют, где девки гулящие, где... всякое, в общем. Это же все по закуткам, в грязи, в мерзости. Из иных мест и не выберешься без разбитой морды и вывернутого кошелька, а то и вообще живым не уйдешь. А у тебя будет все чистенько, прилично, без драк, скандалов и жульничества – для приличных людей, безопасно, благообразно и не на виду.

– Гм, племяш, стыд-то у тебя есть?

– Мы, дядюшка, о торговле или о покаянии беседуем?

– Господи, четырнадцать лет еще не минуло... Куда все катится?

– Куда? Не знаю, дядя Никифор, а откуда... Вот отсюда, – Мишка щелкнул по оловянной кубку с вином. – Когда наливал, думал о моем возрасте? Не думал? Так куда же все катится?

– Язва ты, племянник.

– Язва не язва, а пятину с каждой куны, которую у тебя оставит посетитель, ты мне отдашь! Дальше беседовать будем?

– Будем! – Никифор плеснул в свой кубок вина и залпом выпил, плеснул еще, но Мишке предлагать не стал. – Вещай, отрок, внимаю с почтением и содроганием, ибо мудрость твоя сравниться способна только с бесстыдством твоим же! Перст Божий в сем прозреваю, указующий на скорый и неперемный конец света, ибо каждое новое поколение, пришедшее в сей

мир, оказывается греховнее предыдущего! Так еще дед мой говорил, а конца света все нет. Видать, тебя, Михайла, дожидались!

– Рад стараться, Никифор Палыч, готов положить живот свой ради скорейшего наступления сего знаменательного события, однако же сомнениями терзаюсь каждодневно и ежечасно, понеже греховность людская ни границ, ни пределов не имеет, а посему наступление конца света отодвигается от нас во тьму времен отдаленных. Утешиться же можем мы единственно лишь тем, что грядущие колена рода людского, как и прозрел твой дед, низвергнутся в такие пучины грехопадения, что мы по сравнению с ними просто ангелами покажемся. Аминь!

– Тьфу, чтоб тебя...

– И тебе не болеть, Никифор Палыч.

Дядя и племянник глянули друг на друга и, рассмеявшись, звякнули кубками. Мишка понял, что Никифор наконец-то принял его таким, каков он есть. Это, конечно же, не исключало дальнейших попыток материного брата проникнуть в Мишкину тайну, однако общаться теперь с Никифором можно было с гораздо меньшим напряжением, чем раньше. В конце концов, торговые партнеры у такого купца, как Никифор, случались самые, мягко говоря, разнообразные. Одним больше, одним меньше...

– Это все была присказка, дядька Никифор, сказка впереди.

– Давай, давай, Михайла, завлекательные у тебя сказки, я прямо заслушиваюсь.

– Представь себе: приезжает купец в незнакомый город. Что ему в первую очередь надо? Жилье, склад для товара, место для торговли. Так?

– Не все назвал, но... так, так. Дальше!

– А если все это собрано в одном месте и предлагается внаем? Лавка, позади нее склад, над ними жилье. Все это сделано аккуратно, красиво, есть места, приготовленные и для сарацинов, и для нурманов, и для прочих. С привычными для них обстановкой, едой, посудой, всем остальным. И все эти места для купцов выстроены в один ряд, например, вдоль реки, чтобы и на ладьях подходить можно было, и обнесены тыном, чтобы ночью спокойно спать можно было. Знаешь, как это называется? Гостиный двор! Как ты думаешь, будут в таком Гостином дворе места пустовать?

– Ха! Еще и очередь занимать будут! А кое-кто так и вообще себе место на несколько лет откупит!

– Хватит у тебя мощны такой Гостиный двор в Турове отстроить?

– Ну... Можно же не сразу весь, пристраивать понемногу еще и еще. Главное – землю купить.

– А есть возле Турова такая земля?

– Найдем! Гостиный двор... Красиво!

– А теперь, дядюшка, слушай очень внимательно, потому что я тебе сейчас скажу самое важное про Гостиный двор.

– Ну?

– Представь себе, что, в какой бы крупный город на Руси купец ни приехал, везде его ждет такой же Гостиный двор, как и в других городах. На своей земле, за прочной стеной, со своей стражей. Каково?

– Михайла... Змей ты. Искуситель из сада эдемского!

– Ну яблоками я не торгую...

– Да пошел ты... Это ж... По всей Руси, в каждом городе. Как ты измыслил-то?

– Не понял ты ничего, дядюшка, зря я перед тобой распинался.

– Что?!!

– Не шуми, по всей реке слышно. По всей Руси, по всей Руси... Гордыня обуяла? Ну-ка прикинь, что подумают князья, когда узнают, что некто Никифор имеет в каждом городе

крепость с вооруженным отрядом и может, по своей прихоти, всех оружных людей в одном месте собрать? Причем незаметно – привезти на ладьях или в обозах.

– Молчи! – Никифор схватил Мишку за плечо и настороженно оглянулся на дверь. – Ты что задумал, парень? Ты во что меня втравливаешь?

– Ни во что я тебя не втравливаю. Это – мысли князей, постоянно думающих только о том, чтобы кого-то со стола спихнуть, да о том, как бы их не спихнули. Твое же дело обставить все так, чтобы у них такой мысли никогда не возникло. Так что о гордыне забудь. Никто и никогда не должен узнать о том, что это все принадлежит тебе. Лучше всего, если эти Гостиные дворы будут построены как бы вкладчину, местными людьми. Собрались двадцать человек в купеческое товарищество и построили Гостиный двор. А о двадцати купчих на их доли не знает никто, кроме тебя. Управляет Гостиным двором тиун, тобой назначенный, стража и командир ее у меня в воинской школе выучены. Поди догадайся, что к чему.

Князьям же ты страшен будешь не воинской силой, хотя и она в иных случаях лишней не бывает, а совсем другим. Тем, о чем они не догадуются, пока жареный петух в жопу не клюнет. По тому, на какие товары спрос растет, а на какие падает, ты о любом княжестве самое тайное вызнать сможешь: готовятся ли к войне или хотят мира, доволен ли народ или бунтовать собирается, в силе князь или им бояре вертят и прочее, и прочее. Отсутствием или переизбытком тех или иных товаров ты любого князя по струнке ходить заставишь, а он даже и знать не будет, кто его за горло держит. Понимаешь меня?

– Змей... змей эдемский.

– Я уже говорил, что яблоками не торгую, а кличут меня Лисом, а иногда Бешеным Лисом. Слушай, дядюшка, мою сказку дальше. Сказал я тебе главное, а теперь скажу наиглавнейшее. Или не хочешь?

Вот теперь с Никифора слезла наконец маска добродушия и простоватости. Перед Мишкой сидел викинг, напружинившийся перед абордажной схваткой. Но викинг необычный – образованный, приобщившийся к византийской культуре, пообтершийся при княжеских дворах и епископских подворьях, не чуждый понимания прекрасного и знающий цену всему, а не только морю, железу и военной добыче.

– Хочу или не хочу?

Никифор распахнул дверь и выглянул наружу. Ладья медленно поднималась против течения, шестеро гребцов с привычной слаженностью двигали веслами, еще шестеро развалились прямо на тюках с грузом, отдыхая перед своей сменой. Поблизости от клетушки, в которой беседовали дядя с племянником, находился только кормщик, но и он стоял достаточно далеко, чтобы слышать разговор. Никифор закрыл дверь и снова повторил:

– Хочу или не хочу? – выдержал паузу и выдал, пристально глядя Мишке в глаза. – Если хочу, то покойники сидят на веслах, а если не хочу, то покойник сидит напротив меня. Но сначала мне надо знать, чего хочешь ты... Лис.

Исполнено было на уровне профессионального актера, неподготовленный зритель ни на секунду бы не усомнился – с такими глазами убивают. Не по злобе или из корысти, а потому, что так надо. Как говорят герои американских боевиков: «Ничего личного». А еще они говорят: «Ты оказался не в то время и не в том месте». Только Никифор боевиков не смотрел и эти фразы, кочующие из фильма в фильм, ему не осточертели.

– Ну! Я жду. Что нужно тебе или с чьих слов ты поешь? И не вздумай врать!

А вот последняя фраза была лишней! Наваждение сразу пропало, и стало ясно: никаких покойников не будет, а личное все-таки есть! Дядюшка отыгрывался за менторский тон, который позволил себе в отношении старшего мужчины племянник. Всего несколько лишних слов, чуть-чуть неверный тон, и мурашки со спины сбежали, не попрощавшись, а сверлящий взгляд стал вполне переносимым.

«М-да, всего одна фальшивая нота – и прощай, очарование. «Не верю!», как сказал бы маэстро Станиславский. Но каков актер! Экспрессия, колорит, фактура! Со ЗДЕШНЕЙ неискушенной публикой наверняка способен творить все, что захочет.

Зацепил я тебя, онкл Ник, и теперь ты пытаешься давить, чтобы пацан не слишком много о себе воображал. А вот фиг вам, почтенный негоциант из города Турова! Мы тоже не в супермаркете купленные и надавать по сусалам тебе, викинг гребаный, вполне способны. Еще посмотрим, кто о себе больше воображает».

– Дурака-то из себя не строй, дядюшка.

– Что? Сопляк, да как ты...

– Смею, Никифор Палыч, смею, – Мишка попытался высвободить из кулака Никифора рубаху, но купец держал его за грудки крепко. – Будет тебе юродствовать. Глупо выглядишь. Так же, как если бы я тебя зарезать пригрозил... – Мишка слегка кольнул Никифора кончиком кинжала под локоть и тут же кольнул вторым кинжалом под мышку. – Но не грожу же.

По идее Никифор должен был выругаться и отпустить, но идея идеей, а жизнь жизнью. Из глаз у Мишки брызнули искры, да и как им было не брызнуть, если здоровенный купчина, пусть даже и левой рукой, засадил ему в лоб оловянным кубком? Мишка приложился затылком к стенке, но она была плетеной из луба, падать с ящика, на котором он сидел, Мишке тоже было некуда, так что через некоторое время племянник снова вполне ясным взором взглянул на дядьку, рассматривавшего прорезанный Мишкиным клинком рукав рубахи.

– Ну, мелкота, вспомнил себя или еще попотчевать? – Никифор не выглядел обозленным, скорее, раздосадованным. – Ишь, железом он в меня тыкать будет!

«Облом, сэр, много на себя взяли. Но с Лукой-то в аналогичных обстоятельствах получилось? Иллюзии, сэр Майкл, лейтенант Лука вполне профессионально разорвал дистанцию, чтобы выйти из зоны досягаемости вашего оружия, а потом, если бы не Чиф, навтыкал бы вам – мама не горюй. Никифору же деваться в этой клетушке некуда, поэтому он действовал сразу и весьма эффективно – бой в корабельной тесноте ему привычен. Просто-напросто две разные школы: у Луки – полевая, у Никифора – абордажная. А вы, досточтимый сэр, позволили себе лишнее, опять из роли вышли. Моветон-с, позвольте вам заметить».

– Чего молчишь? Не очухался еще? – Никифор поймал Мишкин взгляд и привычно оценил состояние противника. – Хватит придуриваться, не так уж сильно я тебе врезал. Мне этой посудинкой и убивать доводилось.

– Прости, дядька Никифор, забылся.

– То-то же!

– Мужиков бы пожалел, – Мишка прикинулся, что поверил в зловещие замыслы купца. – Они же не слышали ничего, разве что кормщик...

– Не твоя забота! Я тебе вопрос задал, изволь отвечать.

– Зачем, если ты ответ и сам знаешь?

– Михайла!

– Хорошо, хорошо.

Мишка попытался сделать успокаивающий жест и только тут обнаружил, что все еще держит в руках кинжалы. Чувство неловкости или стыда обезоруживает, как известно, надежнее болевого приема. Правда, не всех, некоторых приводит в ярость, но здесь был явно не тот случай. Чувствуя, что катастрофически краснеет, Мишка торопливо убрал оружие, одновременно отвечая Никифору:

– С чьих слов я «пою»? А кто в Ратном такие слова знать может? Или мы с тобой не в глухом селе, а в Киеве или даже в Царьграде? Некому здесь меня такому учить, и тем более некому под тебя копать, да и незачем. Думаю, что ты и сам это все прекрасно понимаешь. Теперь ответ на второй вопрос: «Чего я хочу?» Знаешь, дядька Никифор, древние римляне говорили: «Там, где ты ничего не можешь, ты не должен ничего хотеть». И опять ты знал ответ

– я не могу ничего, только рассказывать кое-что да торговаться. Значит, все, что я хочу – пятина от прибытков. А теперь твоя очередь. Ты так и не ответил, хочешь ли ты, чтобы я продолжал? Только пугал да дрался. Напугать у тебя не вышло, а дерутся только тогда, когда слова бесполезны. Тебе что, нечего мне сказать?

– Ты, племяш, тоже ответ знаешь, иначе не просил бы за мужиков. Что, скажешь, не так?

– Так.

– Ну и будет дурака валять. Рассказывай.

– Ты послал Петра учиться у нас, чтобы он мог потом командовать охраной твоих караванов. Не просто так, а потому, что дороги трудны и опасны, и в пути караван предоставлен сам себе – надеяться, кроме себя, не на кого. Так?

– Так.

– Представь себе, что на расстоянии дня пути по всем дорогам расставлены постоянные дворы. За крепкими стенами, с полной услугой и с отрядом стражи, который отвечает не только за охрану самого постоянного двора, но и за безопасность на порученном ее попечению куске дороги. Понимаю, что дело это не на один год и для тебя одного неподъемное. Создай купеческую общину, товарищество, братство – важно не название. Дело не только в том, что на равном расстоянии друг от друга будут находиться места, где можно укрыться на ночь, получить горячую еду, удобный ночлег, помощь лекаря, кузнеца и других нужных путешественникам мастеров. Гораздо важнее другое – сведения. Сделать так, что на каждом постоянном дворе возможно будет получать новости: где какие цены, в каких местах нужда в тех или иных товарах, куда ехать небезопасно... Понимаешь?

– Ну-ну, дальше.

– Нет, погоди, дядька Никифор. Для купцов эта информация... эти сведения важны или не очень?

– Важны. Бывает, едешь и не знаешь: что впереди ждет, удачно ли расторгнешься, сколько князья мытники с тебя сдерут, безопасны ли дороги, проходимы ли переправы?

– Значит, за эти сведения купцы будут готовы подчиняться определенным правилам?

– Правилам? Я думал, их за плату давать надо. Каким правилам?

– Я начал с того, что ты организуешь купеческую общину. Поначалу она будет нужна для строительства постоянных дворов, и создавать такие общины надо в разных городах, чтобы строители шли навстречу друг другу. Но потом удержать купцов в общине можно возможностью получения свежих новостей, потому что тем, кто в общину не входит, их давать не будут.

– Понятно, а правила-то тут при чем?

– Скажи, дядюшка, а часто ли купцы с торговыми спорами на княжий суд ходят?

– Да ты что? Без штанов оставят! Поборы такие, что и вспоминать тошно. Ежели убийство или грабеж, тогда приходится, никуда не денешься, а с чисто торговыми делами – нет: себе дорожке.

– А в Русской Правде много ли о торговых делах сказано?

– Почти ничего. Мономах, правда, добавил туда про лихоимство да про сроки держания закупов, а больше ничего и нет.

– Как же вы свои купеческие споры разрешаете?

– По здравому смыслу, да и обычаи уже сложились, как же без них?

– А если все эти обычаи и примеры разрешения самых частых споров записать? Создать Купеческую Правду! И торговый суд учредить! А тех, кто решениям этого суда не подчиняется, делать изгоями: не пускать на постоянные дворы, не давать им в долг, не покупать их товар. В иной раз и силу применить, воины-то и в Гостиных дворах, и на постоянных дворах будут. Вот, смотри: делим все земли на разные куски. То, что под своим присмотром держит стража постоянного двора, назовем уездом. Там уездный суд – для мелких дел. Судьей, кстати, может быть и тиун постоянного двора, а за исполнением приговора будет следить командир стражни-

ков. Землю, на которой держит власть удельный князь, назовем волостью. Там волостной суд. Судей купцы, входящие в общину, избирают из своей среды, на определенный срок. В больших городах – городские суды. А верховный суд у тебя – в Турове. С самыми важными делами – туда. А уж как силой Верховного торгового суда распорядиться, ты и без меня придумаешь. Ведь придумаешь же?

– Гм, это что же, ты меня купеческим... э-э... митрополитом, что ли, сделать надумал?

– А Туров – купеческой столицей Руси!

Никифор помолчал, раздумывая, потом налил себе вина, поднял кубок и движением головы велел племяннику сделать то же самое, тот послушно отхлебнул и тут же принялся закусывать. Никифор продолжал молча размышлять, барабанил пальцами по крышке сундука. Мишка осторожно ощупал лоб: шишка от «дядюшкиного вразумления» намечалась изрядная.

«Обязательно было кубком лупить? Мог бы и кулаком приложиться, при такой разнице в весовых категориях эффект был бы не меньшим, много ли мальчишке надо? Вот именно мальчишке, сэр! Кулачный мордобой еще заслужить надо, он – для разборок промеж равных взрослых мужей, а вас, милейший, по молодости и легкомыслию, попотчевали посудой, как мать бьет ложкой по лбу расшалившегося за столом ребенка. Так-то вот!»

Никифор продолжал что-то обдумывать, пауза затягивалась просто до неприличия, и Мишка уже начал подумывать, что бы такое сказать, но, поглядев на стоящий перед ним кубок, решил не нарушать приличий, прерывая размышления старшего мужчины. Наконец Никифор, видимо, пришел к какому-то выводу, но вопрос его оказался совершенно неожиданным:

– И долго ты над этим думал, племяш?

В голосе Никифора не чувствовалось сарказма, вопрос был задан вполне серьезно, и отвечать на него требовалось тоже серьезно.

– С тех пор, как у тебя в Турове побывал. Мама мне кое-что о твоих делах рассказала, – Мишка заметил, как Никифор насторожился, и тут же поспешил его успокоить. – Немного, то, что сама знала, может быть, и не все. А еще я знаю, что в латинских землях есть торговые города, в которых купцы сами правят, без князей. Венеция, Генуя, Флоренция. Слышал о таких?

Это был рискованный момент – у Мишки вовсе не было никакой уверенности в том, что эти торговые республики уже существуют, но Никифор лишь кивнул. То ли знал о них, то ли просто не хотел прерывать племянника.

– Вот мне и подумалось: а нельзя ли все это к нашим делам как-то приложить? Князья все время туда-сюда ездят, настоящих хозяев у земли нет... Кто еще, кроме князей, землю обустроить может? По-моему, купцы, только все аккуратно сделать нужно, чтобы Рюриковичи не насторожились – они властью делиться не захотят, а то, о чем я говорил, власть.

– Вот именно Рюриковичи, – Никифор утвердительно кивнул. – Так они и дали тебе на своих землях постоянные дворы ставить да вооруженную стражу держать. Даже бояре стонут, если рядом с их деревеньками князьки деревни оказываются. Князьки тиуны грабят хуже татей, а отпора не дай – за князьего человека спрос строжайший.

– Но не все же князья одинаковые...

– Все!

– Значит, надо договариваться, подати с прибытков князьям предлагать. А еще лучше, если получить на это дело согласие самого Великого князя Киевского. Взять его в долю. Тогда удельные князьки поскалются, поскалются, а сделать ничего не смогут. Если же особенно вредные попадутся, то торговые пути можно в обход их земель проложить.

– И так в обход ездим. Бывает, пока до места доберешься, такие кренделя выписывать приходится, что путь чуть ли не вдвое удлинится.

– До сих пор они только злобились, что пограбить караваны не выходит, а потом увидят, что от постоянных дворов польза большая может быть. Дороги улучшатся, татей повыведут, смерды корм для людей и тягла продавать за живые деньги смогут – прямая выгода князю.

– Да сами князья главные тати и есть! Особенно мелкие – слабые, злые, жадные. Земли и народу у них мало, надежды на лучшую долю нет, более сильным князьям завидуют... С большого княжества податей и иных доходов собирают много, поэтому на мелочи особенно не кидаются, а мелким князькам и шерсти клочок урвать в радость.

– Так с такими же договариваться легче! Для него доля в доходах с постоянных дворов – находка, только объяснить им подходчивей надо.

– Им объяснишь...

– Тогда и сурово поступить можно.

– Но-но! Говори, да не заговаривайся!

– А что? Да если по всей Руси посмотреть, так, наверно, месяца не проходит, чтобы кого-то из мелких князьков не хоронили. Несколькими больше, несколькими меньше... Не смотри на меня так, дядька Никифор, я не разбой предлагаю, а справедливость для общего блага. Дурак при власти – общая беда.

Интересный, в общем, разговорчик получился.

* * *

«М-да, сэр, интересенький получился разговорчик. Самое интересное, что экспромтом. Надо ведь было чем-то загрузить Никифора, чтобы не приставал с роковой тайной вашей, сэр Майкл, нестандартной, прямо скажем, эрудиции. И вот что примечательно: экспромт экспромтом, но концепцию-то вы дядюшке предложили достаточно логичную – построение системы, призванной серьезнейшим образом преобразовать не только экономическую жизнь Киевской Руси, но и политическую! И это после жесточайшего конфуза с идеей Православного рыцарского ордена!

Откуда это? Из каких глубин подсознания выплыло? Ну, считаете вы, что Рюрик-овичи управляют страной скверно. Ну, знаете, что систему может победить только другая система – с более богатой ресурсной базой (в том числе и кадровой), с более прочными внутренними связями и большим их количеством, более централизованная и лучше управляемая. Вспомните, сэр Майкл, попугая из мультфильма: «А вдруг получится?» Вы что, историю перекраивать решили? Мало ли, что Максим Леонидович в «эффект бабочки» не верит, а если он ошибается?

Нет, все это чешия: «эффект бабочки», вдруг получится... Главная проблема, которая терзает вас в настоящее время, – как и на что потратить оставшиеся сорок с небольшим лет жизни. Причем проблема эта – вовсе не маета подростка на тему «Кем стать?» и не интеллигентские самокопания типа: «Ах, я несчастный, никем не понятый, цели в жизни не имеющий, не пойти ли мне поискать великую сермяжную правду?» Вопрос стоит гораздо жестче: имеется куча чисто конкретных заморочек, от части которых отчетливо пахнет кровью, и нужна некая концепция, четкая шкала оценок, для того, чтобы решать их все в едином ключе, а делать это можно только при наличии вполне определенной цели.

Если вы, сэр, своевременно с этим не разберетесь, то последствия будут весьма печальными. Во-первых, вам каждый раз придется раздумывать на тему, «что хорошо, что плохо», и не факт, что вы однажды очень крепко не промахнетесь. Во-вторых, вам же людьми командовать придется, а что это за командир, у которого семь пятниц на неделе, и то, что вчера было хорошо, сегодня уже никуда не годится? Ну и, в-третьих, вам что, сэр, неизвестно, как разъедает психику бесцельность существования? Когда «просто живешь», ни к чему не стремишься и ничего особенно в будущем не ожидаешь? Когда один день похож на другой, когда начинают доминировать маленькие ежедневные радости типа: поспать, поесть, выпить? Мало ли вы ТАМ наблюдали здоровых и неглупых мужиков, тихонько деградирующих в неизменной обыденности и впадающих то в тоску, то в озлобление, «отпустив тормоза» спиртным?

Стоп! А не эта ли участь постигла моего предшественника? Сделал карьеру, устроился с максимальным в его ситуации комфортом, а что дальше? Не нашел себе применения и... запил? А способен ли он вообще здраво мыслить? Если судить только по «письму», сомнительно. Такое ощущение, что писал либо алкоголик, либо не вполне психически здоровый человек. Та-ак, интересненько... А не вы ли, сэр, совсем недавно собирались разрушить свою личность с помощью самогона? А не вы ли, сэр, опасаетесь сумасшествия из-за расхождения требований тела и рассудка? И не вы ли, сэр, ушли из-за множества проблем в такой аут, что только сексотерапией вас оттуда и вытаскивали? Это что же получается, профессиональное заболевание «засланцев»? Максим Леонидович, помнитесь, опасался отторжения внедренной личности. Хе-хек-с, сэр, а у нас новость: вы, почтеннейший, с ума сходите! Ля-ля-ля! Все по науке! Замечательно! Листвяне с Перваком ничего и делать не придется, только подождать, пока вы, досточтимый сэр Майкл, начнете писать: «и запми падла».

Смех смехом, а организм, даже без участия сознания, с болезнью борется. Не придумали вы себе цели, он сделал это за вас. Не нравится вам, как Рюриковичи страной управляют? Милости просим – подспудно вызревает идея создания альтернативной системы управления. Случается подходящая ситуация, и эта идея озвучивается вроде бы как экспромтом. Так ли уж плох этот «экспромт»? Частности, вроде Гостиных и постоянных дворов, опустим. В чем суть проблемы?

Очень не хочется наблюдать, как Рюриковичи ведут дело к тому, что через двести лет Литва и Орда будут спорить между собой, чьей провинцией станет Русь. Будем считать это описанием настоящего положения дел. Тогда желательное положение дел... Блин, не доживете же, сэр! Срок вашей жизни известен, год смерти определен – 1171-й от Рождества Христова. Тогда... Да подсказало же подсознание: создать систему, которая переживет вас, сэр Майкл, и не допустит вышеупомянутого безобразия!

Мать честная! Замахнуться на такое... даже и название-то сразу не придумаешь. Это вам не перестройка с гласностью и даже не либерализация. Это то, что проделала с Советским Союзом КПСС в те времена, когда она еще называлась ВКП(б). За сорок оставшихся вам, сэр, лет создать Державу, способную отразить напор Степи, начистить рыло Польско-Литовской унии и навтыкать немцам и скандинавам! Как сказал умница Черчилль в 1953 году: «Сталин принял Россию с сохой, а сдал с атомной бомбой». Но кровушки-то пролилось за двадцать девять лет сталинского правления!

А вы, сэр, насчет кровушки-то тоже... того. Как вы Никифору про дураков у власти: «Можем и сурово поступить». Но «спецназа» у вас тогда еще не было! Вот откуда, оказывается, ноги растут! Штурм усадьбы Устина на самом деле был первой репетицией возможных в будущем штурмов княжеских теремов!

Это – если Никифор вашу, сэр, концепцию всерьез принял, а если нет? Кто ваши величественные планы в жизнь претворять будет? Другого такого Никифора еще поискать, да и не найдешь, пожалуй. Как мать говорила? Мог бы в первую купеческую сотню выйти, да не хочет высовываться. Капитал раскидан в разных местах: в Турове, Киеве, Новгороде Великом, даже в Кракове. Наверняка не все перечислила – Никифор, с его склонностью к конспирации, конечно же, сестре не все рассказал.

Ох, не прост дядюшка Никифор! Торгово-финансовая структура, охватывающая не только Русь, но и соседние страны, скрытность и конспирация, теперь вот участие в создании военной структуры и... черт возьми, системы подготовки квалифицированных кадров! Это же какой ресурс создается – кадровый, финансовый, силовой! Планы, к гадалке не ходи, на десятилетия вперед. Что же он задумал такое? И насколько предложенная мной концепция вписывается в его планы? И зачем я ему понадобился? И... Куча вопросов, и все без ответа, а самое главное – отнесся ли он к моим предложениям серьезно? Сначала-то, может, и нет, но потом ему такое шоу в стиле «магик» показали...»

* * *

Разговор дяди с племянником на ладье закончился, в конце концов, тем, что оба напились вполне добротнo. Мишка, правда, изображал опьянение гораздо большее, чем имело место на самом деле, но окосел достаточно сильно, а Никифор... кто его поймет. Выпил он много, но «держат хмель», как Мишка заметил еще в Турове, умел.

Поначалу оба валяли дурака – Мишка излагал свою концепцию, отвлекая Никифора от главного вопроса, а дядюшка «давил на психику», не пренебрегая и физическим воздействием на шустрого племянника. Потом Никифор вроде бы заинтересовался, разговор принял вполне деловой оборот, но в какой-то момент, когда Мишка от выпитого вина, видимо, потерял бдительность, снова всплыла тема источника Мишкиных знаний. Пришлось притворяться пьяным вдрызг. В ответ на упорные расспросы купца Мишка понес околесицу, перемежаемую ругательствами на разных языках – ему почему-то это показалось очень остроумным. Никифор терпеливо выслушивал все эти: «фак ю, онкл Ник», «донер веттер нох айн маль», «порка Мадонна» и даже «узю сиким» – услышанное однажды на рынке от азербайджанцев. Терпел и снова в разных вариантах повторял свои вопросы. Сколько на самом деле племяннику лет? Кто учил? Где читал?

Наконец Мишка привалился к плетеной стенке «каюты» и, невнятно пробормотав: «Ниней, все спрашивай у Ниней», сделал вид, что «отрубился». Под недовольное ворчание Никифора и журчание вина, наливаемого в кубок, он и уснул.

Проснулся Мишка поздно – солнце стояло высоко, ладья, судя по доносящимся снаружи звукам, уже добралась до Нинейной веси и даже начала разгружаться. Все тело затекло от неудобной позы, во рту было сухо и гадостно, голова болела и, как выяснилось при попытке встать, кружилась. Однако все неприятные симптомы похмелья проявлялись в не очень острой форме; видимо, молодой организм справлялся с алкогольной интоксикацией достаточно хорошо, а может быть, просто выпили не так уж и много.

Тихонько постанывая и матерясь про себя, Мишка выбрался наружу, поискал бадью с питьевой водой и жадно припал к берестяному ковшу.

– О! Михайла! – услышал он донесшийся с берега голос Ильи. – Приехал, значит? Ну с возвращеньцем.

– Здравствуй, Илья. Приехал, а вы, значит, уже разгружаете? Никифора не видел?

– Видал. Он к боярыне пошел, сразу, как причалили. Так и сидит там до сих пор.

Спрашивать, давно ли причалили, Мишка не стал – не захотелось позориться перед Ильей, впрочем, тот, скорее всего, понял Мишкино состояние и сам. Как говорится: «В пьянке замечен не был, но по утрам жадно пил холодную воду».

Мишка немного постоял, наблюдая за разгрузкой и вяло отвечая на приветствия «курсантов», усердно таскавших на берег мешки и тюки, а потом, решив, что пора и честь знать, направился в кормовую избу за своими вещами. Уже собираясь выходить, он обратил внимание на вдруг наступившую тишину. Снаружи явно происходило что-то, заставившее всех бросить работу.

Посмотреть действительно было на что. От дома Ниней к берегу реки бочком двигалась Красава, держа в вытянутой руке какой-то маленький предмет. Что именно, издали было не разобрать, а следом за Красавой, тупо уставившись на этот непонятный предмет, деревянной походкой зомби плелся Никифор.

«Ох, она же его как того волхва ведет, и опять к реке! Топить, что ли, собралась?»

Мишка, забыв о недомоганиях, вымахнул из ладьи на берег, не пользуясь сходнями, поскользнулся, упал на четвереньки и, как спортсмен «с низкого старта», рванул навстречу «зомбированному» дядюшке.

– Красава, ты что творишь?! Прекрати сейчас же!

Мишка надеялся, что громкий крик разорвет незримую нить управления между Никифором и Красавой, но не тут-то было. Купец шел, все так же уставившись на (теперь Мишка разглядел) ваньку-встаньку, стоявшего на ладони Красавы, а внучка волхвы отреагировала на крик лишь жестом, призывающим не мешать. Мишка уже собрался было применить физическое воздействие, но тут Красава, слава богу, остановилась. Топить Никифора в реке она, как выяснилось, не собиралась, а искала, на что бы поставить ваньку-встаньку. Для этого ей вполне подошел берестяной короб с каким-то имуществом, вытасченный с ладьи на берег.

Установив куколку на крышке короба, внучка волхвы с чувством исполненного долга выпрямилась и обратилась к Мишке:

– Бабуля сказала, что он хочет знать то, чего знать ему не надо, а он, дурак, ее не послушал, – Красава надменно вздернула подбородок, явно копируя Нинею в образе Владычицы. – Забыл, хам, кто он и кто она! Ты, Лис, вежеству его поучи, а то в другой раз бабуля и всерьез рассердиться может!

«Лис? Она меня Лисом назвала? А как же «Мишаня»? Или в данных обстоятельствах кличка представляется ей более уместной? Чего-то вы, сэр Майкл, не сечете, какой-то тонкости языческого обряда. Хотя... «Мишаня» вы для маленькой девочки, любящей слушать сказки и намеренной в будущем на вас «жениться», а сейчас она воображает себя волхвой, «великой и ужасной», имеющей право повелевать. Вот ведь свиристелка мелкая! Ага! «Мишаня» же ее не так давно подзатыльником попотчевал да уму-разуму поучил. Естественно, это обращение сейчас не к месту. Ну что ж, Лис так Лис, главное, Никифора надо как-то из транса вывести, чтобы не навредить ненароком».

Мишка стащил с головы шапку, вежливо склонил голову и соответствующим моменту тоном произнес:

– Передай светлой боярыне Гредиславе Всеславне, что исполню ее пожелание со всем тщанием. Больше он, – Мишка кивнул на Никифора, все еще тупо пляшущего на ваньку-встаньку, – грубить не станет. Только как с ним разговаривать-то... с таким?

– Передам, – Красава едва заметно кивнула. – А разговаривать сможешь, Лис. Спрячь от него куколку, он и опамятует. Ну, может быть, штаны намочит от испуга, так и поделом.

Маленькая ведьма снова одарила Мишку легким кивком, развернулась и, до смешного скверно изображая величие, удалилась.

«Довольна собой до усёру, малявка. Эх, вздеть бы тебе подол да огулять возжжсами, как дед Аньку. «Владычица», туды б тебя... Ужо я тебе Лиса припомню».

Мишка, глядя в спину удаляющейся ведьмочки, с такой ясностью представил себе подробности экзекуции, что Красава, на секунду выпав из образа, видимо чисто рефлексивно, почесала попку.

«Вот-вот, заранее чуешь, экстрасенсучка, блин».

Повздыхав о несбыточном, Мишка цапнул с крышки короба ваньку-встаньку и спрятал его за спину. Никифор со свистом втянул воздух сквозь сжатые зубы, вздрогнул всем телом и ошалело огляделся.

– А? Что? Уй...

Руки его суетливо зашарили в районе гашника, похоже, насчет мокрых штанов Красава не соврала. Мишка деликатно отвернулся и, увидев пляшущихся на происходящее «курсантов», заорал:

– Чего уставились, заняться нечем? Ну-ка за работу!

На берегу возобновилось деятельное шевеление, а за спиной у Мишки через некоторое время раздался прерывающийся голос Никифора:

– Михайла... Это что? Что это было? Чего это меня так... Михайла!

– Это – ответ на все твои вопросы сразу, дядька Никифор, – Мишка раскрыл кулак, в котором был зажат ванька-встанька, и купец уставился на куколку с таким выражением, будто в руке у племянника была ядовитая змея. – Сейчас ты только обоссался, а в следующий раз тебя мужской силы лишить обещали.

– Вот сука...

– Но-но! Осторожнее, дядюшка. Она, может быть, и сейчас нас слышит!

Никифор затравленно оглянулся на дом Нинеи и торопливо направился к ладье. Уже дойдя до схода, оглянулся и предложил:

– Михайла, пойдем, у меня там еще осталось. Надо бы причаститься... после всего.

Мишка подумал и согласился. После таких приключений принять на грудь – не грех.

* * *

«Вот такие дела. Никифора вразумили до недержания, репетицию карательной акции провели, и везде вы, сэр, вроде как на главных ролях. А на самом деле? Все происходит как будто случайно, помимо вашей воли, сэр. Легко рассуждать, что предшественник собой не владеет, здраво мыслить не способен, а сами-то? Граф Корней, если помните, удивился вашему хладнокровию и наблюдательности в бою. Про компьютерные «стрелялки» он и слыхом не слыхивал, но суть неадекватности вашего восприятия подметил очень тонко. Вы смотрели на события не как сторонний наблюдатель, а как участник, но такой, у которого под рукой имелись кнопки «exit» и «new game». Может быть, и эта ваша «концепция» тоже игра, только не «стрелялка», а «стратегия»?

Что ж, я ЗДЕСЬ совсем чуждой? Да нет же! Мать, братья-сестры, дед – все свои, родные, без дураков. Юлька, Роська, Митька... я к ним по-настоящему привязался. Но! Надо быть честным, я живу в несколько ином мире, чем они. Дело не в знаниях человека XX века, а в ином мироощущении – то, что для них является реальностью, для меня всего лишь сказки, суеверия, предрассудки. Так, как Роська, я не уверю в Бога никогда, так, как дед, я никогда не буду болеть душой за ратнинскую сотню, но и их никогда не будет грызть так, как меня, ощущение надвигающейся на Русь беды».

Сам того не замечая, Мишка задвинул куда-то своего «внутреннего собеседника» и, так же как и в доме лекарки Настены, полностью превратился в Михаила Андреевича Ратникова «образца 1999 года». Сейчас ирония была более чем неуместна – требующееся максимально реалистичное описание «действительного положения дел» оказалось слишком жестким и беспощадным, как, собственно, и вся теория управления. Утешиться классическим выражением: «Теория, мой друг, суха, но вечно зеленеет древо жизни» – не представлялось возможным, слишком много опасностей таится в этой «зелени». Да, наука управления – только отчасти наука, а отчасти искусство, но искусство это сродни искусству фехтования. Ошибка – беда, кровь, смерть, и не только собственные.

«Один ты ЗДЕСЬ, Андреш. И всегда будешь один, сколь бы близкие тебе люди тебя ни окружали. Сказки-то, оказывается, не врут: знание будущего – проклятье, знание своего срока – тоже. А еще страшнее искушение – вдруг ты действительно способен что-то изменить? Стоит начать, и остановиться уже невозможно, но чего это будет стоить? Делай, что должен, и будет то, что будет. А должен ли? Можно ничего не делать... и постоянно терзаться мыслями о том, что мог, но не сделал. Терзаться все оставшиеся сорок шесть лет жизни. Можно «кинуться головой в воду», «сжечь мосты» и, по прошествии лет, ужаснуться тому, что сделал, ибо благими намерениями вымощен путь в ад...»

Отставить скулеж! Никаких сжиганий мостов – все это литературищина, но и никакого «ничегонеделания». Неправильное действие лучше, чем бездействие, – азбука управления! Воздействие на объект управления, получение по каналам обратной связи информации об изменении объекта в результате воздействия, анализ полученных данных, принятие решения о следующем воздействии. При негативном результате – корректировка планов вплоть до полного обнуления, в случае возникновения такой необходимости. Азбука! А душевные терзания оставим... тем, кто ничего, кроме как терзаться, не умеет...»

* * *

– Минька! Сенька и без всякой кочерги Приблуду... – сунувшийся в горницу Дмитрий осекся и испуганно уставился на Мишку. – Минь, ты чего? Худо тебе? Я сейчас Настену...

– Ничего, Мить, все в порядке. Не зови никого, все хорошо, показалось тебе.

Последние слова Мишка произнес уже в пустоту, Дмитрий исчез, видимо, все же побежал за лекаркой.

«Блин, подумать не дадут спокойно. Чего он так испугался-то? Моей морды, «искаженной напряженной работой мысли»? А Сенька-то молодец, насколько я понял, отметелил Приблуду, не пользуясь кочергой. Нормальный урядник получится, пацаны его теперь слушаться станут с первого слова. Только бы не возгордился да не начал рукоприкладствовать, где надо и не надо. Правильно, надо их в воинскую школу забирать, там, чему нужно, обучим. Так, о чем это я?..

Да, воздействие на объект управления. Напрямую я пока управлять могу очень немногим, значит, вырисовываются три направления приложения усилий: наращивание собственного ресурса, опосредованное воздействие и подключение к уже осуществляемым другими субъектами управления программам.

Собственный ресурс – Младшая стража и воинская школа. В каком направлении их можно развивать? Младшую стражу – в направлении моей собственной боярской дружины, воинскую школу... воинскую школу... А возьмем-ка по максимуму – попробуем сбачать на ее базе первый российский университет! Но тогда придется открывать богословский факультет, все старейшие университеты начинались, если не ошибаюсь, именно с этого...»

– Вот, смотри! – в дверях появились Дмитрий и Юлька, Дмитрий рукой указывал на Мишку. – Погляди, погляди!

– На что глядеть-то? – Юлька явно не понимала тревоги Дмитрия. – Ты чего всполошился-то?

– На рожу его погляди! Хотя... – Дмитрий озадаченно поскреб в затылке, – может, показалось?

– Чего тебе показалось? Митька! – Юлька потормошила старшего урядника. – Да говори ты, чего умолк?

– Такое дело, Юль... Я зашел, а он... Лицо у него было, как у старика, только без бороды. А теперь вроде бы как обычно.

Юлька внимательно и, как показалось Мишке, встревоженно принялась разглядывать его лицо, Мишка уже собрался скорчить какую-нибудь рожу посмешнее, как Юлька, прервав осмотр, решительно заявила:

– А ну-ка, Мить, иди-ка отсюда. Ступай, ступай, нечего тебе здесь!

Митька, вообще-то не склонный к нерешительности, растерянно топтался в дверном проеме, пока Юлька не вытолкала его прочь.

– Что у тебя с лицом, Минь?

– А что у меня с лицом?

– Митька говорит, что ты как старик был, и я тоже заметила... кажется.

– Креститься надо, когда кажется! И тебе, и Митьке.

– Ну-ка признавайся, что вы тогда, ночью, когда меня выгнали, творили? Ворожили, заклятья накладывали?

«Ну можно сказать, что и ворожили, а вот насчет заклятий... Впрочем, разговор про электричество и телефон, по нынешним временам, запросто может сойти за какие-нибудь жуткие заклинания. Комедия, блин!»

– Не помню я ничего, Юль, усыпили меня, а утром ты пришла, сама все видела.

– Врешь!

– Вру. Черти меня ночью утащили в подземное царство, и мы там бочку вина на троих с Сатаной и Велесом распили. А потом мать твоя заявила и всех нас половником разогнала.

– Трепач!

– Ага, еще какой!

– Ты что, не понимаешь? Минь, у тебя душа из тела уходила, в это время в него чья-то другая душа вселиться могла, которая неприкаянная маялась. Наверно, старика какого-то. Он выглянул из тебя, а в это время Митька зашел и увидел.

– Ну уж нет! Если бы в меня кто-то другой вселился, я бы сейчас никого не узнавал бы, ничего бы не помнил, а я все помню, всех знаю. Ты, к примеру, Юлька.

– Откуда ты знаешь?

– А ты что, не Юлька?

– Прекрати! Откуда ты знаешь, что такой человек ничего из прошлой жизни не помнит?

«Эх, девочка, мне ли не знать?»

– Потому что я и правда пятидесятилетний старик, – заговорил Мишка «загробным» голосом. – Тело мое лежит непогребенным в пещере колдуна Максима, который отправил мою душу в дальнее странствие. Смотрю, тело бесхозное валяется, я – прыг, и готово!

Произнося эти слова, Мишка невольно представил себе Максима Леонидовича, обстановку его лаборатории и все прочее, непосредственно предшествовавшее отправке его в XII век.

Юлька испуганно вскрикнула и отшатнулась.

– Что у тебя... Что у тебя с лицом?!!

– Испугалась? А сама говорила, что мою рожу никакими шрамами не испортишь!

– Дуришь?! Рожи корчишь?! – казалось, что Юлька вот-вот взорвется от возмущения. – Я тебя...

– Юленька, ну прости дурака!

Увы, покаянные слова были направлены уже в спину вылетающей из горницы Юльки. Из-за захлопнувшейся двери донеслось:

– Дурак твой старшина! И ты тоже дурак! И все вы придурки недоделанные!

В ответ что-то оправдательное бубнил Дмитрий, но, кажется, так же как и Мишка, уже вслед уносящейся лекарке.

«Вот и говори после этого женищинам правду. Однако, сэр, знакомая фраза: «Что у тебя с лицом?» – где-то же вы это читали... Да! Карел Чапек «Средство Макропулоса». Такой вопрос все время задавали «бессмертным» персонажам. Что ж получается, сэр? Если вы полностью подавляете ЗДЕШНЮЮ составляющую сознания, обращая мыслями к минувшему будущему, то это соответствующим образом отражается на экстерьере? М-да, чем глубже вброд, тем ласковей русалки. Какие еще нас открытия ожидают?»

– Минь! – В горницу просунулась голова Дмитрия. – Чего это она? Выскочила, всех облаяла...

– Шел бы ты, Митька... в Орехово-Зуево!

– Чего?

– Ничего. Там, говорят, топоры по речке плавают. Оставьте меня все в покое, больной я!

Дмитрий покривился, но исчез.

«Что с вами, сэр Майкл? Мисс Джулию чуть до слез не довели, своего «зама по строевой» аж в Орехово-Зуево послали. Мелкие людишки о великом мыслить мешают? А не слишком борзеее, май дарлинг? Оба ведь совершенно искренне за вас беспокоились, один за помощью побежал, другая спасать кинулась. А вы? Забыли, как деду про Антуана де Сент-Экзюпери рассказывали? Между прочим, неплохо бы подумать: а как ваши величественные планы на них отразятся?»

Мишка поерзал на постели – было стыдно даже перед самим собой, но кто ж знал, что его собственная морда будет такие фортели выкидывать? От неожиданности все и получилось.

«Ладно, что уж теперь? Митька начальственные капризы простит, тем более что сам весь тарарам и поднял, а Юлька... Позвольте вам заметить, сэр, актуальность пошива эксклюзивного туалета и организации бала по случаю новоселья воинской школы возрастают прямо на глазах. Причем заметьте, сэр, не меньшую трудность представляет собой задача уговорить мисс Джулию означенные знаки внимания благосклонно принять! Это еще постараться придется. Она в лучших чувствах к вам бросилась, а в ответ что получила? Вот именно, это вам не прикол на дискотеке. А то, что вы ей правду объяснить не могли, – ваши личные проблемы.

Так, на чем мы там остановились в наших возвышенных размышлениях? Да: наращивание собственного ресурса, опосредованное воздействие и подключение к программам, уже осуществляемым другими субъектами управления. С собственным ресурсом мы определились? Младшая стража, воинская школа – и все? Сорри, сэр, отнюдь! Еще имеется возможность собственной предпринимательской деятельности. Свечное производство граф Корней, конечно же, оставит себе. Если хотите иметь собственное, то извольте завести пасеку, заселить ее пчелами и... все остальное. Главное препятствие – отсутствие рабочих рук. Затребовать себе бывших холопов Устина? Можно попробовать, но какотреагирует граф Корней – бабушка надвое сказала. Во всяком случае, мед и воск воинской школе и самой нужны, на продажу может и вообще не остаться.

Что еще? Производство подсвечников, матрешек, расписной посуды и прочего, что можно делать на токарных станках. Тут, пожалуй, граф Корней вам, сэр, не конкурент. Мастер Кузьма вместе с техникой рано или поздно переберется на базу Младшей стражи. Еще, разумеется, лесопилка. Это – доход верный и, насколько можно предполагать, весьма существенный. Что-то еще? А припомните-ка, сэр, вы же собирались графу Корнею кресло изготовить и отцу Михаилу шахматы выточить. Так и не собрались. С шахмат, конечно, доход невелик, а вот мебель...

ЗДЕСЬ, кроме самых простецких столов и лавок, ничего и не встретишь, даже в самых богатых домах. Изредка табуретка попадется, так и та – просто укороченная лавка. Кресло имеется, но в единственном экземпляре – у князя. А для остальных табу, что ли? Одежду в сундуках хранят, спят на тех же лавках, только пошире, или на полатях. А не вспомнить ли вам, сэр, времена, когда вы в вечерней школе учились и в столярке работали? Ну, не краснодеревщиком, конечно, но шкаф или кровать изготовить вполне способны. Сучок, правда, командует плотниками, а не столярами, но, по нынешним временам, разница несущественна.

Похоже, наклевывается, прямо-таки как шило из мешка лезет, идея мануфактуры. А что? Крестьянам зимой делать особо нечего, почему бы и нет? Мануфактура... XVIII или даже XVII век. Скакнут в плане организации производства на полтысячелетия вперед. А не авантюра, сэр? Под расширенное производство рынок сбыта нужен, более или менее развитые товарно-денежные отношения. Допустим, Пинск и Туров находятся не так уж и далеко, продукцию можно доставлять водным путем, напрямую, без волоков. В Киев тоже. Конечно же, сразу начнут копировать, но кустарное производство обязательно проиграет мануфактуре по ценовым показателям... В частности полезли, сэр, пока обсуждается только идея. И

предварительный вывод таков: при наличии рабочих рук зарабатывать можно очень неплохо. На этом пока и остановимся.

Второе перспективное направление – опосредованное воздействие. Это – то, что вы, сэр, попытались изобразить, беседуя с дядюшкой Ником. Будет толк или нет, неизвестно, но некоторые предложения его явно заинтересовали. Если даже часть удастся осуществить, серебро пойдет, без преувеличения, мешками. А если будет серебро, то почему бы и не наладить чеканку монет? Стоп, сэр, остановите полет фантазии, на опасные игры вас потянуло. Если хоть капля информации просочится к кому-нибудь из князей, лапу наложат – к гадалке не ходи. Но соблазнительно, черт возьми! Единая валюта – один из столпов государственности. Вопрос лишь в том, как обеспечить секретность производства? Ладно, это опять частности, придет пора – подумаем.

Опосредованное воздействие предполагает наличие достоверной и всеобъемлющей информации, а также, в исключительных случаях, возможность вмешательства. При этом объект воздействия либо сознает, что им манипулируют, либо не догадывается об этом. Какой вариант выбрать? Лучшие всего, пожалуй, будет постепенный переход от неявного воздействия к открытому. Когда во всех ячейках сети, накинутой купеческим сообществом на Русь, будут в качестве силовой составляющей находиться выпускники воинской школы, можно будет и рыка в голос добавить. Ребята и информацию поставят смогут, и по шеям надавать в случае нужды сумеют. Годы, конечно, уйдут, но и вы, сэр, к тому времени статус сопняка утратите. Впрочем, пока об этом говорить рано, но иметь в виду нужно.

Третье направление – участие в чужих программах. Имеются три субъекта управления, о намерениях которых вы, сэр, более или менее осведомлены. Воевода Корней и боярин Федор – намерение посадить на Волынско-Туровское княжение Вячеслава Ярославича Клещкого. Иеромонах Илларион и (чем черт не шутит?), возможно, «особист» Феофан – намерение создать Православный рыцарский орден, с далеко идущими последствиями. Боярыня Гредислава Всеславна и княгиня Ольга Туровская – намерение восстановить Древлянское княжество, независимое от Киева. Осведомлен ли о планах супруги Вячеслав Владимирович Туровский, неизвестно. Какие планы у него самого, можно только догадываться, возможно, поглядывает на Киев. После Мстислава и Ярополка, кажется, его очередь. Но это – при условии, что Мстислав не сможет передать верховную власть сыну – Всеволоду Новгородскому.

Обратите внимание, сэр, что все три субъекта управления готовят осуществление своих планов в тайне. В случае огласки никому из них не сносить головы. Еще одна общая черта – все весьма позитивно относятся к созданию «незаконного воинского формирования» на базе Младшей стражи ратнинской сотни. При этом сама ратнинская сотня, во всяком случае ее значительная часть, вовсе не в восторге от этого начинания. Граф Корней на создание воинского формирования ни сил, ни средств не жалеет, волхва Ниней тоже, а вот Илларион не дал ничего или почти ничего. Непорядок! Что можно с него выдоить? Деньги, людей? Богословский факультет! Черт возьми (прости, господи), я-то собирался двух-трех священников выпрашивать, а возможность-то есть 0-го-го!

Дальше – самое интересное, но и самое опасное. Никто из них задуманного не добьется, но вы, сэр, свое с них урвете! Впрочем, у графа Корнея и боярина Федора, может быть, получится, не знаю. А вот ни Православного ордена, ни восстановления Древлянского княжества не будет. Уж настолько-то вы, сэр Майкл, историю знаете, несмотря на весьма обширные пробелы в историческом образовании. Значит, Нинейю и Иллариона придется кидать. Перед греком не стыдно, так этой сволочи и надо, а вот перед Нинейей... Ладно, поживем – увидим. Все это будет не завтра, а Нинейя не вечна, дай ей Бог здоровья и долгих лет жизни.

Итог, сэр? Итог таков: сформулирована новая (и опять промежуточная) цель – наращивание ресурса для обретения возможности повлиять на дальнейшее развитие Руси».

– Наглец вы все-таки, сэр Майкл, – пробормотал Мишка вслух. – Историю менять вознамерились. Рэя Бредбери на вас нет, ядрена-матрена.

Часть 2

Июль 1125 года. Река Пивень, база Младшей стражи, земли боярина Журавля

Глава 1

Ладья, оставленная купцом Никифором в Ратном для обеспечения торговых экспедиций в междуречье Горыни и Случи, медленно, немногим быстрее скорости пешехода, продвигалась вверх по Пивени. После одного из многочисленных поворотов русла поднявшийся к вечеру ветер оказался попутным, и экипаж, поставив парус, отдыхал, пользуясь короткой передышкой – следующий поворот реки мог увести ладью либо в «ветровую тень», либо на неподходящий для прямого парусного вооружения курс.

Солнце еще не зашло, но на реке уже стало прохладно и Мишка кутался в меховой плащ, заботливо сунутый ему перед отплытием Листвяной.

«Странно, на спортивной яхте, когда идешь курсом «фордевинд», ветер почти не ощущается, а здесь продувает, как стоячего. Впрочем, ничего странного – идем против течения, да и обводы корпуса у этого, с позволения сказать, плавсредства те еще. Просто ложка, проминающая воду. Эх, сейчас бы на моем «драконе»... раскинули бы грот и стаксель «бабочкой» или спинакер поставили бы и... до первой же отмели, киль-то у спортивной яхты...»

Ладони горели огнем – утром Мишка для разминки подменил одного из гребцов и сумел продержаться лишь около получаса. Весло было тяжеленным, темп гребли, который гребцы поддерживали чуть ли не играючи, оказался почти непосильным, а мозоли на руках, набитые воинскими упражнениями и натертые конским поводом, разместились вовсе не в тех местах, которые требовались для гребли. Мишка опасался приступа тошноты и головокружения, но, хорошенько пропотев на весле, почувствовал себя, наоборот, бодрее.

Экипаж достал еду – хлеб, сало, лук; кажется, кормщик не собирался приставать к берегу для ужина, видимо, ожидалась лунная ночь, и движение будет продолжаться и после захода солнца. Уходить в кормовую избу Мишка не хотел – там, пригревшись, дремал, завернувшись в тулуп, отец Михаил, а в каморке, изображавшей собой каюту, и одному-то было не повернуться. Переночевать можно было и здесь, на носовом помосте ладьи.

Солнце наконец опустилось за горизонт, и, хотя легкие перистые облака еще подсвечивались его лучами, здесь, в русле Пивени, заросшем по берегам лесом, уже наступила бы темнота, если бы из-за макушек деревьев не начал выползать огромный желтоватый диск луны. Река снова повернула, парус стал бесполезен, и экипаж ладьи взялся за весла. Их мерный плеск, едва слышное журчание воды под форштевнем, сложный букет запахов воды, мокрого дерева, парусины и веревок, чуть заметное колебание настила под ногами, даже при совершенно спокойной поверхности реки дававшее ощущение, отличное от земной тверди, с неожиданной яркостью пробудили воспоминания детства и молодости – яхт-клуб, мореходка, учебное судно «Зенит»...

Мишка вдруг ощутил какое-то смутное неудобство и тесноту – вокруг на сотни, даже на тысячи километров тянулись леса, прорезанные руслами рек и испятнанные редкими вкраплениями человеческих поселений. До морей далеко, даже крупных озер поблизости нет. Почти всю свою жизнь ТАМ он прожил в Ленинграде и в Севастополе – рядом всегда было море, пусть не видимое из окна, заслоненное городскими постройками, крепко замусоренное соседством большого города, оно постоянно, множеством порой очевидных, а порой и едва заметных признаков, напоминало о своем присутствии.

Впервые в жизни с чувством неудобства и тесноты, порожденным отсутствием рядом дыхания огромного водного простора, Мишка столкнулся, оказавшись во время срочной

службы в Карпатах. Именно тогда, в очередной раз уткнувшись взглядом в окружающие со всех сторон горные склоны, он вспомнил вычитанное в какой-то книге описание чувства тесноты, которое испытывает в степи кочевник. Если, отъехав на рассвете от родного кочевья, степняк скачет целый день и на закате замечает на горизонте чужие кибитки, ему становится тесно в бескрайней степи. Что-то подобное, видимо, испытывает и человек, всю жизнь проживший на берегу моря, оказавшись вдали от него. Мишка, во всяком случае, такое чувство испытывал.

«Почему Рюриковичи так и не вышли к морю? Хотя бы к Балтийскому. Ведь их предки были мореходами. Момент сейчас вроде бы подходящий – немцы в Прибалтику еще не влезли, викинги уже не представляют собой столь грозной силы, как два-три века назад. Шведы и датчане, конечно, контролируют Балтику, а вот норвежцы уже не те, да и часть Норвегии, насколько помнится, уже захвачена датчанами.

Очень неплохо, между прочим, могло бы получиться! Пройти по Неману, заложить крепость на месте будущего Мемеля, построить флот... Его действительно можно сделать таким, какого пока еще ни у кого нет: усовершенствовать нынешние корыта, даже руля путевого не имеющие, особых трудов не составит. Вклинившись между литовцами и пруссами и расширив коридор вдоль Немана, можно в будущем не допустить объединения Литвы и Польши. Можно, пожалуй, даже вообще не допустить создания литовского государства – Миндовга и Гедемина, его создатели, еще не родились. Заодно формируется очень глубокий тыл для противостояния татарам. Сколько будет от Турова до Мемеля? Километров семьсот или около того.

Если как следует подготовиться, татары на всю глубину не пройдут, в конце концов, Галицко-Волынское княжество они покорить не смогли, так почему бы и не воспользоваться опытом? При том условии, что немцев удастся не допустить в Прибалтику, войны на два фронта не будет. Если до поры до времени в степь не вылезать, то здесь, среди лесов и болот, опираясь на систему крепостей и замков, крепенько навалить татарам вполне реально. А потом потихоньку отбивать у Орды славянские земли и брать их под руку единого государя-освободителя. Да и народец при правильной политике начнет перебегать из ордынского улуса в независимые славянские земли. Централизованное государство может возникнуть не в конце XV века, а лет на сто пятьдесят – двести раньше. Не будет разделения на Россию и Украину – последствия польско-литовского владычества в южнорусских областях.

Экономически тоже выгодно – свободный выход к морю, альтернативный участок пути «из варяг в греки» – через Припять с притоками и Неман. Если этот участок сделать удобным и безопасным, конкуренцию Новгороду составим запросто. А если еще создать путный военный флот и сопровождать караваны торговых судов, то и вообще красота. На берегу Балтики вырастет второй по величине город Туровской державы – резервная столица на случай захвата Турова степняками. Выигрыш сразу по нескольким параметрам!

М-да, но с Киевской Русью придется распрощаться – у Мономаха с созданием централизованного государства и царской династии не получилось, дальше пойдет еще хуже. Когда еще самая наглая и подлая ветвь московских Рюриковичей замахнется на объединение Руси? Конец XV века, а сейчас начало XII. Три с половиной столетия... Нет уж! Двести пятьдесят лет азиатского владычества и отставания в развитии от Европы будут потом сказываться еще пятьсот лет! Цель достойная? На всю жизнь, как говорила Ниня? Да! Даже если не получится, то все равно ДА! Делай, что должен... А кому я, собственно, должен? Самому себе! Должен, потому что могу или думаю, что смогу. Короче, можешь – делай! Но сначала, разумеется, думай. А подумать придется крепенько...

Но почему же все-таки Рюриковичи в Прибалтику не пришли? Все силы уходило на борьбу со Степью? Не понимали выгоды? Боялись викингов? Или Литва уже сейчас так сильна, что через нее не пробиться? Черт, и спросить-то не у кого, такими категориями ЗДЕСЬ, наверно, никто и не оперирует...»

– Не спится, Миша?

Мишка не заметил, как подошел отец Михаил, и чуть не ругнулся от неожиданности, усилием воли подавил раздражение и ответил вполне мирным, даже заботливым, тоном:

– Отче, ты зачем вышел? Ветер, сырость от воды поднимается, не застудиться бы тебе.

– Ничего, не страшно. Меня вишь как в дорогу снарядили, и зимой не замерзну, – отец Михаил оправил накинутый на плечи тулуп. – Посижу немного с тобой, не помешаю?

Общаться с монахом не было ни малейшего желания, но не гнать же его? Мишка молча, чисто символически, подвинулся, как бы освобождая место рядом с собой.

Священник слишком хорошо знал своего ученика, чтобы не понять этого молчания, но счел возможным «не заметить» Мишкиной невежливости, больше того, голос его стал еще более приветливым:

– То, что ты у себя в крепости часовню воздвигнуть повелел, весьма похвальное деяние, порадовал ты меня.

«Угу. Можно подумать, что ты поехал бы постройки освящать, если бы мы часовню не поставили».

– Это – мой христианский долг, отче.

Отец Михаил снова «не заметил» краткости ответа и холодности тона, было похоже, что ему обязательно надо разговорить Мишку, значит, по-настоящему интересующая монаха тема возникнет позже.

– Кому посвятить часовню думаешь?

– Архангелу Михаилу, отче. У нас же воинская школа, значит, святому архистратигу Небесных Сил уместно будет.

– Архистратигу, да...

Мишка окончательно утвердился в мысли, что отец Михаил думает совсем о другом, впрочем, это тут же и подтвердилось:

– Миша, ты же с Нинеей часто встречаешься? Разговариваешь, как-то понимаешь ее.

«Тебе мало, что ты мне чуть крышу не снес своим наездом с превышением меры необходимой самообороны, и того, что Роська, не без твоего участия, несколько дней в горячке пролежал? Еще и агентурная информация понадобилась?»

– Встречаюсь. Разговариваем.

– Объясни мне, Миша, если можешь, как такое случиться могло, что ведьма сотника Кирилла о том же просила, что и я? Мне сначала даже и не поверилось – ведьма, а о милосердии для христиан просит!

– Ты о том, отче, чтобы баб с детишками из Ратного не изгонять? – уточнил Мишка на всякий случай.

– О том, Миша, о том. Ведьма, волхва языческая, прислужница нечистого, не к ночи будь помянут – и человеколюбие. Несовместно! Она радоваться должна тому, что православные друг на друга ополчились!

– Чему ж тут радоваться, отче? Ниней женщина, для нее детишек пожалеть естественно...

– Она ведьма! – ласковость и смиренность с отца Михаила как ветром сдуло. – Даже если деяния ее кажутся добрыми, замыслы ее черны! Всегда! Не женщина она – зверь Велесов в обличье людском!

«Сам ты зверь! И этого фанатика я своим другом считал!»

– Чего ты от меня добиваешься, отче? То, что произошло, уже произошло – Ниней зывала к милосердию так же, как и ты, отче. Именно это так поразило сотника Корнея, что он не смог отказать вам. Вам, а не тебе!

– Прекрати немедленно! Замолчи!

– Нет, не замолчу! – раздражение все-таки прорвалось наружу, и Мишку понесло. – Чего ты хочешь? Сжечь Нинею вместе с детьми, как сожгли мать Настены? Или убить, как убили наставницу Нинеи? За что? За то, что людей пожалела?

– Господи, прости его, ибо не ведает, что...

– Ведаю! Это ты никого не жалеешь – ни меня, ни Роську...

– Этого я и боялся! Сумела-таки прислужница нечистого смутить твою душу, сумела привлечь на сторону сил тьмы...

Дальше разговор пошел, что называется, «в одну калитку» – священник обвинял и увещевал, Мишка угрюмо отмалчивался, ругая себя последними словами за то, что в очередной раз забыл: есть черта, за которой отец Михаил, несмотря на всю свою образованность и широту взглядов, превращается в упертого ортодокса, в фанатика, невосприимчивого ни к каким аргументам.

Кончилось все, как и следовало ожидать, молитвенным бдением на полночи и наложением епитимьи в виде недели на хлебе и воде, с пояснением, что такое легкое наказание наложено на впавшего в ересь отрока исключительно из милосердия к не оправившемуся от ран.

«И куда вас, сэр, понесло? Оглянитесь вокруг, XII век на дворе! Да будь вы ТАМ самым что ни на есть красно-коричневым (как вас, собственно, и называли коллеги-депутаты), ЗДЕСЬ вы все равно демократичнее, гуманнее и, едрена вошь, либеральнее самых распоследних демократов, гуманистов и либералов. Короче, фильтруйте базар, сэр, особенно при общении с бойцами идеологического фронта. Как вы там после разговора с Перваком изволили выразиться? Вера нужна для того, чтобы отличать Добро от Зла? Ну вот, отличили. Мало вас ТАМ носом тыкали в то, что в идеологии каждая запятая «стреляет»!»

Как назло, экипаж ладьи завтракал в то утро копченой рыбкой, запах которой разносился, казалось, по всей реке.

* * *

Произошедшие в крепости перемены радовали глаз. Уже начали вырисовываться контуры будущего равелина, имеющего форму треугольника, вершиной которого должны были стать ворота с подъемным мостом. Ворота, правда, еще не было, а мост через ров пока был обычным, а не подъемным, но одна из казарм, стоящая вдоль северной стены, которая еще тоже находилась в зачаточном состоянии, уже подведена под крышу и заселена «курсантами».

Ох и намучился Мишка, в свое время ругаясь с Сучком из-за проекта казармы! По его замыслу, на каждом из двух верхних этажей трехэтажной казармы должны были быть оборудованы по десять кубриков – по одному на десяток учеников воинской школы. Все же здание Мишка хотел разделить шестью кирпичными стенами, не сплошными, а пронизанными дымоходами, чтобы отапливать казарму можно было шестью печами, находившимися в подвале.

Сучок, брызгая слюной, без конца повторял свой любимый аргумент: «Так никто не строит», а Мишка, плюнув на Сучка, обращался главным образом к Гвоздю и к Плинфе⁸, которые, не отвергая идею с порога, пытались понять суть Мишкиных предложений.

Гвоздь, в конце концов проникнувшись идеей, заявил Сучку, что зимой будет действительно хорошо, если одна из стен в каждом кубрике будет постоянно теплой, опять же и сушилку на каждом этаже можно сделать. Плинфа тоже, энергично почесав в затылке, сообщил, что на первом этаже, где планировалось устроить трапезную, лазарет и другие нежилые помещения, дымоходы можно будет пропустить внутри колонн, а потолки, для того чтобы удержать вес верхних этажей, сделать сводчатыми. Мишка понял, что из трапезной получится

⁸ Плинфа – так на Руси назывался кирпич. Плинфа была более широкой и плоской, чем современные кирпичи. В данном случае «Плинфа» – кличка мастера-кирпичника.

нечто вроде Грановитой палаты в Кремле, и подвел итог тоже уже ставшей привычной в спорах с Сучком фразой: «Да, не строят, значит, мы будем первыми!» Сучок скривился, а Мишка тихо порадовался, что русские мастера уже переняли у византийцев умение сооружать каменные арки и своды.

Часовня, скромно притулившаяся у будущей дальней стены рavelина, была деревянной. Мишка, с ходу пообещавший отцу Михаилу, что храм в крепости будет обязательно кирпичным и с куполами – не хуже Десятинной церкви в Киеве, вместо похвалы получил упрек в гордыне и напоминание о недопустимости невыполнимых обещаний, после чего решил вывернуться наизнанку, но сбавить уменьшенную копию питерского Спаса-на-Крови, в его глазах ничуть не уступавшего красотой московскому храму Василия Блаженного. Как это у него получится, Мишка представлял себе весьма смутно, но его, что называется, «заело», хотя он и понимал неконструктивность и даже опасность подобной упертости управленца по поводу побочной, отвлекающей время и ресурсы, локальной цели.

Освящение часовни, других построек и всего рavelина в целом проходило на следующий день после прибытия в крепость, торжественно, долго и бестолково. Впрочем, даже в том случае, если бы Мишка и не лежал дома, оправляясь от ран, он все равно не смог бы толком подготовить мероприятие, поскольку совершенно не имел представления о том, как это делается. Например, когда отец Михаил взялся освящать колодец, у него даже мелькнула шальная мысль: а не удостоится ли кропления святой водой и нужники?

По завершении всех положенных ритуалов священник выглядел утомленным и, кажется, чем-то недовольным. Этого нужно было ожидать – почти бессонная ночь, недовольство беседой с Мишкой, бестолковое поведение паствы во время церемонии освящения. Однако, предполагая, что этим список причин и ограничивается, Мишка, как выяснилось, ошибался. Во время торжественного ужина, предваренного длинной проповедью, отец Михаил буквально засыпал старшину Младшей стражи вопросами и упреками. Почему в крепости всего одна икона – в часовне, почему ученики, кроме «Отче наш», толком не знают ни одной молитвы, где собираются разместить девиц, дабы не создавать соблазна для отроков? И так далее и тому подобное.

Мишка, за компанию с монахом вкушавший исключительно хлеб и колодезную воду, смотрел голодными глазами на столы, за которыми угощались «курсанты», и с трудом сдерживался от непарламентских выражений. Терпение у него в конце концов лопнуло, и он поведал монаху, что иконы пребывают там же, где и священники, которых отец Михаил должен бы привести в Ратное и в крепость, а воинская школа не монастырь, а потому никаких катаклизмов появление в ней особ женского пола вызвать не должно.

Несмотря на то что высказано это все было в достаточно сдержанных выражениях, в ответ старшина Младшей стражи получил кучу упреков чуть ли не во всех смертных грехах и предписание прочесть тридцать раз «Отче наш», сопроводив сие воспитательное действие пятьюдесятью земными поклонами. Как в данном случае сочетались между собой числа «тридцать» и «пятьдесят», для Мишки осталось совершенно непостижимым, тем более что исполнением наказания он решил, по возможности, пренебречь.

Жизнь человеческая полна соблазнов, и одним лишь решением сачкануть Мишкино грехопадение не ограничилось: проснувшись посреди ночи от голодного бурчания в животе, он, поворочавшись с боку на бок, оделся и, по-воровски озираясь, пробрался задами вдоль казармы, а затем злодейски проник на кухню. Там, после непродолжительных поисков, обнаружили: остатки копченого мяса, несколько моченых яблок на дне кадушки и добрый шмат сала, умопомрачительно пахнувший чесночком. Презрев с истинно коммунистической бескомпромиссностью церковные предписания, старшина Младшей стражи, интенсивно и с удовольствием (а какой же грех без удовольствия?) предался пороку чревоугодия. Хлеба, правда, не нашлось, но, пошарив безрезультатно по кухне, Мишка решил, что и без того съел его доста-

точно. Через некоторое время, сыто рыгнув и пробормотав что-то про опиум для народа, он покинул пищеблок и отправился досыпать.

Кара Божья постигла старшину Младшей стражи перед самым сигналом «Подъем». Рысью преодолев расстояние до отхожего места, Мишка засел там, как пулеметчик в окопе, и, для того, чтобы не терять зря времени, оттарабанил шепотом «Отче наш» около тридцати раз, а согбенное из-за рези в животе положение тела счел возможным засчитать за предписанные пятьдесят поклонов. Время, оставшееся до того момента, как Матвей начал поить его какой-то лечебной гадостью, Мишка посвятил размышлениям о том, что даже четкое знание границы между реальностью и виртуальностью, по всей видимости, не освобождает его от соблюдения таможенных правил, на этой границе действующих. Разбой, творящийся у него на пищеварительном тракте, подтверждал этот вывод с однозначной беспощадностью.

* * *

То ли Мишка еще не выздоровел окончательно после ранения и применения дурманного зелья, то ли накопилась чисто нервная усталость, но он ощутил необоримую потребность «забить на все» и поваляться хоть пару дней, вообще ни с кем не общаясь и ни о чем не думая. Матвей отнесся к желанию старшины с пониманием и выдал диагноз, после которого ложись да помирай.

Оказалось, что в результате телесных ран и многочисленных душевных потрясений в организме старшины Младшей стражи произошла форменная катастрофа: те соки, которым надлежало быть жидкими, загустели, те же, которые должны быть густыми, разжижились. Мало того, они, оказывается, еще и течь стали не туда, куда надо, – то ли не в ту дырку, то ли в противоположную сторону – этот пункт диагноза у Матвея прозвучал как-то туманно.

Зато лечение ученик лекарки назначил наирадикальнейшее – полный покой в сочетании с сытной и вкусной пищей. Все! Теперь оставалось положиться только на милость Божью и крепость молодого организма.

Отец Михаил навещал «больного» каждый день, и по лицу его можно было читать почти обо всех событиях, происходящих в крепости. После прибытия «Нинейского контингента» – семидесяти четырех отроков, собранных по дреговическим селищам и дружно выразивших готовность принять христианство, – священник был светел и благостен, рассуждал исключительно о возвышенном и, как показалось Мишке, втайне торжествовал по поводу победы над Нинеей.

В день приезда в воинскую школу Мишкиной матери с полутора десятками девиц отец Михаил выглядел озабоченным, но отчасти удовлетворенным, поскольку сумел, на пару с Анной-старшей, выселить плотничью артель из построенного ею для себя «общежития» и разместить в нем невинных дев, подальше от мужской части гарнизона.

Еще через день монах пришел встревоженным и недовольным, и Мишка, выслушав его сомнения, вынужден был согласиться с тем, что в вопросе подбора наставников был упущен весьма серьезный момент. К Алексею, бывшему десятнику Глебу, охотнику Стерву и бывшему обознику Илье претензий не было, но вот остальные...

Бывший десятник Филимон ходил, опираясь на клюку, потому что из-за давнего ранения не мог полностью разогнуть спину, у бывшего ратника Тита не было левой руки – отрублена почти по самое плечо, бывший ратник Прокоп имел вместо кисти правой руки железный крюк весьма зловещего вида, а бывший ратник Макар шкандыбал на негнушейся левой ноге. В эту же компанию попал и Немой, хотя уже доказал, что может вполне успешно исполнять обязанности наставника.

Отец Михаил вполне резонно усомнился в пользе наглядной демонстрации новобранцам того, что в первом же бою может случиться и с ними самими. Спорить с этим было трудно,

но других наставников все равно не имелось, и Мишка надеялся в основном на специфику мировоззрения подростков: «Беда может случиться с кем угодно, но только не со мной».

Поскольку «больному» был предписан абсолютный покой, отец Михаил сам строго следил, чтобы старшине Младшей стражи не докучали (сам он, видимо, считал, что своими посещениями Мишкиного покоя не нарушает), поэтому Дмитрий с докладом о текущих делах пробирался в лазарет в то время, когда монах молился в часовне или занимался просвещением новообращенной паствы.

Принимая пополнение, Дмитрий, не мудрствуя лукаво, просто повторил Мишкины действия в отношении купеческих детишек – показательно отлупил по очереди каждого из десятников семи новых десятков, которых назначила сама Ниня. Получилось не столь эффектно, как у Мишки, в двух случаях он даже ощутимо получил сдачи, но высказывание относительно боевого духа аккуратно озвучил все семь раз. Дальше надо было налаживать учебный процесс, приучать новобранцев к воинскому порядку, решать, оставлять ли назначенных Нинеей десятников или назначать новых и прочее, и прочее. Короче, Мишке пора было «выздоровливать», а он не хотел, дожидаясь, пока отец Михаил вернется в Ратное.

Священник, неожиданно воспылав усердием на ниве воинского обучения, совал нос во все дыры, и Мишка боялся, что рано или поздно опять нахамит ему. Однажды отец Михаил уже нарвался, когда сунулся поучать Плаву, как и чем надо кормить учеников воинской школы. «Гарнизонный шеф-повар» была женщиной энергичной, языкастой и не признающей авторитетов. Этакая одесская «тетя Соня», отличающаяся от классического эталона лишь несколько меньшей упитанностью, светлой мастью и отсутствием специфического акцента – коня на скаку, может быть, и не остановит, но хулигану передние зубы хозяйственной сумкой вынесет запросто, а потом еще и заговорит до полусмерти прибывшую на место происшествия милицию.

В этот раз отец Михаил попал на роль, слава богу, не хулигана, а милиционера и выставлен был с пищеблока хотя и вежливо, но в состоянии обалдения средней тяжести. Потом черт (не иначе) дернул монаха воззвать к гуманизму Немого, высказывавшего «курсантам» замечания щелчком кнута. Немой, в отличие от Плавы отличавшийся радикальной неразговорчивостью, просто-напросто заставил объясняться с попом вместо себя Первака. Пока Первак пытался донести до святого отца принципы сочетания мер убеждения и принуждения, применяемые при обучении будущих воинов, Немой, убедившись, что диалог налажился, развернулся и был таков.

Не оставил без внимания присутствие на объекте священнослужителя и старшина плотницкой артели. Сучок не был бы Сучком, если бы не придумал какой-нибудь развлекухи на грани приличия и здравомыслия. Однажды вечером к отцу Михаилу заявился один из плотников для получения ценных указаний по устройству, как бы это поделикатней выразиться... дамской комнаты. Попытка отца Михаила отговориться некомпетентностью в данном вопросе не прошла, и, пока подчиненный Сучка изводил монаха вопросами о количестве «посадочных мест», размерах и форме отверстий, деталях интерьера и экстерьера, а также наилучшем месте расположения объекта, вся артель корчилась со смеху, подслушивая и подглядывая за происходящим в часовне.

Девиц, прибывших для обучения в воинской школе, отец Михаил буквально изводил длинными и нудными поучениями о надлежащем поведении благонравных дев, попавших в окружение такого количества молодых людей. Кончилось это тем, что Анна-старшая устроила скандал, но не монаху, а Илье, слишком медленно перемещавшему имущество воинской школы из Нинейной веси в крепость. Из-за этого ладья, перевозившая это самое имущество, не могла вернуться в Ратное, а надежды на то, что священник отправится домой посуху, не было – вряд ли ему очень хотелось еще раз, хотя бы проездом, оказаться в селении волхвы.

Мишка, правда, сильно подозревал, что нравоучения отца Михаила адресованы были не только девицам, но и матери из-за ее «неформальных» отношений со старшим наставником воинской школы Алексеем. За это-то, видимо, и поплатился Илья, ни в чем, кроме скрупулезно неторопливого исполнения своих обязанностей, не повинный.

Мать тоже навещала Мишку каждый день, но было похоже, что она сильно подозревает сына в симуляции, во всяком случае, о симптомах заболевания Анна Павловна выспрашивала очень дотошно. Выглядела она прекрасно – помолодевшей, посвежевшей, веселой, временами напоминая студентку-старшекурсницу, смывшуюся с лекций. По всей видимости, роман с Алексеем без дедова пригляда развивался без проблем, разве что отец Михаил добавлял ложку дегтя в бочку меда.

Мать можно было понять – постепенно начала вырисовываться опасность того, что монах, озабоченный недостаточным благочестием «гарнизона», засядет в крепости очень надолго. Во всяком случае, в одно из посещений он не выдержал и пожаловался Мишке на трудности работы с новообращенными отроками, придав, правда, жалобе форму поучения.

– Будь бдителен, Миша! То, что они вызубрили Символ веры и несколько молитв, еще ничего не значит! Дух их с младенчества отравлен поклонением языческим демонам, паче же всего Велесу, – обычно сдержанный в мимике и жестах отец Михаил при упоминании языческого божества передернул плечами – не то знобко, не то брезгливо. – Он царствует в подземном царстве, а ты знаешь, как по-настоящему зовется тот, кто владеет подземным миром! Но это еще не все, сын мой, сие порождение мрака еще и владычествует над тварями бессловесными. Не обольщайся мирным названием «скотий бог», в его власти пребывает не только домашняя скотина, но и хищные звери, в том числе и те, что не от мира сего. В каждом из новообращенных отроков таится зверь Велеса, таинством Святого крещения он будет изгнан, но останется стеречь упущенную добычу, дабы водвориться в нее вновь! Помни об этом! Помни и о ведьме, которая не успокоится, пока не поможет сим чудовищам снова овладеть неокрепшими душами! С болью и смятением вернусь я в Ратное – не надо бы мне оставлять здешнюю паству, но и там я нужен, может быть, даже больше, чем здесь. Здесь – десятки душ требуют неустанного пастырского надзора и поучения, а там – сотни!

– Так ты что, отче, крестить новобранцев не собираешься?

– Нет, рано. Пусть ходят оглашенными хотя бы до Рождества Христова. Каждое воскресенье будешь присылать их в Ратное, там я с ними буду заниматься, а может быть, выберу время и еще несколько раз сюда наведаюсь. Потом посмотрю: кто из них к принятию таинства Святого крещения готов, а кто...

– Полгода тянуть с крещением? Отче, да ты что?!

– Умерь голос, отрок! Со служителем Божьим разговариваешь!

Ох, и неподходящий момент выбрал монах для проявления строгости! Мишка уже в течение нескольких дней размышлял о причинах повышенной активности отца Михаила, обычно ведшего себя достаточно скромно. Вывод напрашивался сам собой: в Ратном на протяжении нескольких поколений выработали некий баланс отношений между духовной властью и светской (считай, военной). Ратнинцы, вполне серьезно считавшие себя воинами Божьими, к беспрекословному подчинению попам были не склонны, плюс сказывалось традиционное презрение ратников к «нестроевым». Уже давно, если не с самого начала, для священников была очерчена незримая граница, переступить которую им не позволялось, а при нужде ратнинские мужи не стеснялись показать своим пастырям, кто кого на самом деле «пасет». Вспомнить хотя бы сотника Агея, выбивавшего попу зубы, или разборки со священником, пытавшимся изгнать из села лекарку-язычницу.

В крепости отец Михаил ощутил волю – у него, видимо, создалась иллюзия того, что здесь незримой границы, существующей в Ратном, нет, и он попытался начать выстраивать жизнь «гарнизона» таким образом, какой представлялся ему единственно правильным. Меся-

чем раньше Мишка такое, может быть, и стерпел бы, но история с Роськиной болезнью и собственной «комой» (как правильно назвать то, что с ним случилось, Мишка не знал) сломала что-то в отношениях между ним и монахом. Что-то очень важное, и, что самое печальное, окончательно и бесповоротно.

Окрик отца Михаила возымел действие, обратное задуманному: Мишка почувствовал, что из глубин подсознания лезет даже не мальчишка Лисовин, уже ставший привычным, а кто-то покруче, как бы и не сам прадед Агей. Усилием воли сдерживая рвущееся наружу бешенство, Мишка попытался воздействовать на монаха словесно:

– Но холопов-то в Ратном ты крестил!

– Мне виднее, когда и кого...

Договорить отец Михаил не успел – Мишка (а может быть, Агей?) сорвался с постели и, ухватив священника за грудки, легко оторвал тщедушное тело от лавки.

– Ты!.. – Мишка встряхнул бывшего друга и учителя так, что у того мотнулась голова. – Палки мне в колеса вставляй?! Забыл, где живешь?

С грохотом упала опрокинутая лавка, монах, цепляясь за Мишкины запястья, что-то неразборчиво хрипел, а старшина Младшей стражи, будто открылись где-то внутри неведомые шлюзы, брызгая слюной, выдавал в полный голос «перлы изящной словесности», почерпнутые в молодости на причалах и палубах Ленинградского торгового порта и Балтийского морского пароходства.

Что удержало уже занесенный для удара кулак, Мишка потом с уверенностью не мог понять и сам. То ли остатки здравомыслия, то ли воспоминания о прежних отношениях, то ли выпученные глаза застывшего на пороге соляным столбом Матвея... А возможно, ужас в глазах отца Михаила. Не страх – монах не боялся ни боли, ни смерти, а именно ужас от осознания того, что в любимом ученике проснулся тот самый берсерк, которого священник надеялся обуздать.

Так и не ударив, Мишка опустил занесенную руку и отпихнул монаха от себя, тот отлетел в угол и сполз на пол, заходясь в приступе чахоточного кашля. Мишка молча смотрел на отца Михаила, искал в себе жалость и не находил, думал, что надо бы устыдиться, и не ощущал стыда.

«Идеалист... Честный, бескомпромиссный и фанатичный. Живет в выдуманном мире и мечтает загнать туда всех остальных. Получил на несколько дней даже не власть, а только намек на нее, и сразу же все наружу полезло. Сколько таких было и сколько таких еще будет? Одни гнали людей в Царствие Небесное огнем и мечом, другие подталкивали к светлому будущему стволom нагана в спину. Нельзя им власть давать – ни над телами, ни над душами людскими... А шахматы я ему так и не выточил...»

– Минь, – донесся от двери голос Матвея, – ты чего натворил?

– Что надо, то и натворил! – огрызнулся Мишка не оглядываясь. – Не стой столбом, помоги его на постель уложить.

Монах был столь subtilen, что Мишка прекрасно справился бы и сам, но ошарашенного увиденным Матвея надо было чем-то занять. Ребята подняли сотрясаемого кашлем монаха с пола и уложили на Мишкину постель. Отец Михаил хватался за грудь, с сипением втягивал в себя воздух и пытался что-то сказать:

– ...Силам сатанинским... руку поднял... я знал, не пройдет бесследно...

– Минька, он же тебя проклянет! – Матвей почему-то не выглядел особо перепуганным, скорее удивленным. – От Церкви отлучит...

– Я ему прокляну! Я ему так прокляну – на карачках до Ратного ползти будет! – Мишка понимал, что сжигает за собой мосты, но одновременно чувствовал: так и надо, сделан первый шаг на пути расставания с детством и сделан он именно в лисовиновском стиле – туда, где, как

говорил дед, ты остаешься один, жаловаться некому и оправдываться нечем. – Ступай, Моть, приготовь ему теплого питья с медом.

Матвей еще раз как-то очень внимательно глянул на Мишку, пожал плечами и убрался из горницы. Мишка хотел было предупредить его, чтобы помалкивал о случившемся, но все то же чувство начала движения к одиночеству первого лица заставило промолчать.

«Пусть знают! Пусть считают берсерком, пусть наконец имидж внука сотника начинает сменяться имиджем Бешеного Лиса. Когда-то надо было начинать, вот пусть это и начнется сейчас! Хотя нет – первым шагом, наверно, был «расстрел» Сучка. Или штурм усадьбы Устина? Неважно! Движение уже началось, и останавливаться на этом пути нельзя – подомнут и сломают. Только вперед, как бы трудно ни было, какие бы потери на этом пути ни ждали. Только за тем, кто готов принять на себя этот крест, люди признают право руководить и простят многое... очень многое. Прадеда Агея, например, никто не посмел обвинить в убийстве прежнего сотника, потому что у него уже была соответствующая репутация. И проклятия тогдашнего попа он не боялся, потому-то никакого проклятия и не было».

То ли Мишка слишком глубоко задумался, то ли на кухне сразу нашлось все необходимое, но запыхавшийся Матвей появился на пороге как-то слишком быстро. К груди он прижимал закутанный в тряпье кувшин.

– Пои! – Мишка кивнул на лежащего монаха. – И так вроде бы отпускает, но лишним не будет. На ночь пусть остается здесь, я себе место найду, а ты за ним присмотришь.

– Угу, – Матвей склонился над монахом, поднося к его побледневшим губам чарку с питьем. – Выпей, отче, полегчает. Выпей, вот так, потихонечку, по глоточку, сейчас в груди потеплеет, дышать легче станет, кашель уймется. Давай-ка я тебе голову приподниму, удобнее будет. Вот так, хорошо, еще глоточек...

«Смотри-ка ты, начинает учиться успокаивающим голосом говорить, не зря его Настена хвалит, рано или поздно выйдет из Мотьки лекарь!»

Постепенно приступ пошел на убыль – кашель утих, отец Михаил задышал хоть и сипло, но ровно, синюшная бледность сменилась нездоровым румянцем, на лбу выступили бисеринки пота.

– Минь, пойдем отсюда, ему сейчас поспать бы...

– Нет!

– Минь...

– Заткнись! Мы недоговорили, ведь так, отче?

Монах не ответил и не открыл глаза, но было понятно, что он все слышит и понимает.

– Ну а раз недоговорили, то продолжим, – Мишка поднял опрокинутую лавку и уселся, чуть склонившись вперед, уперев правую ладонь в колено и отставив локоть в сторону. – Итак, отче, ты сказал, что тебе виднее, кого и когда крестить, – старшина Младшей стражи сделал краткую паузу и гаркнул в полную силу. – Врешь!!!

От неожиданного крика Матвей вздрогнул так, что чуть не потерял равновесие, а у отца Михаила дрогнули веки, и стало заметно, что он, едва приоткрыв глаза, косится в Мишкину сторону.

– Виднее, что здесь, что в Ратном, только одному человеку! – продолжил Мишка, чеканя слова. – И человек этот не ты, а сотник Корней! Он посчитал нужным крестить язычников быстро, и приказ этот будет выполнен, желаешь ты этого или не желаешь! Сроку тебе – три дня, считая сегодняшний. Если послезавтра к вечеру обряд не будет проведен, ладья уйдет в Ратное без тебя, а ты пойдешь пешком через Нинеину весь! Потом сотник погонит тебя обратно, ты его знаешь – даже не задумается. А чтобы бодрости тебе придать, тетку Алену к тебе приставит!

Отец Михаил по-прежнему лежал не шевелясь и прикрыв глаза, но румянец начал расползаться у него со щек на все лицо, и Мишкины губы, помимо его воли, начали растягиваться

в улыбке – похоже, тетка Алена могла воздействовать на отца Михаила сильнее, чем вся ратнинская сотня.

– Буде же ты и дальше пожелаешь упрямитесь, – продолжил Мишка, подавив улыбку, – то на тебе свет клином не сошелся – привезем попа из Княжьего погоста, он поговорчивее будет. Ты же задумайся, как после всего этого будешь жить в Ратном. Мы – воинские люди, мы не только сами приказы исполняем, но нам еще и обидно бывает, когда другие приказы исполнять отказываются. Гнев сотника бывает страшен, но многократно страшнее обида всей сотни!

Мишка хлопнул ладонями по коленям и поднялся с лавки.

– Лежи и думай, отче! Очень крепко думай, что значит в воинском поселении не исполнить приказ военачальника. Пошли, Матвей, потом болезного навестишь.

* * *

Угадал Мишка правильно – через день весь «Нинеин контингент» с надлежащими обрядами и песнопениями был загнан в воды реки Пивени, подобно тому как были загнаны в Днепр киевляне за сто тридцать семь лет до этого. Артемий дирижировал хором, Роська суетился, указывая, кому куда идти и что делать, Петька с двумя помощниками записывал новые имена отроков (запросто могут забыть или перепутать), а Мишка возвышался в седле, начальственным оком озирая торжественное действо.

Потом пришлось спешиться и троекратно облобызаться с каждым из семидесяти четырех новообращенных, называя их братьями во Христе и новыми именами. Анна Павловна оправила на каждом из отроков надетый на шею крест, нашла для каждого ласковое слово и пообещала, что девки вышьют новым братьям во Христе их имена на рубахах. Девки, все в новомодных мантильях, пребывали тут же, вгоняя новообращенных отроков в краску пламенными взглядами. Мишка готов был поклясться, что парни согласились бы еще хоть десять раз окунуться в Пивень, лишь бы после этого их лобзал не старшина, а кто-нибудь из «бабьего батальона».

Пока длилась процедура поздравлений, ладя отчалила и двинулась вниз по течению, увозя с собой отца Михаила заодно со всеми создаваемыми им проблемами. Попрощаться монах не счел нужным.

– Ты чем, сынок, так своего друга избидел? – Анна-старшая ловко организовала тетя-тет, жестом отправив своих подчиненных в крепость и «тормознув» собравшегося подойти Роську. – Службу правил без радости, а напутственное слово и вообще говорил, будто не на крещении, а на похоронах. Из-за чего повздорили-то?

Несмотря на строгий вид матери, Мишка догадывался, что поспешным отъездом монаха она вовсе не огорчена. Скорее ее беспокоила размолвка сына со священником, дружеские отношения с которым она всячески приветствовала.

– Пришлось объяснить ему, мама, что здесь не монастырь и приказы сотника надо исполнять так же, как и в Ратном.

– И он из-за этого так обиделся?

– Ну... погорячился я немного, когда объяснял.

– Немного? Да ты его чуть не убил!

– Он меня тоже недавно чуть не убил!

«Чего спрашивать, если и так уже все знает? В воспитательных целях?»

Анна Павловна немного помолчала, огладила морду Зверя, которого Мишка держал под уздцы, и огорошила сына вопросом:

– Почему Матвею молчать не велел? Не подумал или намеренно?

– Намеренно... прадеда Агея вспомнил, ну и... в общем, пусть знают!

Мать снова немного помолчала, и опять ее реплика оказалась совершенно неожиданной:

– Взрослеешь, сынок. Как тебе Алексей?

«А как мне Алексей? Хрен его знает. Чего она услышать хочет? Compliment, хулу? Догадывается, что я оцениваю его как будущего отчима? А может быть, это извечное женское желание понять: чего же ей самой хочется? Не-е-т, в этих делах я вам, маман, не советчик. В оценках даже такой опытной и разумной женщины, как вы, все равно доминируют эмоции, и рациональные аргументы на них влияют слабовато».

– Не знаю, мам, он у нас недавно, да еще и в непривычном для себя положении пребывает – беглец, одиночка, от милости деда зависящий. Алексей же к другому привык – людьми командовать, самому себе хозяином быть. Сходила б ты к Нинее, она с Алексеем разговаривала, как-то поняла его – она же умеет.

– И правда, сходить, что ли? – было непонятно, довольна мать ответом или нет. – Ладно, Мишаня, ступай, вон Роська весь извелся, а там, вон гляди, Стерв чего-то машет. Всем ты нужен... воевода.

«Интересно: материн вопрос про Алексея означает, что тянуть с замужеством она не намерена, или я что-то не так понял?»

– Минька! – Роська так и кипел от возмущения. – Мне Матвей сейчас сказал... как ты мог? На святого человека...

– Ты меня учить собрался? – ответ получился резким, даже злым, чего Роська, разумеется, не заслуживал.

– Виноват, господин старшина! – Роська не на шутку обиделся. – Дозволь идти?

– Рось, не обижайся, – Мишка постарался максимально смягчить тон. – Так надо было, пойми. Командир может быть только один.

– Так точно, господин старшина! Дозволь идти?

– Перестань, Рось! Ну что ты как чужой? Я думал, что как раз ты-то первый все правильно и поймешь, – Мишка положил крестнику руку на плечо и почувствовал, что Роська с трудом удерживается, чтобы не стряхнуть ее. – Приходи вечером, поговорим, ты сам поймешь, что иначе нельзя было. Придешь?

– ...Приду...

– И всех наших приводи, надо посидеть, обсудить многое... Ты смотри: наставники новые появились, семь десятков новобранцев, крепость строим. У каждого же из вас какие-то мысли есть, что-то подсказать, посоветовать можете или спросить, поспорить. Понимаешь меня?

– Угу.

– Ну тогда я жду вечером!

– Угу.

«Вид все равно обиженный. Хам вы трамвайный, сэр Майкл. Нельзя близких обижать, вообще никого обижать нельзя... без необходимости. Всем мил, конечно, не будешь, но вот так, без причины... М-да, нехорошо получилось».

Стерв, в отличие от Роськи, был невозмутим, как индейский вождь. Сидя на бревне, спокойно дождался, пока Мишка подойдет к нему сам, вежливо поднялся навстречу и вроде бы безразличным голосом поинтересовался:

– Михайла, пленного допрашивать сам будешь или Алексея позовем?

– Какого пленного? Дядька Стерв, ты что, за болотом «языка» добыл?

– Ну. Ты же сам велел. Он уже неделю в погребке сидит – Алексей не велел попу показывать. Так звать Алексея-то?

– Погоди, ты сначала расскажи, что сам видел. Давай-ка тут на бревнышке посидим, а потом уже решим, что делать будем. Болото широкое, перейти трудно?

– Широкое, чуть не полдня перебираться пришлось, – принялся обстоятельно отчитываться Стерв, – но трясин особых нет, дно почти везде неглубоко и твердое, хотя, если дороги

не знать, можно и с головой окунуться. Ближе к тому берегу островок есть, и на нем избушка поставлена. По всему видно, что постоянно в ней не живут, а устроено там все так, как нужно для людей, возвращающихся издалека и после непростых дел. Дрова запасены, два котла – большой и маленький, запас еды, чистое полотно для перевязок, кой-какие лекарства. Одно-временно могут разместиться человек шесть-семь, а если потесниться, то и десяток. И запасов на десяток человек, даже если есть несколько раненых, хватит дня на два-три.

Я так думаю, что эту избушку для того и держали, чтобы те, кто возвращается, могли передохнуть, раненых перевязать, заночевать, если темнота на болоте застанет. Но в последнее время там никого не было, похоже, что, после того как они на нашем берегу в ловушку попали, больше там не ходили.

– А дальше, за болотом?

– Дальше, не на самом берегу, а чуть поодаль, настоящее жилье. Но мы на него только издали посмотрели, близко было не подойти – собаки учуяли. Похоже на хутор: два больших дома, разные постройки, огород, пашня – все добротное, подворье тыном обнесено, только хутор какой-то странный. Понимаешь, Михайла, сена и места для скотины там гораздо больше приготовлено, чем на таком хуторе может быть. Как будто приезжают туда, на время коней оставляют и куда-то уходят, а потом возвращаются, забирают коней и уезжают.

– Думаешь, это те, кто к нам через болото шастал? – озвучил Мишка первую пришедшую в голову мысль. – Специально для них и избушка на болоте, и хутор этот вроде постоянного двора.

– Может, и так, – Стерв пожал плечами, – но не думаю, чтобы все это только для нас городили, может быть, с того хутора в разные места пути начинаются? Больно уж все солидно устроено и с размахом. От того хутора дорога уходит, так она наезженная, видно, что не только верхами, но и в телегах ездят.

– Вы ту дорогу проверили?

– Нет, сначала мы вдоль берега болота сходили. Оно, вишь, не совсем стоячим оказалось, вода, хоть и медленно, к западу течет, особенно в одном месте чувствуется, там и поглубже – наверно, старое русло проходит. И еще одно. Тот берег заметно выше нашего, опять же и островок там, да не один. Кроме того, на котором избушка стоит, еще несколько маленьких есть. Получается, что, если то место залила перегороженная речка, вода должна была в нашу сторону разливаться, вот я и решил глянуть, почему не разливается. Недалеко – меньше дня пути – нашли плотину. Никакие это не бобры, людскими руками сделано, но сделано без ума – вода разлилась, обход плотины нашла и вернулась в русло. Поэтому болото больше и не разливается... а может, так и задумано было, не знаю. Плотина та совсем сгнила, если бы не всякий сор, который вода натащила, давно бы прорвалась, а раньше-то за плотиной следили. Избушка там рядышком брошенная. Уже лет пять, как хозяин либо помер, либо ушел. Так что, если надумаем болото спускать, туда человек десять с инструментом прислать, и за один день плотину разнести можно.

– А надо спускать? Для чего?

– Ну не знаю... вдруг воевода решит, ему видней. Я так только, посмотрел.

– Ну а дальше?

– Дальше пошли мы вдоль той накатанной дороги, но ушли недалеко – к мосту выбрались. Река пошире Пивени будет, не такая, конечно, как Случь, но пошире. Мост добротный, видно, что давно поставлен, но содержится в порядке и при нужде обновляется, а за мостом крепостца – не крепостца, а знаешь, мне Корней объяснял, есть такое слово «острог» – укрепленное место для малого числа воинов. Для стражи, к примеру.

– И много там воинов?

– Вроде как и вообще нету. Вышка стоит, а дозорного на ней нет, ворота раскрыты, а около них никто на страже не стоит, зато внутри белье на веревках, куры бродят, бабы,

детишки. Одним словом, опять хутор, тем паче что и снаружи за тыном еще четыре избы стоят, две – совсем новые. Растет потихоньку селище.

– А дальше?

– А дальше мы не пошли. Переночевали, а перед рассветом засели в одном интересном месте на берегу. Я еще в лесу заметил – ходит кто-то к реке, но так, чтобы следов не оставлять. Если бы редко ходили, то и не оставили бы, но ходят часто, так что я заметил. Нашли и место, к которому ходят, а вот зачем ходят, я так и не понял. То есть понять можно было бы, но если покопаться, а я сам следов оставлять не хотел.

Ну, сидим ждем. Как туман на реку пал, подплывает лодка, в ней двое сидят, по всему видать, рыбаки. Один в воде под берегом пошарил, вытащил конец веревки, потянул за нее – наклонилась ветка ивы, а на ветке мешок висит! Совсем интересно стало. Рыбаки тот мешок сняли, на его место другой пристраивать принялись, а от их мешка так копченой рыбкой и понесло – у меня аж слюнки потекли.

И тут откуда ни возьмись другая лодка! В ней трое сидят вроде как рыбаками одетые, но не рыбаки, как потом оказалось. Один как заорет: «Хватай татей!» – а двое других прыг на рыбаков! Опрокинули лодку, а глубины там по пояс, и как пошли рыбаков лупцевать! Умельцы – сразу видно, что к драке привычные. Потом связали рыбаков, в лодку покидали, оба мешка забрали и уплыли. Вторую лодку за собой уволокли.

Больше на том месте ждать стало бесполезно – шум, крики, драка, если кто невдалеке и хоронился, то к берегу уже не вышел бы. Тогда мы, пока туман не спал, на тот берег и переплыли. Пошастали там немного, но место, чтобы человека скрасть, неудобное – кусты только вдоль реки, да и то не везде, а так все поля, огороды, баньки у воды стоят. На открытое место не выйдешь – люди в поле работают; если бы поодиночке, то и с поля человека взять ухитриться можно, но одиночек не нашли.

После полудня заметили, что крайняя банька топится, решили там счастья попытать, засели в кустах, глядим, а воду-то в баню аж трое таскают – опять не то! Хотели уж уходить, но те трое, что воду таскали да топили, собрались и ушли. Выходит, не для себя баню готовили. Опять ждем.

«Чего он так подробно все расписывает? Ну, подождали у баньки, хапнули «языка», и все. Нет, Стерв не болтун, раз в подробности ударился, значит, они имеют какое-то значение, да и обидеться может, если перебыю. Послушаем».

– Через какое-то время глядим – идут к бане три девки, несут чего-то в мисках и на подносах, полотенцами покрытых, а с ними двое тех самых мордovorотов, что рыбаков утром вязали! Один бочонок тащит вроде бы с пивом, а второй – тот самый мешок с рыбой. Совсем непонятно – вроде бы загулять собираются, но баня-то тут при чем? И у девок вид смурной – не то чтобы их подгоняли, но и идут как-то без охоты.

«Да, у тебя в Куньем городище о таком мероприятии, как «баня с телками», и не слышали, а этим «повезло» – предшественник «цивилизацию» внедряет».

– Девки в баньку зашли, а мордovorоты неподалеку уселись, а через какое-то время подходят еще двое – тот, который «хватай татей!» кричал, и еще один мордovorот, ну прямо как родной брат тех двоих, только не бочонок несет, а кувшин. Зашли они в баньку, мордovorот почти сразу наружу выскочил, но уже без кувшина, и к тем двоим подсел.

Стали они, значит, пиво попивать да рыбкой закусывать, а в баньке визг девичий, хохот мужицкий... Эти трое на баньку поглядывают и посмеиваются, по ромам видно, а чего говорят, не слышно – далековато. Снова ждем. Больно уж мне захотелось этого кобеля блудливого скрасть, вот только как? Пока раздумывал, так и эдак прикидывал, он мне сам способ и подсказал – выскочил из бани и плюх в воду. Побултыхался немного, остыл и обратно в баньку побег, дальше куролесить.

Ну, думаю, тут-то я тебя и возьму, никуда не денешься – и мордovorоты твои не помогут. Изготовили мы с Яшкой, что требуется, я поднырнул и засел под мостками, с которых блудодей в воду сигал.

«Смотри-ка ты, сына христианским именем зовут, специально для меня, что ли?»

– Долго сидел, замерз, аж зубы стучать стали, наконец слышу – ноги над головой топчут. Как посыпались в воду! Он, оказывается, не один, а с девками выскочил, я и растерялся – кого хватать?

Стерв сделал паузу, и Мишка понял, что последняя фраза была шуткой. Пришлось улыбнуться и спросить:

– Ну и как же ты разобрался?

– А очень просто! – торжествуя возгласил Стерв. – У блудодея-то ноги волосатые, а у девок-то нет!

– Хитро! – восхитился Мишка. – Я бы и не догадался.

– Ну! – воодушевившись, продолжил Стерв. – На ноги-то я ему петлю и накинул! Яшка тянет веревку, а я блудодея за бороду держу, всплыть не даю, так до наших кустиков и добрались. Кобель этот с перепугу воды нахлебался, надо откачивать, а я боюсь – начнет кашлять да перхаться, кто-нибудь услышать может. Зря, оказалось, боялся – девки визг подняли: «Водяной, водяной!», мордovorоты тоже чего-то орут. Двое в воду попрыгали, ныряют, ищут, а третий, видать, плавать не умеет, по берегу скачет и указывает, где искать.

Дурни! Мы же его против течения на веревке вытаскивали, а они до самого вечера вниз по течению искали – рыбаков на реку выгнали сети закидывать, вдоль берега по кустам и камышам шарили, а нас-то уже и след простыл.

Полоняник, правда, когда проблевался да прокашлялся, орать собрался, да Яшка его так ловко по горлу стукнул, что тот только сипеть и мог. Хорошо вы все-таки опричников учите, я такого удара не знал.

«Смотри-ка ты, приживается название «опричники», и никакого негативного смысла в него пока не вкладывается. Ну так и неудивительно, полицейских-то функций они не исполняют. Хотя как посмотреть, бунт именно опричники подавляли, по крайней мере – на заключительном этапе. Но все равно в устах Стерва «опричники» прозвучало, пожалуй, как «спецназ» или «гвардия».

– Обратно без приключений добрались?

– Как сказать... – Стерв пожал плечами, – вроде бы без приключений, только намаялись – полоняника на себе тащить пришлось, идти своими ногами отказался, и заставить не вышло, да и непривычен он босиком-то. Когда мимо того хутора проходили, который возле болота стоит, хотел шум поднять – начал биться, мычать, пришлось кулаком уgomонить. А еще, когда на островке ночевали, он чуть не всю ночь веревку о край лавки перетирал, пока Яшка ему сапогом по ребрам не напихал. Упорный, словом, полоняник попался. Вот вроде бы и все. Хотя нет! Уже на этом берегу рысь встретили – хороший признак.

– Почему хороший?

– Значит, что не зря дозор с болота сняли, не шастает там никто, уж больно спокойной рысь была – просто подождала, пока мы пройдем. Поскалилась, пошипела, конечно, но видно было, что сытая и уходит с этого места не хочет. Может, котята где-то недалеко, а в беспокойном месте, где люди шляются, рысь с котятами не встретишь.

– Угу, – про рысь Мишке было неинтересно. – По всему видать, вы какого-то начального человека изловили. Допрашивали его? Что говорит?

– Ничего. Алексей немного поспрашивал, побил слегка – молчит, я же говорю: упорный попался. Алексей его пытаться не стал, а велел кормить одной солониной, но воду давать через день. Сказал, что отмякнет, потом и поспрашиваем.

– А Ниня?

– Что – Ниня? – удивился Стерв.

– Ты ей ничего про полоняника не говорил?

– Так она и сама все знает, раз не спрашивала, значит, неинтересно, – уверенность Стерва во всемогуществе и вездесущности волхвы была непоколебима.

– Хорошо, дядька Стерв, а что ты сам обо всем увиденном думаешь?

– Ну... – охотник полез чесать поясницу.

«Что за привычка у него? Все либо в бороде, либо в затылке чешут, а он спину скребет».

– Неужто сам не понимаешь, зачем он девок в баню таскал?

– Да не об этом я, дядька Стерв! Общее ощущение у тебя какое?

– Чего?

«Блин, для него, конечно, «баня с телками» штука впечатляющая, но не до такой же степени!»

– Ты зачем за болото ходил? За банным непотребством подглядывать? Что ты понял о хозяине «пятнистых»?

– Думаю, что хозяин «пятнистых» боярню раньше знал и немного опасался, а потом стал сильно бояться – то ли прогневал ее чем-то, то ли еще что. Был от него сюда сухой путь, его стража берегла, с тех пор там мост и острог остались. А потом он речку перегородил, болотом закрылся, но людей своих через болото посылал. Только что-то у него пошло не так – плотина без пригляда уже много лет, острог в селище превратился, потом войны хорошие кончились, или они чем-то другим заняты. Хорошие-то, даже в ловушку попавшись, так бы не убежали, мешки побросав. Одним словом, размолвка с нашей боярыней на пользу ему не пошла, все стало как-то наперекосяк. То, что мы на той стороне болота видели, – остатки от прежнего порядка, а не сам порядок.

– Ну что ж, пойдём посмотрим, дядька Стерв, на твоего полоняника. Как думаешь, «отмяк» он?

– Да кто ж его знает? Но больше недели в погребке, да соленая пища, да вода через день...

– А почему в погребке? У нас же темница есть.

– Темница учениками заполнена, к воинскому порядку приучаем.

Мишке показалось, что последнюю фразу Стерв произнес не то с насмешкой, не то со злостью.

– Что, так много наказывать приходится? За что?

– Не знаю, наставникам видней.

– А ты что, не наставник, что ли? – деланое безразличие в голосе Стерва Мишке не понравилось. – Сам-то не наказываешь?

– Я лесной науке учу, там в лесу никого наказывать не приходится, а здесь воинские порядки, я их не знаю.

«Похоже, с обучением новобранцев у нас проблемы. Ладно, разберемся с пленным, потом займемся этим. Блин, ну надо же было попу здесь столько проторчать! А стоило ли, сэр, так долго больным притворяться? Или уже привыкли быть хозяином в воинской школе и терпеть любой надзор стало в лом? Что есть, то есть, приходится признать, но, кажется, дело не только в этом. Похоже, сэр Майкл, что природный Лисовин, с которым вас «скрестил» Максим Леонидович, изрядным чревоугодником был. Вы спросонья не уследили, вот он вас «на автопилоте» на кухню и привел, с соответствующими последствиями, так сказать. После такого позорища конфликтовать с отцом Михаилом было просто стыдно, пока он совсем не оборзел. Не обгадились бы с чревоугодием, не пришлось бы «прятаться в болезнь», были бы все время рядом с попом, возможно, все удалось бы разрешить в более мягком варианте. Вот вам и полная замена личности... Промахнулся Максим Леонидович в этом пункте. Надо за собой следить, сэр. Впрочем, это мы уже обсуждали».

В погребке было довольно прохладно, лицо узника выглядело нездоровым, даже если не обращать внимания на синяки.

«Да, холод, соленая пища, нехватка воды – почки запросто посадить можно. Морду разукрасили... и это называется «побить легонько»?»

– Ну что, надумал разговаривать, или вообще воду перестать давать? – чувствовалось, что Алексею допрашивать пленного не впервой и способов добывания информации он знает много. – И не надейся, что так и будешь тут спокойно сидеть! Если сейчас не заговоришь, отволочем в кузницу, а там сам знаешь...

По лицу пленника было видно, что намек Алексея он понял, но голоса так и не подал.

«Что заставляет его так упорствовать? Преданность моему предшественнику? Грамотное промывание мозгов по поводу живущей за болотом страшной колдуньи или (чем черт не шутит?) специальная подготовка по тактике поведения на допросах? Сыграть в «плохого и хорошего полицейского»? Сомнительно – я рядом с Алексеем смотрю сущим молокососом, изобразить из себя альтернативу не получится. Или получится? Молокосос молокососом, но я ведь еще и боярин! Пожалуй, стоит попробовать».

– Стерв! – Мишка попытался придать своему голосу максимум властности. – Его сегодня поили?

– Нет.

– Воды! И побольше!

Стерв полез из погребка, Алексей стоял молча, возможно, догадался, что начинается какая-то игра. Мишка сделал вид, что ищет, на что бы присесть, не нашел и скомандовал тем же тоном:

– Пошли наверх!

– Слушаю, Михайла Фролыч! – дисциплинированно отозвался Алексей: видимо, даже не понимая Мишкиной затеи, счел нужным подыграть.

– А ты глаза прикрой! – обратился Мишка к пленнику. – После недели в погребке на солнце ослепнешь.

Сидя на завалинке, Мишка смотрел, как пленник жадно пьет воду прямо из ведра, принесенного Стервом, и раздумывал о том, как построить разговор, одновременно пытаясь понять хоть что-нибудь по внешнему виду «языка».

Внешность была какой-то непонятной. Отличить смерда от воина Мишка сумел бы легко – слишком заметный отпечаток накладывали на людей крестьянский труд или воинская служба. Крестьянином пленник не был – ни некоторой сутулости, ни загоревших дочерна рук и шеи, ни характерных мозолей. В то же время не было в этом мужчине присущих воину собранности, немедленной готовности к действию, которые почти всегда были заметны у мужей ратнинской сотни. Не был пленник и ремесленником. Руки кузнеца всегда в следах от ожогов, во ввевшейся в кожу металлической пыли, руки гончара, наоборот, всегда чисты, пальцы чуткие, умеющие обращаться с податливым материалом. Не кузнец, не гончар, а какие еще ремесленники могут быть в таком маленьком поселении? Может быть, рыбак? Нет, у рыбака суставы припухшие от постоянной возни в воде, с мокрыми сетями, а на руках следы от многочисленных порезов и уколов. Ноги тоже не такие, как у привыкшего ходить босиком. Судя по тому, что рассказал стерв, пленник был каким-то начальником, а судя по тому, что его внешность не носила следов прежней трудовой деятельности, поднялся в начальники он не из «низов».

Не худ, что называется, «в теле», даже, кажется, есть некоторый намек на брюшко. Еще не старый, тридцати, похоже, нет. Широкоплечий, осанка без следов сутулости, держится если не с достоинством, то и без подобострастия и, кажется, верно оценил тон, которым Мишка отдавал распоряжения – еще одно подтверждение того, что привык общаться с высшим сословием и сам не из простых.

– Напился? – Мишка кивнул на ведро, которое пленник все еще держал в руках. – Не бойся, не отберем, захочешь еще, попьешь, а пока ставь на землю и садись-ка вот сюда – погрейся на солнышке.

«Подойдет или нет? Должно подействовать – отяжелел от воды, сейчас разомлеет у нагретой солнцем стены; от недельного сидения в погребке, конечно же, слегка заторможен, спать в холодном погребке наверняка как следует не мог. Должен расслабиться и задремать».

– Алексей, а чего это у нас темница переполнена? – обратился Мишка к старшему наставнику, демонстративно не обращая внимания на пленника. – Неужто так все плохо с учебной обстой?

– Плохо не плохо, а сказать, что хорошо, не могу. Новичкам тут все непривычно, на прежнюю жизнь не похоже, стариков, которым они привыкли подчиняться, нет...

Пленник шумно вздохнул, и Мишка, скосив глаза, заметил, что он расслабился, привалившись спиной к теплой стене. Алексей тоже зыркнул на пленника, понимающе кивнул Мишке и принялся описывать ситуацию нудным, монотонным голосом.

Дела, со слов Алексея, действительно обстояли из рук вон скверно. Учеба шла через пень-колоду. Дисциплина – ни к черту. Драки, хамство, мелкое, но частое неповиновение, отлынивание от работы и тренировок, разгильдяйство урядников и командиров пятерок. Десятый десяток откровенно саботировал обучение грамоте, причем сам урядник, не стесняясь, заявлял вслух, что воину грамота нужна, как зайцу дудка. Отношение к вере... Роську, бедного, аж трясло, когда посреди молитвы из толпы вдруг раздавалось козлиное блеяние.

Лазарет переполнен. Битые, ломаные, порезанные. У иных такие повреждения, что и вообразить-то трудно. Ну как, скажите на милость, можно умудриться холостым выстрелом из самострела хлестнуть себя самого тетивой по гениталиям? Чуть не помер, дурень. Или, зацепившись бармицей за стремя, тащиться за скачущим конем, пока рожа от удущья не посинела? За что там цепляться-то? Потом специально пробовали повторить – ни черта не получилось.

С девками тоже постоянные приключения, и не только из-за того, что куча парней рядом. То с лошади навернутся, то кинжалом порежутся, то щенок у кого-нибудь убежит. Одна иголку проглотила, испугались, что помрет, собрались посылать за Настеной. Пока собрались, обнаружилось, что иголка в подол рубахи воткнута. С чего дура придумала, что проглотила? Еще у одной обнаружилась совершенная несовместимость с живой природой. Сначала ей лошадь чуть палец не откусила, потом щенок за ногу тянул так, что два дня ходить не могла, потом (вообще ни в какие ворота не лезет!) ворона в лоб клюнула!

Правда, мать на пару с Прошкой управляли «женским контингентом» железной рукой. Мать как-то умудрялась поддерживать дисциплину, а Прошка просто-напросто командовал девками тем же тоном и в тех же примерно терминах, что и щенками. И действовало!

С купеческими детишками тоже не обошлось без неприятностей. Учились они, надо признать, прилежно, «правозащитникам» хватило одного урока, и «качать права» они больше не пытались, но на свет божий вылезла проблема национальной розни. Вот уж чего Мишка не ожидал, хотя предвидеть был обязан уже после первого же знакомства с пополнением. Среди четырнадцати «студентов платного отделения» оказался один неславянин – торк Мефодий. Травить его отроки начали почти сразу же. Дополнительно ситуация обострилась, когда выяснилось, что Мефодий совершенно неграмотен, но, будучи внуком старейшины рода, считает себя ровней старшине Младшей стражи, а остальных простолюдинами, стоящими ниже его на сословной лестнице. Такого подростки не прощают никому. Мефодию несколько раз устроили «темную», он, сохраняя гордость, жаловаться не стал, а принялся отыгрываться на обидчиках поодиночке.

Дело обязательно кончилось бы скверно. Однажды Илья тренировал отроков в замене колеса без разгрузки воза. Как уж там получилось, так до конца и не выяснилось, но груженный бревнами воз опрокинулся. Все почему-то в этот момент оказались на безопасной дистан-

ции, и только один Мефодий стоял вплотную и, если бы не проворство Ильи, был бы задавлен насмерть. Что-нибудь подобное обязательно могло повториться, и Илья ничего с этим поделаться не мог – не будешь же стеречь парня каждую минуту! Урядник же «платного отделения» Петька сам смотрел на Мефодия волком, пару раз напоровшись на патрицианское высокомерие юного торка в отношении себя как представителя «плебса».

Заступился за Мефодия... Первак. Как уж он разобрался с «купчишками», чем сумел запугать, было известно только ему одному, но травля Мефодия сменилась бойкотом, который внук старейшины игнорировал с высокомерием истинного аристократа. Десяток же Первака получил в благодарность блестящего консультанта по кавалерийскому делу, поскольку Мефодий, по-видимому, научился ездить верхом раньше, чем ходить по земле ногами.

Вторым страдальцем «платного отделения» воинской школы оказался Никола. Тот самый парень, с которым Мишка провел показательный бой в день прибытия отроков в Ратное и которому Анька подарила платочек. Виноват в несчастьях парня отчасти был сам Никифор, не предупредивший никого о том, что Никола был его внебрачным сыном от той самой вдовушки, которую он неоднократно поминал во время пребывания Лисовинов в Турове. Если вспомнить отношение Никифора к законной жене Ксении, легко представить, что Петька «на всю катушку» использовал свои права урядника для того, чтобы превратить жизнь Николы в ад.

Физическими кондициями и бойцовскими качествами сводный брат Петру не уступал, но у него обнаружилась ахиллесова пята – Никола буквально напоял и с полной очевидностью для окружающих влюбился в Аньку-младшую. Тут-то Петька и нашел способ оттянуться на побочном брате по полной. Постоянно провоцируя Николу издевательскими замечаниями по поводу как самих любовных воздыханий, так и по поводу предмета этих воздыханий, Петька время от времени получал в морду, после чего быстренько доводил дело до посадки на «губу» или наряда на грязные работы.

И за Николу, выбрав подходящий момент, тоже вступился Первак. Дрались они с Петькой яростно и на равных. Именно этой дракой и попрекнул в свое время Мишку дед. Петька озверел настолько, что схватился за кинжал, но применить его не успел – Первак, не стесняясь подлости приема, сыпанул ему в глаза песком, а потом отметелил так, что Петьку пришлось отливать водой.

Цель Первака была понятна – собрать вокруг себя обиженных, стать их защитником, а значит, занять нишу неформального лидера. Однако в данном случае сын ключницы промахнулся очень крепко – не учел (или не знал о таком) силы сплоченности землячества и сословной солидарности. Обидчика своего командира купчата вынесли из казармы на кулаках и собирались еще наподдать во дворе, но на выручку Перваку пришли ратники его десятка. Дело наверняка кончилось бы побоищем, если бы Илья не пустил в ход кнут, а подоспевшая с кухни Плава – скалку. Кое-как разняли, но стороны остались «каждая при своем мнении», обсудить которое и у тех, и у других времени оказалось достаточно – о чем еще беседовать, занимаясь чисткой выгребных ям?

Мишке наконец стал понятен смысл фальсификации человеческого жертвоприношения, якобы устроенного плотниками Сучка. Все складывалось в единую долгосрочную программу подрыва репутации самого Мишки и постепенного наращивания авторитета Первака. Цель заговора стала ясна, но так же ясно стало и то, что получается у заговорщиков плохо – не хватало квалификации и элементарных знаний, зато они вполне могли компенсировать качество количеством: вода, как известно, камень точит.

С наставниками парней проблем тоже хватало. Алексей, раз и навсегда заявив, что детей учить не умеет, просто раздавал направо и налево затрещины, а если провинность была более серьезной, вручал «курсанту» деревянный меч, сам брал себе такой же и «фехтовал» провинившегося до тех пор, пока тот не уползал на карачках. Илья занимался только купеческими детьми и хозяйственными делами, и требовать с него большего было нельзя. Немой, как и

прежде, пощелкивал кнутом, а Глеб первым ввел в обиход порку розгами, и его «передовой опыт» тут же подхватили ветераны из обоза.

– Стерв вот тоже хорош, – продолжал живописать Алексей, – уведет ребят в лес, и там все вроде бы в порядке, а вернется в крепость, так словно и не наставник – ни во что не вмешивается.

Мишка глянул на Стерва, интересуясь его реакцией на замечание Алексея, но охотник вдруг улыбнулся и кивнул на пленника. Тот, свесив голову на плечо и приоткрыв рот, спал – Мишкин расчет оправдался. Алексей тоже улыбнулся, кивнул одобрительно и, сделав рукой такое движение, будто хлещет кнутом, вопросительно посмотрел на Мишку.

«Гестаповский метод – дать поспать несколько минут, а потом начать бить. Нет уж, любезный мистер Алекс, есть способы и потоньше».

– Нет, – Мишка отрицательно помотал головой. – Долго он спать не сможет, потому что чуть ли не полведра выхлебал. Как вода насквозь протечет, тут он и готов будет – сам все поведает, и заставлять не придется. Давай-ка пока подумаем, что с новичками делать, чтобы в порядок их привести. Дядька Стерв, почему у тебя на занятиях они себя прилично ведут? Или ты просто не рассказываешь...

– Что ж, я вру, что ли? – обиделся охотник. – Просто дело для них знакомое, дома-то они кто больше, кто меньше, но лесной науке обучались. А тут – либо что-то знакомое видят, либо что-то новое узнают, но такое, что на прежнее знание ложится, вот им и интересно. А когда интерес есть, то не до баловства.

– Значит, интерес... – повторил за Стервом Мишка. – Понятно. Дядька Алексей, а ты чего-нибудь можешь придумать, чтобы интерес у них появился?

– Что тут придумаешь? Верхом почти никто не ездит, разве что охлюпкой – без седла, да и коней на всех не хватает. Самострела никто раньше и в глаза не видел, а с деревянными кинжалами играть им скучно. Но острое оружие, пока к послушанию не приучим, в руки давать нельзя. Я и те ножи, которые они из дому привезли, поотнимал. Ты, Михайла, лучше подумай, как им страх Божий внушить, а то они и при попе-то не слишком усердны в молитвах были, а теперь, я чувствую, начнется... Разве ж это молитва святая, если в заднем ряду то блеют, то кукарекают?

«М-да, последствия притворного крещения. Ребятишки себя сдерживать не умеют, если сразу не пресечь, потом наемся. Впрочем, способ имеется, а армейского устава, запрещающего наказывать все подразделение за провинность одного, никто и в глаза не видывал».

– Давай-ка, дядька Алексей, сделаем так. На молитву пусть становятся не толпой, а по десяткам. Перед ними будем ставить Артемия, у него слух тонкий, сразу отличит, в каком десятке дурака валяют вместо молитвы. Молимся-то мы перед едой, так тот десяток, на который Артюха укажет, вместо трапезной будем отправлять на пробежку вокруг острова. А чтобы шустрее бегали, пусть их опричники Дмитрия подгоняют. Опричников и потом покормить можно, а провинившиеся попостятся до следующего приема пищи. Один раз без жратвы останутся, другой, а потом, глядишь, и сами своих дурней от кукареканья и отучат.

– А что? Можно попробовать! – согласился Алексей. – Только смотри, невзлюбят опричников!

«Насаждаете элементы «дедовщины», сэр? А что делать? Хотя, правильнее, наверно, было бы назвать это «самовоспитанием по Дитеру Ноллю»⁹, да и в современных армиях подобными методами отнюдь не пренебрегают, несмотря на устав».

⁹ Дитер Нолль – немецкий писатель, автор популярного в шестидесятые годы XX века романа «Приключения Вернера Хольта». В романе, в частности, рассказывается о молчаливо поощряемых начальством кулачных расправах старших курсантов над младшими, называвшихся «самовоспитанием».

Спящий пленник вдруг беспокойно зашевелился и попытался подтянуть колени к животу.

– О! Глядите-ка, водичка протекла! – безошибочно оценил ситуацию Стерв. – Сейчас либо проснется, либо обмочится.

«Клиент доходит, сэр Майкл, будьте готовы. Всегда готов!»

– Самое то, дядька Стерв! Чем нелепее и смешнее человек выглядит, тем слабее его воля к сопротивлению.

– Точно! – подтвердил Алексей. – Я и сам так... Гм...

– Ну тогда ставьте его на ноги! – скомандовал Мишка, принимая дедову «боярскую позу» – ладонь упирается в колено, локоть отставлен в сторону.

Вздернутый с завалинки и поставленный перед Мишкой пленник очумело закрутил головой и попытался вырваться.

– Уймись, зассыха! – прикрикнул на него Алексей, сопроводив окрик увесистой затрепщиной.

– А? – впервые за все время подал голос «язык».

– Ну вот, сокол ясный, все ты нашей боярыне и рассказал, что она знать хотела, – елейным голосом поведал Мишка. – Теперь тебя и в кузню вести не придется – незачем. Ты ведь и сам не хочешь, чтобы тебя каленым железом жгли да кости ломали? Ведь не хочешь же? А?

– Нет...

– Ну и не будем. Ты хоть понимаешь, что во владениях Великой волхвы находишься?

– У... у колдуньи?

– Для кого колдунья, а для кого светлая боярыня Гредислава Всеславна. Она тебя усыпила, душу вынула и побеседовала с ней. А ты, пока без души был, словно дитя малое, ничего не понимал, вон даже чуть не обделался.

– Как... душу?

– А вот так! Все, что надо, вызнала и обратно душу в тело вернула. Все! Ты нам больше не нужен, можешь идти на все четыре стороны.

Это был самый рискованный момент – пленник мог оказаться просто туповатым и действительно куда-нибудь пойти, раз отпускают. Алексей глянул на Мишку с некоторым сомнением, а Стерв остался совершенно спокойным: он-то в возможностях Нинеи не сомневался.

Пленник бестолково потоптался на месте, то озираясь, то опуская глаза вниз, и попросил:

– Боярин, мне бы по нужде...

– Потерпишь! – буркнул Алексей и, подыгрывая Мишке, добавил: – Сейчас до леса добежишь, там и делай, что захочешь.

Пленный, кажется, не внял объяснению и продолжал просительно смотреть на Мишку, тот решил немного подтолкнуть его мыслительный процесс:

– Домой-то сам доберешься? Дорогу через болото найдешь? Боярыня, правда, тебя не отпускала, но если что, вернет – сам обратно пришлепаешь.

Пленника наконец-то прорвало:

– Боярин! Не губи! Пропаду, не выберусь! – «язык» затравленно огляделся. – Нельзя мне назад, смерть лютая ждет!

«Ну вот, то «не выберусь», то «нельзя назад», и где здесь логика? Нет логики, значит, клиент дозрел.»

– Тебя как зовут-то, чудо заболотное?

– Уездом кличут.

«Ничего себе кликуха! Еще бы районом назвали или автономным округом.»

– А во Христе?

На ответ Мишка не надеялся, спросил так – на всякий случай, но Уезд неожиданно ответил:

– Ионой крещен, только как же... у колд... у боярыни вашей нельзя, наверно?

– А там можно было?

– И там нельзя. Нас как привели, так сразу кресты поотнимали, требы класть велели отцу богов Сварогу.

– Привели? Откуда привели?

– Ой, боярин, не могу больше! Дозволь по нужде...

Мишка разрешающе кивнул, и Иона сиганул за угол недостроенного сруба, Стерв бдительно двинулся следом, а Алексей удовлетворенно констатировал:

– Все! Сломался! Начал говорить, теперь не остановится. Ты заметил, что он возвращаться боится?

– Заметил, только Нинею он не меньше боится, у него сейчас в голове настоящая каша, самое время допрашивать.

– Верно. А ты-то откуда... Ладно, я твоей матери обещал не выспрашивать, но... интересный ты парень, Михайла.

«Мать велела не выспрашивать? С чего бы это? А-а! Ей, наверно, Никифор поплакался, как его Ниней за излишнее любопытство «приласкала». Ну и ладненько, мне же проблем меньше».

– Ну так откуда вас привели?! – крикнул Мишка появившемуся из-за угла пленнику.

– Мы раньше на другом берегу Припяти жили – недалеко от Пинска, – затараторил тот на ходу. – Деревня большая была, Белянть называлась... Приехал боярин с дружиной, сказал, что нашу землю ему князь за верную службу пожаловал и мы ему теперь должны платить за то, что живем на его земле.

Иону явно понесло, теперь его не требовалось заставлять говорить, наоборот, как бы не пришлось останавливать.

– Я не знаю, как там старики и взрослые мужи решали, я-то еще совсем молодым был, но собрались уходить. Да! Там еще один был – Торопом звали. Он где-то пропадал несколько лет, а тут как раз появился и начал рассказывать, что есть за Припятью места, где никакой боярин не отыщет, земли там много и родит она хорошо. А еще слухи про моровое поветрие пошли, и Тороп все говорил, что от болезни надо уходить... В общем, ушли. На этом берегу Припяти еще несколько дней шли, а однажды, когда встали на ночлег, налетел боярин Журавль со своей дружиной. Никто и оглянуться не успел, мужчин всех повязали, тем, кто сопротивлялся, – по голове кистенем. А Журавль Торопу говорит: «Молодец, Торопка, знатную добычу мне привел». А тот кланяется, Иуда... Ну развели по разным селищам, стали жить.

– Значит, боярина твоего Журавлем зовут?

– Журавлем.

– И давно вы из-под Пинска ушли?

– Лет десять назад или одиннадцать – не упомню уже.

«Дед громил капище в тех местах лет тридцать назад, двенадцать лет назад куда-то туда ушли беглые холопы, причем болота еще не было, а был залитый водой лес».

– И чем же ты, Иона, занимался? На землепашца ты не похож, на ремесленника тоже.

– Извозом я занимаюсь. Как срок приходит, начинаю объезжать селища в своей округе. Тиуны к моему приезду сани или телеги готовят, я их в обоз собираю и веду в Крупницу, это село такое. Там выгружаемся, и обратно.

– Что, так весь год и ездешь?

– Ну не весь год, но раз восемь-девять приходится. То оброк собираю, то уголь.

«Ага, оброк!»

*Ярем он барицины старинной
Оброком легким заменил,*

И раб судьбу благословил.

Предшественник-то не чужд прогрессивных веяний».

– Смердов на воинское учение еще вожу, – продолжал Иона, – всякое бывает. Год на год не приходится.

– Ну-ка, ну-ка, с этого места поподробнее, – прервал Иону Мишка. – Что за воинское учение?

– Всех годных каждую зиму два месяца учат пешему строю. Дают копье, секиру, щит и гоняют с утра до вечера.

– И много у боярина Журавля пещцев?

– Не знаю, со своей округи я две с половиной сотни привожу, а сколько еще с других мест собирают, мне неизвестно.

Мишка многозначительно глянул на Алексея, тот кивнул, а Стерв неожиданно встрял с вопросом:

– Ты сказал, что восемь или девять раз в год обоз собираешь. Что ж ты возишь?

– Я же сказал: оброк и людей на воинское учение.

– Это – два раза! – уперся Стерв. – А остальное?

– Оброк же за один раз не увезешь. Сначала хлеб обмолоченный. Потом, перед самой распутицей, а если не успеваем – по первопутку, то, что с огородов собрано и с леса взято – что насолили, засушили, закоптили, замочили. Зимой убоину и дичину, ближе к весне шкуры. Уголь возим – каждому селищу урок назначен, сколько угля надо нажечь. Еще на воинское учение...

– Это ты уже говорил. Получается семь. – Стерв, оказывается, загибал пальцы. – А ты говорил: восемь или девять.

Глаза у Ионы вдруг забегали, и он начал невнятно объяснять что-то про шерсть, про полотно, про мед. Мишка не понимал, к чему клонит охотник, но тот явно затронул тему, которую Ионе обсуждать не хотелось. Алексей тоже заметил заминку пленника и, особо не стесняясь, закатил тому еще одну крепкую затрещину. Надо было как-то нажать на Иону, и Мишка напомнил:

– Чего ты засмутился-то? Боярыня же все равно уже все знает! Ну!

Иона помолчал, потупившись, потом признался:

– Еще девок возим, которые в возраст вошли. В Крупнице их боярский ближник Мирон смотрит – каких берет, а каких и назад отправляет.

– И что дальше?

– Не ведаю. Нам на Горку и за нее ходу нет, дальше Крупницы не ездим.

– Не врать! – Алексей встряхнул Иону за шиворот, затрещала ткань рубахи. – Если не знаешь, то разговоры наверняка слышал! Говори!

– Сказывают... у боярина Журавля дети не рождаются. Вернее, есть один сын, Юркой зовут, но он то ли больной, то ли урод. Боярин Журавль обещался, что ту бабу, которая ему здорового сына родит, законной женой сделает – боярыней. Только возим девок и возим, а боярыни у нас пока нет.

«Блин! Право первой ночи? А дед рассказывал, что где-то там девки обряд инициации проходили. Стоп! Возим и возим?»

– А потом что с девками делается? Домой возвращают?

– Нет. Никто еще не возвращался, так что некоторые девки себе специально лица портят, чтобы Мирон их не выбрал.

«Охреть! Жиль де Ре, барон де Лаваль, он же Синяя Борода, только на триста лет раньше и адрес другой. Ну и падла же ты, господин предшественник! Вот уж чего не ожидал!»

Алексея судьба девок, видимо, не заинтересовала, и он задал более практичный вопрос:

– А что это за горка такая, куда тебе ходу нет?

– Не мне одному, а всем, кто в моей округе живет. Здесь все речки в Случь впадают, а дальше на запад все речки текут в Горынь. Посередине Горка. На ней, говорят, усадьба самого боярина Журавля стоит. Тем, кто с этой стороны Горки живет, на ту сторону ходить заказано, а оттуда к нам. Но и с этой стороны земля разделена на три округа, и из одной в другую тоже ходить нельзя. Вообще народишку шляться без дела не велено, никто от своего селища далеко уходить не должен. Если стража поймает – наказывают, а могут и убить. Только вот недавно народ переселять пришлось, а то некоторые селища совсем опустели от морового поветрия, которое ваша колд... ваша боярыня... Ну в общем...

«ГУЛлаг какой-то. Или поселение ссыльных. Передовые по нынешним временам технологии, паскудство в стиле Синей Бороды и сталинская система трудовых лагерей! Он что там, совсем рехнулся? И этот Иона... Округу своей называет. Периодически объезжает «лагпункты», собирает продукцию и «генетический материал»... Это кого же Стерв отловил?»

– А скажи-ка, Иона, неужели родители своих дочек так просто тебе в обоз отдают?

– Так я же не один приезжаю, со мной... – Иона прикусил язык и снова начал испуганно озираться.

– С тобой боярские дружинники! – подсказал Мишка. – Или стражники?

– Так не своей же волей, боярин! – заныл Иона. – Если не я, то меня самого...

Куда подевался упрямец, молчком просидевший в погребе целую неделю? Перед Мишкой трясся на подкашивающихся от страха ногах натуральный слизняк.

– И как же ты, голуба, начальником целой округи стал? – поинтересовался Мишка. – За какие заслуги?

– Так боярин Журавль приказал, разве откажешься? Он же...

Договорить Ионе не дал кулак Стерва. Бить охотник, оказывается, умел не хуже ратника – Иона скорчился на земле и огреб еще и сапогом по уху.

– Встать! – рявкнул Алексей. – Отвечать бояричу!

Не ограничиваясь словами, старший наставник воинской школы вздернул Иону на ноги, предоставив возможность Стерву врезать пленному еще и по морде, пресек попытку Ионы снова упасть и пообещал:

– Будем месить, пока не заговоришь, – двинул кулаком по загривку и добавил, – или пока не помрешь.

– Я в страже служил, – тут же торопливо забормотал Иона. – Десятником. Года три назад у нас целая деревенька в бега ударилась, боярин дал мне три десятка бойцов и велел сыскать. Я сыскал, привел назад, а боярин велел провести их через все селища округи и в каждом селище кого-то одного из беглецов на кол сажать. Для памяти. И чтоб не смели снимать. Некоторые костяки до сих пор висят, а меня с тех пор Уездом прозвали, а боярин Смотрящим поставил.

– Кем?!!!

– Смотрящим за округой.

«Да что же это такое? Смотрящий, «бойцы», «баня с телками». Что там за болотом происходит? Кстати о телках...»

– А девок в баню таскать тебе тоже боярин Журавль приказал?

– Я не таскал, они сами...

– Не врать мне, козел! – выкрикнул Мишка деревенеющими от злости губами. – Урою, падла!

– Сами, боярич! Чтобы я их на смотрины к Мирону не забирал!

Мишка почувствовал, что откуда-то изнутри знакомо начинает подниматься лисовиновское бешенство, и словно со стороны услышал свой собственный голос:

– В кузню его!!! К Мудиле!!! Мордой в горн, суку!!!

Дальше произошло что-то быстрое и непонятное. Мишка вдруг обнаружил, что стоит на четвереньках, вернее, на трех конечностях – правая рука завернута за спину, а по лицу и по шее стекает вода. Напротив стоит Стерв с пустым ведром, а над головой раздается голос Алексея:

– А ну-ка зачерпни еще холодненькой, эта, наверно, согрелась.

«Блин, это ж меня водой отливают, а Леха меня на болевой прием поймал и держит. Допрыгался, едрит твою... Иона вроде бы живой, но глаза как плошки, и трясется. Похоже, не успел я».

– Все, дядь Леш, больше поливать не надо, – Мишка попытался повернуть голову, но правую руку резануло болью – Алексей бдительности не терял. – Да все уже, все! Больше кидаться не буду. Дядька Леша!

– Кинжал брось.

Только после этих слов Алексея Мишка понял, что сжимает в кулаке завернутой за спину руки оружие. Разжал пальцы, и кинжал, соскользнув по плечу, упал на землю.

– Опаматовал? – хватка Алексея немного ослабла. – Ну и рожа у тебя была, Михайла, краше, чем у Бурея. Ладно, вставай.

Мишка снова уселся на завалинку возле стены склада, прижался затылком к бревнам и закрыл глаза. После приступа неконтролируемой ярости, как всегда, навалилась слабость и опустошенность.

«Сегодня прихватило круче, чем раньше, даже не помню ничего. Хорошо, что Алексей меня тормознуть успел. Что ж такое случилось-то? Ну разозлился, ну полез из меня Лисовин, но я же вроде бы научился с этим справляться. Вот именно, справляться! А сейчас-то у меня такого желания не возникло – мы с Лисовином совпали! Единный импульс иррациональной и рациональной составляющих сознания. Не знаю, как это называется у специалистов, но сопротивляться этому, видимо, невозможно или очень трудно».

Но какая же сволочь предшественник, а я-то встретиться хотел, поговорить... размечтался, идиот. И Иона этот гнус натуральный. Как меня отец Михаил насчет зверя, который в язычниках... и правильно! Дело, конечно, не в язычестве, просто зверя страшнее человека, если его не сдерживают никакие моральные устои, в природе нет. А может, так и надо? Темное Средневековье, человек человеку волк...

К чему бесплодно спорить с веком?

Обычай деспот среди людей¹⁰.

Ну уж нет, господа! У вас там даже не ГУЛАГ, а Бухенвальд с Треблинкой и варшавским гетто. Я тебя, дражайший предшественник, иначе как за Гитлера теперь и держать не буду, рано или поздно ты у меня за все ответишь. А полиция твоего Иону... сначала на информацию раскрутим, а потом, как наши деды в сороковых годах, – “собаке собачья смерть!”».

Мишка, не открывая глаз, прислушался к разговору. Алексей как раз и «раскручивал Иону на информацию». Раскручивал, правда, специфически – на предмет возможности налета на обоз, везущий оброк в Крупницу. Идея выглядела заманчиво – с двенадцати населенных пунктов Иона, оказывается, собирал обоз более сотни телег с зерном. Если на одну телегу приходилось около трехсот килограммов груза, то в таком обозе везли больше тридцати тонн! Запросто можно было бы прокормить всю воинскую школу в течение года!

– Когда начинаешь обозы собирать? Сколько человек охраны? Как вооружены? Где на ночь останавливаетесь?

¹⁰ А. С. Пушкин. «Евгений Онегин».

Вопросы сыпались на Иону градом, но не на все он мог ответить. Не потому, что не хотел, а потому, что Алексей не знал местности, а Иона без этого не мог толком объяснить ни направлений, ни расстояний.

«Надо бы со слов Ионы карту начертить, тогда понятнее будет. Если уж считать «заболотных деятелей» за фашистов, то и попартизанить не грех. Но как добычу через болото тащить? Плотов навязать? А чем предшественник ответит? Какими он силами располагает? Нет, очертя голову лезть нельзя».

Дождавшись паузы в разговоре, Мишка обратился к Алексею:

– Обоз – это хорошо, но до него еще месяца полтора ждать, давай для начала выясним, с кем и с чем нам дело иметь придется? Ты лучше меня знаешь, как набег устроить, но мне хочется хотя бы часть ребят в деле попробовать. Не возражаешь?

– Гм, не знаю... разве что опричников. Давай-ка потом обсудим.

– Хорошо. Я сейчас его спрашивать буду, а ты следи, не упущу ли чего важного. И ты, Стерв, тоже. Для начала попробуем понять: кто такой боярин Журавль? Согласны?

– Ну давай, – Алексей уселся на завалинку рядом с Мишкой и жестом пригласил сделать то же самое Стерва. – Садись, не убежит он никуда.

– Постою, – односложно отозвался Стерв.

– Так, Иона, – Мишка пристально уставился в глаза «полицая». – Слушай меня очень внимательно и обязательно отделяй то, что сам знаешь, от того, что у других слышал. И не дай тебе бог соврать хоть словом. Один раз меня удержали, а в другой раз может и не получиться.

– Да я, боярич... Ай!!!

Мишкин кинжал мелькнул в воздухе и воткнулся в землю возле самой ноги Ионы.

– Туды тебя... – Алексей зло глянул на Мишку. – Я и забыл, что ты и левой можешь!

– Первый вопрос, – Мишка проигнорировал замечание Алексея, – сколько раз ты видел боярина Журавля?

– Много... раз двадцать, может, больше.

– Сколько раз ты с ним разговаривал?

– Три раза. Один раз, когда он меня в десятники стражи пожаловал. Второй, когда посылал беглых ловить. Третий... я рассказывал уже.

– Как он выглядит?

– Дороден, выше меня ростом на полголовы, волосом темен, но почти весь седой... что ж еще-то?

– Глаза?

– Не знаю, побоялся смотреть. Говорят, что он не любит, а еще говорят, что от его взгляда люди замертво падают.

– Нос, брови, скулы, щеки?

– Нос большой и кривой, видать, сломан был. Брови густые, длинные, а между ними складка такая... сверху вниз. Скулы... обычные, а щеки... Одна щека у него вроде бы обожженная и вся в черных крапинках.

«Блин, неужели пороховой ожог? Только этого не хватало!»

– Зубы?

– Зубов мало. Говорят, ему всю еду мелко режут или толкут.

– Силен, слаб?

– Говорят, что силен. Еще говорят, что знает много способов убить одним ударом, без оружия.

– Ходит прямо, не хромает?

– Пешим не видел, только верхом.

– Возраст?

– По виду – за сорок, но, может, из-за седины? Не знаю, а болтают разное, даже что бессмертен.

– Настоящее имя?

– Не знаю. Мирон как-то болтал, что пьяный сам себя Сасанычем зовет или товарищем сижатым.

– Может быть, товарищем сержантом?

– Не знаю, Мирон говорил «сижатый».

«Так, воинское звание сержант, ТАМОШНЕЕ имя Сан Саньич, то бишь Александр Александрович».

– Голос?

– Злой, грубый.

– Как разговаривает?

– Простой речи не слышал, только приказы. Но крикнуть может так, что лошади приседают.

– Характер?

– Боярин. Строгий, жалости не знает. Особенно не любит, когда пошады просят, плачут, жалуются. Еще больше звереет. Но говорят, что если кто держится твердо, страха не выказывает, то может и простить.

– Так чего же ты тут скулишь? Думаешь, нам тварь дрожащая нравится?

Иона ничего не ответил, но постарался приободриться. Получилось, правда, неважно.

– Что еще добавить можешь?

– Есть один человек, которого он слушает и который его не боится, – нурман, Гунаром кличут. Он у боярина воеводой...

– О ближниках потом расскажешь. Что еще про самого боярина можешь сказать?

Иона на некоторое время задумался, потом припомнил:

– Плетью он скрипеть любит. У его плети ручка такая... плетеная. Если согнуть, то скрипит. Боярин, когда задумается или когда слушает кого-нибудь, ее туда-сюда гнет и скрип слушает. Голову чуть-чуть склонит и слушает. И никто не знает, чем это кончится. Иногда поскрипит-поскрипит, потом головой кивнет, и все. А иногда поскрипит и ка-ак даст! Покойник. Все время в разные места бьет, но всегда наповал.

– Где же ты его много раз видел, если разговаривал только три раза?

– А он на учение пешей рати посмотреть приезжает. Иногда сам командует, а иногда со своей дружиной на пешцев нападает и палками как мечами бьют, конями топчут и другое всякое... После этого и убитые, и покалеченные бывают.

– Дружина у него велика? – не выдержал и включился в допрос Алексей.

– Не ведаю. С ним все время полусотня ездит, но люди не одни и те же. Вернее, два десятка все время одни – нурманы, наверно, ближняя стража, а остальные три десятка меняются.

– Как вооружены? – Алексея прежде всего интересовали военные вопросы.

– Хорошо вооружены – полный доспех, копыя, мечи, щиты, луки. У нурманов еще секиры.

– Значит, – подвел итог Алексей, – конная дружина и пешая рать. Сколько всего, хотя бы краем уха слышал?

– Пешцев, слышал, больше десяти сотен, а сколько конных, не знаю и разговоров не слышал. Еще сотни полторы стражи есть, они тоже конные, при оружии, но без доспехов.

– И как же полторы сотни стражников столько народу стерегут? – удивился Алексей. – Кругом леса, зашел, и нет тебя.

– Некуда бежать. В вашу сторону страшно – тут колдунья живет, за Горку нельзя – там боярская дружина посечет. Остается идти вдоль Горки, а там проходы между болотами узкие,

а в проходах стража. Зимой, конечно, можно и через болота, но след остается, быстро догонят. Некуда бежать.

– М-да, тысячи полторы вполне может быть, – негромко произнес Алексей и задумался.

Мишка решил, что можно продолжить сбор данных о самом боярине:

– Ты двух ближников назвал – Гунара и Мирона. Еще кого-нибудь знаешь?

– До Мирона еще один был, как звали, не упомяну, но его боярин, рассказывают, убил. А еще говорят, что у боярина на цепи ученый человек сидит. Кормят хорошо, обихаживают, даже клетка у него на колесах, чтобы в хорошую погоду на улицу вывозить. Но из клетки не выпускают и цепь с шеи не снимают. Боярин с ним советуется, бывает, и подолгу разговаривает. А еще говорят, что у боярина баба есть. Не для утех, а чтобы... ну боярин, случается, в буйство впадает, так только она его успокоить и может. Ей все прощается. Может кричать на боярина, срамными словами обзывать, даже бить, но все с рук сходит.

– Откуда же ты так много о боярине знаешь, если на Горке не бывал никогда?

– Так Мирон... Он, когда в Крупницу приезжает, обязательно с собой вина привозит и велит мне с ним вместе пить. Говорит, что один не может, а я хоть и пес, но все же живая душа. А как напьется, начинает всякое рассказывать, и про боярина тоже.

– И что же он про боярина рассказывает?

– Всякое. Что боярина тоска гложет, и он с того пьяное зелье делает и почти каждый день его пьет, так что к вечеру и не узнает никого. Иногда по пьяному делу в буйство впадает, а иногда в тоску смертную и тогда плачет да какие-то песни непонятные поет. Случается, что Гунара с Мироном зовет зелье пить. Мирон сказывал, что зелье как огнем глотку жжет и дуреешь от него быстро. Посидят так втроем, и боярин про всякие чудеса рассказывать начинает: про то, как по небу летал, как в железных колесницах ездил, как караваны разбивал, которые духи через горы водили. А еще про такие горы рассказывает, где серебра, золота и камней самцветных видимо-невидимо, но в руки сокровища не даются. Надо за ними под землю лезть, а там огненные змеи и чудища железные живут.

– Так он такой сильный ведун, что даже у духов караваны отбивал? – неожиданно вмешался Стерв. – Чего ж он тогда нашу боярыню боится?

– Не боится он, просто повздорили. Мирон сказывал, что ей без боярина нашего все равно не обойтись, так что, рано или поздно, помирятся.

– В чем не обойтись? – быстро спросил Мишка.

– Не знаю, Мирон не объяснял, а может, и сам не знает.

«Караваны, которые духи через горы водили. Таджикистан или Афган? Сержант, перехватывающий караваны... Погранотряд на границе с Афганистаном? Похоже на то. Но сержант, похоже, не простой – готовит диверсионно-разведывательные группы, сумел выучить картографа. Разведрота или спецназ? Скорее всего, все-таки разведрота. Ну, железные колесницы и полеты по небу – это понятно, «пьяное зелье», разумеется, самогон, а вот горы с самцветами? Не Урал ли? Подземелья с огненными змеями и железными чудовищами, пожалуй, шахты. Отслужил срочную в «горячей точке» или в «ограниченном контингенте» и подался на заработки? А может быть, он родом из шахтерского городка? Если так, то там наверняка помнят времена ГУЛага, вот он здесь и воспроизвел аналогичную структуру. Округа, которой «заведует» Иона... Стоп! Не заведует! Боярин поставил его СМОТЯЩИМ.

Значит, вернулся сержант домой из «горячей точки», весь из себя крутой, под землю лезть не захотел, а подался к «браткам», которые, может быть, эту же шахту или рудник «крышевали». Возможно, поднялся из рядовых «быков» в бригадиры или еще как-то карьеру сделал. Руководить он явно умеет, и организаторские способности есть. Вроде бы гипотеза не противоречит известным фактам, но в качестве окончательной принимать ее подождем. Например, непонятно, как он в Питер к Максиму Леонидовичу попал? «Припекло» на родине

или лечиться после тяжелого ранения приехал? Впрочем, неважно, главное, что **ЗДЕСЬ** оказался.

С сержантским кругозором, бандитским опытом организации и бабкиными рассказами о ГУЛАГовском прошлом родного края... Что, кроме концлагеря, он **ЗДЕСЬ** мог создать? Округа, на которой сидел смотрящим Иона, – аналог сельскохозяйственных лагерей, снабжавших продовольствием производственные, в том числе и горнодобывающие. Значит, производство у него спрятано за Горкой.

Что за горка такая? По словам Ионы можно понять, что это не одна гора, а какая-то протяженная возвышенность, вдоль которой можно долго идти. Водораздел? Скорее всего, так. Водораздел между бассейнами Горыни и Случи. По берегу Горыни ратнинская сотня в тревожное время гоняет дозоры, значит, хозяйство боярина Сан Саныча убрано от Горыни так же далеко, как и от Случи.

Крепко пьет. Ну, это я и раньше подозревал, Иона только подтвердил. Непонятные песни поет – русский шансон, наверно. Проблемы со здоровьем, разрыв с Нинеей и надежда на примирение, причем по ее инициативе. Припадки буйства вперемежку с депрессией. Пожалуй, не зря я Гитлера вспомнил. Тот тоже под конец сильно болел, хоть и не пил, и надеялся на какое-то чудо. Сан Саныч надеется на то, что Нинее без него не обойдется. Уже обошлась! Нашла замену – Мишку из рода Лисовинов!

Что ж еще-то? Что-то я такое услышал... Да! Кресты поотнимали, велели класть требы отцу богов Сварогу. Дурак ты, Сан Саныч, или истории не знаешь...»

– Михайла! – вывел Мишку из задумчивости голос Алексея. – Все вызнал, что хотел? А то обедать пора.

– Нет, не все, но можно потом продолжить.

– Хорошо, потом и продолжим. Стерв, давай-ка его обратно в погреб, потом еще побеседуем. Слушай, Михайла, объясни-ка, чего ты вызнать хотел? Зачем тебе это все: глаза, брови?..

– Я понять хотел: что он за человек, как может в ответ на наш набег поступить?

– И что, понял?

– Кажется, понял, только бесполезно это. Если бы боярин Журавль сам решал, но у него советники есть, и он к ним прислушивается.

– А если бы сам?

– Я думаю, что рассвирепел бы, поднял бы всех, кого мог, и погнал бы на нас.

– Не меньше тысячи, а то и полторы...

– Дело не в числе, дядь Леш, а в расстоянии – в лесах иначе, чем в степи, воюют. В удобном месте можно малой силой большое войско задержать и подмоги дождаться. Можно все время наскоками беспокоить, мешать вперед продвигаться, еще много всякого. Ты думаешь, воляняне на нас малыми силами ходили? Поговори с дедом, он тебе расскажет, почему воляняне никогда не ходили через Горынь в наших местах, а либо севернее – ниже слияния Горыни и Случи, либо южнее – от Пересопницы.

Во-первых, через Горынь в верхнем течении переправляться трудно – берега крутые, течение сильное. Во-вторых, переправившись, придется идти чуть не сотню верст по лесам, болотам, через множество мелких речек. А потом еще и через Случь переправляться – только тогда дорога на Туров откроется. В низовьях Горыни тоже болота, но зато переправа только одна нужна и получается она ближе к Турову. А от Пересопницы можно и в туровские земли идти, и в киевские. Через Случь все равно переправляться придется, но в тех местах она узкая.

Ратнинская сотня всегда успевала подойти и где-то дорогу или переправу перекрыть, где-то налететь неожиданно и обозы разбить. Бывало, что часть вражеской силы за собой в лес увлекала, а там уж... понятно, в общем. Главное – время и расстояние, чтобы врагу ущерб нанести, а то и заставить повернуть назад. А здесь? Боярину Журавлю только через болото переправиться, а дальше один или два перехода до Нинеиной веси. Ничего не успеет.

– А! Невелика разница, – Алексей махнул рукой. – Половцы так же воюют. Налетают, отбегают, опять налетают. Степь только кажется ровной, а на самом деле там мест для засад полно, даже и для конных. И дороги в степи есть, как попало не пойдешь, только от водопоя к водопою. Все как всегда: тот, кто местность лучше знает, у того и преимущество. А теперь подумай, Михайла. Боярин Журавль силы копит, сведения о наших местах собирает, холопов его люди потихоньку мутят (мне Корней говорил, что среди холопов шепотки нехорошие ходят), а мы почти ничего не знаем и ни к чему не готовы. Это дело?

– А еще он ведун сильный – с духами воевал! – добавил до того сидевший молча Стерв.

– Да не те это духи! – с досадой поправил Мишка. – В тех местах так сарацин называют. Обычные люди, только мусульмане... – поймав на себе недоверчиво-настороженный взгляд Алексея, Мишка счел необходимым объяснить. – Не сердись, дядь Леш, когда одновременно и у священника, и у волхвы учишься, чего только в голове не помещается! Порой самому удивительно делается.

– Ну-ну. Так что же делать будем? Ждать, когда Журавль на нас налетит, или все-таки сами его пощупаем?

– Еще разок туда сходить надо – поглубже, – предложил Стерв.

– погодите. Давайте я сначала со слов Ионы чертеж земли сделаю, сколько выйдет. Будем хотя бы знать где да что. С дедом посоветуемся, с Нинеей еще можно... наверно, если она захочет.

– Добро, – Алексей поднялся с завалинки. – Собираем сведения, советуемся, готовимся и... отроков учим. Ох и морока с этой учебой, но надо!

* * *

Мишка сидел на своем месте в трапезной и без особого аппетита поглощал ужин. Голова пухла от мыслей. С одной стороны, обширное поле для гипотез и предположений дал сегодняшний допрос Ионы, с другой – сильно беспокоило положение дел с учебой и дисциплиной. Самое интересное, что обе проблемы, так или иначе, замыкались на Нинее. Волхва наверняка знала о боярине Журавле достаточно много, но ни разу своими знаниями не поделилась, даже не намекнула об их наличии. И новобранцев она, конечно же, как-то обработала перед отправкой в воинскую школу.

Следствием чего являлись недисциплинированность и нерадивость? Привыканием к новой обстановке, как считал Алексей, отсутствием интереса, как утверждал Стерв, или Нинейным воздействием? Скорее всего, и то, и другое, и третье разом. Возможно, есть и четвертое, и пятое... придется разбираться и находить «противоядие».

Перед обедом за ненадлежащее поведение во время молитвы в марш-бросок вокруг острова был отправлен один десяток новобранцев. Опричникам даже особенно и подгонять их не пришлось, но, когда выяснилось, что кормить нарушителей не будут, новобранцы попробовали устроить хай. Дмитрий с двумя своими десятками уgomонил их быстро, но перед ужином в забег пришлось отправлять уже два десятка!

Опричники были готовы вразумлять и этих, но Алексей решил подстраховаться и нерадивых встретил после забега в компании Глеба и Немого, верхом и с кнутами в руках. Предусмотрительность старшего наставника не подвела – три кнута оказались серьезным подспорьем в процессе охлаждения страстей. Причем настолько серьезным, что опричники Дмитрия уже сидели в трапезной, а провинившиеся десятки наматывали четвертый круг вокруг острова, и было похоже на то, что круг этот не последний.

«Нет, все-таки без Ниней не обошлось. Странно, конечно: она же заинтересована в том, чтобы ребята выучились как следует, но с первой-то полусотней таких проблем не было! Может быть, она меня так проверяет – справлюсь или не справлюсь? Нет, слишком просто.»

Да и не станет она так мелко гадить, есть тут что-то другое. Другое, другое... Мотивация! У первого набора мотивация мощнейшая – выбор между холопством и статусом воинского сословия, а что заложила в умы мальчишкам Ниня? И ведь не спросишь. Наверняка не скажет. И что ж, в таком случае, будем делать? Да все то же самое: воздействие на объект управления, анализ реакции объекта на воздействие, корректировка по результатам анализа, новое воздействие. Рано или поздно я Нинину установку вычислю, а там уж найду средство повернуть все по-своему».

Мишка оглядел сидящих за столами отроков. Большинство уже управились с едой и теперь допивали сыто – воду, сдобренную медом. Обыкновенные ребята – крепенькие, бело-брысые, подростки лет четырнадцати-пятнадцати. Характерного при сборище подростков гомона не слышно, но это еще не подчинение дисциплине, а простая усталость. Хоть и сбросили с себя перед ужином надоевшие за день кольчуги и шлемы, но плечи и шеи все еще ноют.

«Обычные-то вы обычные, но что в ваши мозги заложено? Негативного воздействия вы за десять дней уже нахлебались, по себе знаю, что такое «курс молодого бойца». Сейчас попробуем позитивное воздействие. В конце-то концов, вы обычные подростки, что бы там с вами Ниня ни сотворила, значит, то, что подействовало на первый набор, должно подействовать и на вас. Прямо сейчас и займемся».

– Школа, встать!

Голос Артемия, заступившего на пост дежурного урядника, перекрыл шум, создаваемые поднимающимися «курсантами»: стук посуды, шарканье ног, звук отодвигаемых лавок.

– Прекратить шум, повторять за мной! Благодарим Тя Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ; Не лиши нас и Небесного Твоего Царствия, но яко посреде учеников Твоих пришел еси, Спасе, мир давай им, прииди к нам и спаси нас. Аминь.

– Выходи строиться!

– Отставить! – Мишка с совершенно искренней (даже сам удивился) улыбкой смотрел на недоуменно оглядывающихся на своего старшину учеников воинской школы. – Долго же меня не было! Уже и забыли, как по вечерам беседуем? А ну! Быстро убирать со столов, карту на стену!

Пока новобранцы удивленно хлопали глазами, одни «курсанты» первого набора уже тащили откуда-то коровью шкуру с «картой мира», другие начали переставлять лавки, а опричники, вошедшие в роль воспитателей, принялись покрикивать на новичков, чтобы убрали со столов и помогали передвигать мебель.

Наконец все расселись, Мишка встал перед «картой мира», дождался тишины, собирая внимание, обвел взглядом аудиторию и начал:

– В стране саксов, это здесь, – ткнул он пальцем в карту, – жил один молодой человек. Он выучился ремеслу лекаря и нанялся на большую морскую ладью, отправлявшуюся в дальние страны. Звали его Гулливер...

Глава 2

Собраться «поговорить» в тот же вечер, когда Мишка предложил сделать это своему крестнику, не получилось – слишком затянулась история про Гулливера, а потом еще и ее обсуждение, специально спровоцированное Мишкой, чтобы, хотя бы предварительно, составить себе представление о круге интересов и взглядах новобранцев. Ничего путного, правда, из этого не вышло. Во-первых, лесовики были сильно удивлены тем, что сказку им рассказал не седой дед, а их ровесник, а во-вторых, к рассказанному они отнеслись именно как дети к сказке. Разумеется, Мишка и не ожидал от слушателей настоящего понимания смысла истории, сочиненной великим Свифтом, но комментарии типа «да их там всех ногами перетоптать

можно было» его откровенно покоробили. Впрочем, в следующий раз он все же решил рассказать о путешествии Гулливера в страну великанов и попытаться навести отроков на размышления об относительности всего сущего.

Первое собрание «ближнего круга» удалось провести не сразу, пришлось несколько раз его переносить. Сказав Роське: «И всех наших приводи», Мишка специально не стал уточнять список приглашенных – было интересно посмотреть, кого именно Роська посчитает «своими». Крестник не подвел – в Мишкиной горнице собрались все те, кого он и сам бы пригласил: Демьян, Кузьма, Петр, Дмитрий, Артемий, Матвей, Илья и Никола. С двумя последними Роська откровенно порадовал – вспомнил, что Илья, обменявшись с Мишкой крестами, стал его крестным братом, а Никола, будучи хоть и внебрачным, но сыном Никифора, мог считаться старшине Младшей стражи двоюродным братом.

Как кого рассаживать, Мишка не подумал, но прибывшие разобрались сами, устроив настоящий мини-спектакль «Древнерусский политес». Петр торопливо занял место по правую руку от Мишки, отпихнув плечом в общем-то и не претендовавшего на это почетное место Кузьму. Все было правильно – Петька был на год старше хозяина горницы и занял место старшего брата. Илья с достоинством проследовал на место по левую руку от Мишки – хоть и не кровный родич, но единственный взрослый муж среди приглашенных. Рядом с Ильей тут же пристроился Никола и с вызовом посмотрел на Петьку, получив в ответ взгляд-плевок – сыновья Никифора от разных матерей ненавидели друг друга со всем максимализмом подростков. Рядом с Петром устроился Демьян, мрачно глянул на Петьку и хлопнул ладонью по лавке, приглашая сесть рядом Кузьму – коли братья, то и сидеть вместе. Матвей, с таким видом, словно ему все равно было, где сидеть, устроился рядом с Николой и притянул к себе за рукав Артемия, а Роська пристроился напротив «дирижера». Дмитрий, как всегда, оказался на высоте – не толкаясь и не пытаясь занять место поближе к Мишке, он стоял и понимающим взглядом следил за разворачивающимся действием, но стоял так, что место в торце стола – напротив старшины – осталось за ним. Когда все расселись, Дмитрий еще немного помедлил, оглядывая собравшихся, словно проверяя, все ли правильно, и только потом неторопливо опустился на лавку.

Пока все устраивались, пока Роська, спохватившись, снова вставал и ставил на стол кувшин с квасом, Мишка по очереди обводил глазами собравшихся и невольно сравнивал их нынешних с ними же, но тех времен, когда воинская школа и Младшая стража только начинались.

Петр. Старший сын купца Никифора. Строг, самоуверен, даже, пожалуй, зол. Купеческие детишки с «платного отделения» воинской школы ходят у него по струнке. Некоторые, вернувшись из торговой экспедиции по лесным селищам, попробовали было изображать из себя бывалых купцов, но Петька поставил их на место быстро и беспощадно. Вот и сейчас сидит гордо выпрямившись, выпятив подбородок, одна рука на колене, другая поигрывает ножнами кинжала. И не подумаешь, что еще несколько месяцев назад из-за сломанных рук даже по нужде сам сходить не мог. Но урок запомнил – в конфликт с Мишкой не вступал больше ни разу.

Кузьма и Демьян. Еще два года назад, когда Мишка только начал учить их играть с кинжалами, близнецов было не отличить друг от друга, даже на вопросы отвечали хором. Сейчас – два разных человека. Кузька – живой, веселый, непоседливый, весь ушедший в техническое творчество – наследник тех черт характера отца, которые сделали Лавра редким по искусству мастером кузнечного дела. Демьян же после тяжелого ранения на лесной дороге изменился просто до неузнаваемости. Мрачен, молчалив, не улыбочив и жесток. В рукопашном спарринге с ним стараются не встречаться – не успокаивается, пока не отправит противника в нокаут или не заставит выть от боли, поймав на болевой прием. На Мишкины попытки разговорить его

не поддается, только криво ухмыляется и отшучивается на грани откровенного хамства. Явно назрела необходимость сеанса психотерапии у Нинее.

Роська, во Христе Василий. Урядник первого десятка – лучшего десятка Младшей стражи. Куньевские отроки, набранные из родни тетки Татьяны, лидируют не только в боевой, но и в «идеологической» подготовке – знают больше всех молитв, успешно овладевают грамотой, реже всех подвергаются наказаниям. Но сам Роська... Набожность его усугубилась настолько, что уже может стать помехой в воинском обучении. И к Нинее ведь не отведешь, бесполезно. Конфликт Мишки с отцом Михаилом шокировал Роську настолько, что он впервые за все время посмел не то чтобы наругать своему крестному, но открыто высказать недовольство. Что-то дальше будет?

Дмитрий. Надежда и опора, свой в доску. Прирожденный воин и командир. Предан Мишке столь же, сколь и Роська, но по-иному – если Роська способен закрыть от опасности своей грудью, то Дмитрий собой жертвовать не станет, а просто ликвидирует опасность, спокойно, расчетливо и надежно. Если Роська держит Мишку чуть ли не за отца родного и выступить против способен, только будучи переполнен эмоциями и сам страдая от того, что перечит крестному, то Дмитрий противоречить не стесняется, но делает это опять же спокойно, без страстей, и, как правило, бывает прав. Но есть и у старшего урядника Младшей стражи своя ахиллесова пята – изуродованное лицо. Рваный шрам, проходящий наискось через весь лоб – след стрелы лесовика, – по всей видимости, порождает у Дмитрия некий комплекс неполноценности при общении с девушками. На вечерних посиделках он сидит в уголке, опустив на лоб челку, отчего приобретает какой-то туповатый и угрюмый вид. Тоже к Нинее сводить, что ли?

Артемий. Мишкина радость и боль. Талантливый музыкант и педагог, собрал оркестр из шестнадцати человек, на пару с Роськой организовал церковный хор, постоянно терзает Мишку, требуя новых мелодий и песен – весь в музыке, а школа-то воинская. Старательно обучается вместе со своим десятком воинскому делу, но, когда кто-то из его оркестрантов возвращается с тренировок с разбитыми губами, ссаженными костяшками пальцев, прочими травмами, мешающими играть на музыкальном инструменте, чуть не плачет и одолевает Матвея и Юльку просьбами побыстрее вылечить, а Мишку намеками на то, что музыкантов надо бы поберечь. Сам соглашается, что поберечь в учебе – погубить в бою, а потом приходит снова.

Матвей. Ходячая загадка, единственный из музыкантов, привезенных в Ратное из туровских «гастролей», чья биография до прихода в «ансамбль» Свояты Мишке неизвестна. Молчит, как партизан. Дмитрий и Артемий тоже ничего не знают – Матвей появился у Свояты до них. Знал что-то Меркурий, но его уже не спросишь. Артемий, со слов Меркурия, рассказал Мишке, что Матвей появился у Свояты в Киеве. «Художественный руководитель ансамбля» принес парнишку страшно избитого, завернутого в какие-то лохмотья и с окровавленным затылком. По словам Меркурия выходило, что Матвею не то вырвали, не то срезали волосы вместе с небольшим лоскутком кожи. Еще Артемий добавил, что Матвей был единственным, кто не горел желанием сбежать от Свояты – от добра, мол, добра не ищут. Это Своята-то добро? Была в поведении ученика лекарки и еще одна странность – брезгливо-презрительное отношение к особам женского пола. Исключение составляли только Юлька, ее мать лекарка Настена и, разумеется, Анна Павловна. Мишка даже было начал подозревать Матвея в нетрадиционной сексуальной ориентации, но потом подозрения оставил. Что-то с парнем в детстве произошло очень скверное, но вот что? Тащить Матвея к Нинее Мишка побоялся – есть воспоминания, которые лучше не бередить, тем более что характер у парня постепенно начал смягчаться, а Юлька обмолвилась, что обучается лекарскому делу он старательно и с удовольствием.

Никола. Вот уж кому в жизни не повезло так не повезло. Мало того что внебрачный сын Никифора оказался под началом законного сына – Петра, так еще и угораздило влюбиться наповал в двоюродную сестру – Аньку-младшую. Но парень оказался крепким – Петкиным наездам давал достойный отпор, да и к прочим превратностям судьбы относился стои-

чески. Учился же лучше всех «курсантов платного отделения». По его поведению было хорошо заметно, что никаких подарков от судьбы он не ждет и готов пробиваться к лучшему будущему не только «зубами и ногтями», но и умом.

Илья. Бывший обозник, единственный взрослый мужчина в собравшейся компании. Как же Мишке повезло оказаться после ранения в его санях! Несомненно умен, хозяйственен, понимает, что воинская школа – единственный его шанс подняться из социальных низов Ратного. Обязанности «начальника тыла» и преподавателя обозного дела исполняет отменно. Как и предполагал Мишка, пристрастие к хмельному у Ильи хоть и не исчезло совсем, но сильно ослабилось. Вот это и называется «человек на своем месте».

«Ну что ж, сэр Майкл, вот с ними и придется начинать. Не Прибалтику, разумеется, завоевывать, а создавать базу для будущей экспансии. И даже это слишком громко сказано – пока речь может идти только об инструменте создания этой базы».

Сам себе удивляясь, Мишка заметно мандражировал, все-таки первая попытка создания легитимной структуры «под себя». Было множество сомнений: правильно ли выбран момент, подходящие ли в наличии кадры, не подведет ли статус несовершеннолетнего мальчишки и, вообще, удастся ли затея?

С другой стороны, только функционирующая структура позволит перестать приспосабливаться к обстоятельствам, а начать самому создавать их. Пусть сначала локально, в малых (да что там – микроскопических!) масштабах. Пусть структура сможет использовать весьма ограниченное количество ресурсов, и ни о какой подлинной самостоятельности пока не может идти и речи. Пусть решаемые этой структурой задачи будут направлены главным образом не вовне, а на себя. Но с чего-то надо начинать!

Главное – правильно выбрать цель. Планировать что-то серьезное невозможно – слишком ограничена кадровая и ресурсная база, совершенно непредсказуем результат наложения управленческих технологий на менталитет людей XII века. Да каких там людей – мальчишек! Правда, эти мальчишки через два-три года женятся и станут главами семей, эти же мальчишки уже убивали и смотрели в лицо смерти (кое-кто и не по первому разу), но тем сложнее представить их реакцию на то, чем им будет предложено заняться!

«Прекратите вибрировать, сэр, два года назад все было гораздо хуже и сложнее. Помните: дед отставной инвалид, вы хилый подпасок, ресурсы почти на нуле, о кадрах и вообще речи не было. А какие цели вы себе поставили? Сейчас вспомнить – даже удивительно делается, но ведь получилось! Что вы тогда себе твердили? «Делай то, что должен, и будет то, что будет!» И получилось, потому что вы делали! Сейчас-то что изменилось? Тогда была поставлена цель – собственное физическое развитие, сейчас – физическое и интеллектуальное развитие полутора сотен ребят. Второй целью два года назад была признана необходимость роста благосостояния и восстановление социального статуса семьи, сейчас – рост благосостояния (вплоть до полного самообеспечения) и приобретение официального статуса вашей сотни. Да-да, сэр Майкл, себе-то врать не будем, сотни сотника Михаила. Ну и, наконец, третьей задачей в недавнем прошлом было формирование команды, сейчас – формирование собственной управляющей структуры».

Да, масштабы другие. Да, количество переходит в качество. Но магистральное-то направление осталось прежним – усиление вашего, сэр, влияния на внешнюю среду. Единственное принципиальное изменение: тогда вы могли использовать только один из двух способов управления – манипуляцию, сейчас у вас появилась возможность использовать и второй – принуждение».

То, что эти три цели будут всего лишь промежуточными (как и в прошлый раз), будете знать только вы, а для ребят это станет программой на несколько лет вперед. Задачи же по достижению этих целей... хм, а вот пускай-ка они сами попробуют их сформулировать. То, что придумают сами, и исполнять будут с охотой, и совершенствовать по ходу дела».

станут – процесс управленческого творчества, однажды запущенный, остановить трудно, а при удачном ходе дел так и вообще невозможно. Посмотрим, из кого может получиться настоящий управленец».

– Ну, расселись? – Мишка, собирая внимание, обвел глазами собравшихся. – Я пригласил вас с тем, господа...

«Ну надо же такое ляпнуть! Хотя интересно: как они на «господ» отреагируют?»

– ...чтобы обсудить, как воинской школе и Младшей страже жить дальше. Давеча господин урядник Василий попрекнул меня тем, что я с отцом Михаилом невежливо обошелся... Все знают, что произошло, или рассказать?

По тому, как все взгляды обратились на Роську, стало понятно, что извещены все. Тот залился краской и попытался оправдаться:

– Я не сплетничал! Просто...

– Правильно сделал! – прервал его Мишка. – Родня, а мы все – родня, должна про такие вещи знать. Вот с этого и начнем разговор. Я тебе, Рось, конечно, еще тогда мог бы ответить: «Раз господин сотник приказал крестить, значит, надо крестить!» Но не все так просто. Не знаю, заметили вы или нет, но отец Михаил попытался завести у нас порядки, отличные от порядков в Ратном. То, что он попробовал приказ сотника не исполнить, – только часть того, что ему хотелось здесь сотворить. Главное же заключалось в том, что в Ратном окончательным и непререкаемым является слово сотника, а отец Михаил вознамерился сделать у нас окончательным и непререкаемым свое слово!

– Не свое, а слово Божье! – тут же взвился Роська.

– Не спорю, – Мишка согласно склонил голову. – Но отец Михаил хоть и слуга Божий, но живет в миру и мирскими законами пренебрегать не вправе! «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Зри Евангелие от Матфея, главу двадцать вторая, стих двадцать первый.

Роська, не ожидавший такой отповеди, озадаченно умолк, а Илья и Демьян почти одновременно хмыкнули. Мишка так и ждал, что кто-нибудь из них подколет: «Ты и сам, как поп», но оба смолчали.

– Дело даже и не в этом, – продолжил Мишка после краткой паузы, – а в том, что жизнь наша полна противоречий и парадоксов. Что такое «парадокс», я тебе, Рось, уже объяснял. В нашем же случае парадокс заключается в том, что отец Михаил, сам того, конечно же, не желая, вознамерился внедрить у нас порядки, схожие с языческими.

– Что-о-о? – Роська от возмущения даже начал приподниматься с лавки.

– Не перебивай, сначала дослушай! – окоротил крестника Мишка. – Кто в языческих селищах глава всему? Волхв! Без его разрешения и одобрения не делается ничего! Почему Константин Великий сумел победить язычников и основал цареградскую империю? Почему христианство побеждает на Руси? Почему ратнинская сотня сопротивлению язычников превозмогла? Потому, что христиане понимают границы между мирским и духовным! Потому, что власть светская главенствует! А тот, кому мирская жизнь не по нутру, в монастырь или в пустынь уходит и живет там, не встречая в мирские дела. Отец же Михаил попытался поставить себя над мирскими делами, уподобившись тем самым языческому волхву! Не может один человек во всем мудрее всех быть, все дела одинаково мудро решать! Вы и сами видели, как это у отца Михаила получалось!

– Ну ты, Михайла, и завернул! – Илья расправил свои пышные усищи и повертел головой, словно ему стал тесен ворот рубахи. – Тебя послушать, так... это самое...

– А я вас не слушать собрал, а думать! – парировал Мишка. – Совет держать. Так что, господа Совет, желательно мне ваше мнение узнать. А вдруг у нас в Младшей страже и вправду не все надо делать так, как в ратнинской сотне устроено? А если нужны отличия, то какие? И вообще, мы что из наших отроков создавать собираемся – пополнение для ратнинской сотни или что-то иное? Если иное, то что? Хочу ваше мнение по этому поводу знать, потому что от

этого будет зависеть очень многое, по сути, все. Как сейчас решим, что придумаем, так дальше и жить будем, такому и отроков обучать станем.

Мишка оглядел собравшихся и подчеркнуто отдельно произнес:

– Слушаю. Вас. Господа Совет.

– Эк ты сказанул! – Илья снова расправил усы и приосанился. – Господа Совет... прям дума боярская при князе!

В горнице повисла тишина – «господа Совет» явно оказались не готовы к решению стратегических проблем. Подождав немного, Мишка уже было собрался задавать наводящие вопросы, но неожиданно подал голос Дмитрий:

– Я вот уже несколько дней думаю: а всех ли отроков надо одинаково учить?

– А мы и не учим всех одинаково! – отозвался Петр. – Я своих другому учу.

– Да не о тебе речь! – Дмитрий отмахнулся от Петьки, как от мухи. – Нам воеводские бояре двенадцать своих отроков в обучение прислали. Я так понимаю, что они потом их в свои десятки заберут. Но у них-то там все лучники, что наши выученики со своими самострелами там делать будут? Этих двенадцать человек надо в отдельный десяток собирать и лучному бою обучать, тем более что они кое-что уже умеют – воеводские бояре их не просто так подбирали.

– Вывод? – быстро спросил Дмитрия Мишка.

– Какой вывод? – не понял старший урядник.

– Я спрашивал: готовим мы пополнение для ратнинской сотни или что-то иное? Если пополнение, то самострелы надо отбирать не только у этих двенадцати, но у всех. В сотне все лучники, хотя и разные – одни лучше, другие хуже, но самострелами никто не пользуется.

– Не хочу! – не на кого не глядя, мрачно заявил Демьян. – Здесь я урядник, а там сопляком на побегушках сделают! Пока новик полноправным ратником станет... – Демка зло стукнул кулаком по столу. – Некоторые и не доживают. Не хочу!

– Да погоди ты! Хочу, не хочу, – ворчливо перебил Демьяна Илья. – Ишь ты, гордый какой: я урядник! Сопля ты на палочке, а не урядник! Сколько бы тебя тут ни учили, настоящую воинскую науку можно только среди матерых ратников постигнуть – рядовым! Да, гоняют новиков почему зря, но и берегут – в бою прикрывают, в самое пекло не суют. А годика через три-четыре, когда женишься, да остепенишься, да боевого опыта наберешься, пускай тебя твой бывший десяток урядником выбирает. Корней, я думаю, не откажет, утвердит.

– Да не возьмет нас никто! – злым голосом отозвался Демьян. – Невзлюбили нас, после того как мы бунтовщиков перебили. Ты что, Илья, не знаешь, что ли? Иначе как стайей Бешеного Лиса и не зовут. Был бы дядька Фрол жив, он бы нас к себе в седьмой десяток взял и стал бы полусотником, а сейчас... к кому идти?

– Сотник прикажет... – неуверенно начал Илья.

– И как отнесутся к тем, кого против воли навязали? – перебил Демьян. – «Берегут, прикрывают»! – передразнил он Илью. – Что от моих ребят через четыре года останется? А сам я останусь?

– Тоже верно... – Илья поскреб в бороде. – Михайла, а ты-то чего об этом думаешь? Или, может, знаешь чего?

– Ничего пока не думаю и ничего не знаю. Я для того Совет и собрал, чтобы вместе подумать. Но две вещи уже выяснилось: учим отроков не так, чтобы они пополнением сотни стали, – раз, из-под команды лисовиновской родни ребята могут в чужие руки уйти – два. И руки эти могут запросто оказаться недоброжелательными.

– А если не пополнение для сотни, то что? – Дмитрий адресовал свой вопрос Илье, видимо рассчитывая, что тот припомнит какой-нибудь прецедент. – Когда-нибудь бывало, чтобы новиков готовили не для сотни?

– Нет, но... – Илья опять полез в бороду, было заметно, что он что-то такое вспомнил. – Понимаете, ребятки, десятники своих сыновей ведь в чужой десяток не отдают, у себя дер-

жат. Опять же, если родня, то тоже у себя оставить стараются, хотя молодые, конечно, из-под родительского пригляда так и норовят выскочить... Я вот о чем подумал: если десятник своих сыновей и племянников для своего десятка готовит, то есть для себя, то почему бы сотнику не готовить вас тоже для себя?

«Умница, я деду то же самое толковал: создание его личной боярской дружины».

– Значит, – уточнил Мишка, – не пополнение для сотни, а личная дружина воеводы погорынского?

– Ну вроде бы так получается, – согласился Илья.

– Нет, не так! – возразил Дмитрий. – Двенадцать отроков, которых воеводским боярам мы после обучения вернуть должны, – это пополнение для сотни. Минь... гм, господин старшина, а сам воевода об этом что-нибудь говорил?

«Ну конечно, служака Митька обязательно должен знать мнение начальства, это тебе не Демка: "хочу, не хочу"».

– Говорил, – все взгляды немедленно сошлись на Мишке. – Вы же знаете, что в Ратном грамоте все учены по-разному. Одни лучше, другие хуже, а есть и совсем неграмотные, – Мишка с трудом удержался, чтобы не покоситься в сторону Ильи. – Но те, кто ходил в школу отца Михаила, грамоте обучены одинаково хорошо. То же самое и с воинским обучением – одни с малолетства под отцовским приглядом стрельбе из лука обучаются, палками да шестами машут, другие от случая к случаю, чаще всего настолько, насколько сами учиться хотят, а кое-кого из родителей сотнику вразумлять приходится, чтобы детишек учили. Опять же не всякий родитель хорошо обучить способен. Вот боярин Корней Агеич и решил по примеру школы, в которой грамоте обучают, создать школу, где воинскому делу обучать будут – всех одинаково и хорошо. О том же, что из этого получиться может, не знает пока никто – дело-то новое. Поэтому я думаю, что первойшей нашей задачей является доказать, что воинская школа – затея стоящая.

– Вот-вот! – поддержал Мишку Илья. – Кормить такую ораву, если от нее проку нет, никто не станет!

– Ну хорошо, а Нинеины отроки? Их куда? – Дмитрий, видимо, решил окончательно расставить все точки над «i». – Ты, помнится, говорил про ее боярскую дружину. Значит, для нее учим? Сколько же нам самим останется? То есть не нам... воеводе, я хотел сказать.

– Да правильно ты все сказал, Мить, нам – Лисовинам.

– И ничего не правильно! – мрачно поправил двоюродного брата Демка. – Выучим лесовиков, а потом Нинея их на нас же и натравит!

«Так, скептик и пессимист, кажется, нарисовался. Что ж, в любом коллективе такой человек нужен – благодаря ему любое решение будет на прочность проверяться, хотя и придерживаться тоже надо, иначе критика перерастет в критиканство, а пессимизм в деструкцию. Въедливый служака, которому надо уяснить все, до последней запятой, тоже есть. И он полезен – вместе со скептиком отыщет скрытые дефекты и сам же поможет скептика убедить. Но нужен еще и генератор идей. Кто? Не Илья – он, скорее, хранитель традиций и народной мудрости, дядька-пестун, носитель здравомыслия и практицизма. Кто же? Вроде бы должен быть Кузька – непоседа, творческая личность...»

– А на кой бабе дружина? – подал голос Матвей. – Что она вообще в воинских делах понимать может?

– Потому что боярыня! – парировал Илья. – Бояре без дружин все равно что телеги без колес – на хрен никому не нужны.

– Все верно! – поддержал своего «начальника тыла» Мишка. – Погорынское войско из боярских дружин состоять должно. Одному воеводе большое войско не прокормить, для того бояре и требуются. А если у боярыни мужа нет, но содержать дружину она способна, то должна над дружиной командира поставить – мужа, в воинском деле смысленного. Пока в Погорын-

ском воеводстве четверо бояр: Лука Говорун, Леха Рябой, Игнат и Гредислава Всеславна. Если каждый сможет выставить сотню воинов, да еще и у воеводы будет своя сотня или больше, да остатки ратнинской сотни... Понимаете, какая сила получится? Не у каждого князя такая есть! И все это будет под лисовиновской рукой.

– А взбунтуются? – не желал успокаиваться Демка.

– А мы бунты подавлять разучимся? – «отбил подачу» Дмитрий.

– А обучаться все эти сотни должны в нашей воинской школе! – вернул Мишка разговор в нужное русло. – И для этого школа должна быть такой, чтобы бояре сами нам на обучение отроков присылали. Вот я вас и собрал, чтобы вместе подумать: как нам такую школу создать?

В горнице снова повисла тишина.

«Ну неужели никто так и не выдаст конструктива, хоть плохонького, хоть чуть-чуть? То, что первыми голос подают скептик и служака, – нормально. То, что единственный взрослый их охлаживает, – тоже нормально, но чего ж остальные-то молчат? Кузька? Чего он считает-то?»

Кузька сидел, уставившись в одну точку, чуть заметно шевелил губами и загибал пальцы. Смысла последних реплик он явно не уловил, возможно, даже не слышал их.

– Кузь, ты чего там подсчитываешь?

– А?

– Я спрашиваю: чего считаешь?

– Да вот Митька спросил: «Что нам останется?» Ну я и считаю.

– И что выходит?

– Вот, смотрите, – Кузька запустил руку в подсумок для болтов и выловил оттуда горсть лесных орехов, Дмитрий скривился от такого вопиющего использования амуниции не по назначению, но смолчал. – Нас здесь десять родичей, – Кузька выложил на стол один орех, – пусть это будет десяток.

При словах «десять родичей» Петр и Никола в очередной раз очень неласково глянули друг на друга. Петька сжал кулаки, а Никола упрямо поджал губы.

«Надо с этим что-то делать, зарежут же братики друг друга...»

– Еще есть десяток куньевских родичей матери, – продолжил Кузька и выложил на стол еще один орех. – Два десятка, и все они наши, тут никакого сомнения нет. Из оставшихся тридцати, – еще три ореха, – двенадцать придется вернуть Луке, Лехе и Игнату, только вот я не знаю, в чьих они десятках...

– Двое у Первака, трое у Демьяна и семеро у Артемия, – в очередной раз продемонстрировал свою компетентность Дмитрий. – Артемию больше всех не повезло, почти весь десяток отдать придется.

– Угу, – Кузька откатил один из трех орехов в сторону. – Получается, наших – тридцать восемь.

– Еще неизвестно! – снова подал голос Матвей. – Десяток Первака запросто может стать не нашим, а Листвяниным...

– А ну прикуси язык! – прервал Матвея Илья. – Не твоего ума дело!

– Нет, его! – Мишка тронул Илью за рукав и произнес извиняющимся тоном. – Не сердись, Илья, даже если запретить говорить, думать не перестанут... и шептаться тоже.

В горнице снова стало тихо, но эта тишина была настороженной: слишком чувствительной была затронутая тема, и слишком непривычно было обсуждать ее в присутствии взрослого. Лишь из-за того, что никто не только не говорил, но и не шевелился (а некоторые и вообще затаили дыхание), удалось разобрать негромкое ворчание Ильи:

– Рано вам еще... хотя через пару лет сами все попереженитесь...

«Ну что ж, сэр Майкл, если тема сама возникла... почему бы и нет? В конце концов, сэр, вы же сами предполагали осветить для молодых людей проблему и с этой стороны тоже».

– Здесь собралась родня! – напомнил Мишка решительным тоном. – Если угодно, «ближний круг». Потому дела семейные мы обсуждать вправе. Родит ли Листвяна сына, признает ли Корней Агеич его законным отпрыском, мы пока не знаем и знать не можем. Женится ли воевода погорынский на Листвяне, сделав, таким образом, Первака нашей родней, мы тоже не знаем и повлиять на это не в силах. Но! – Мишка выдержал длинную паузу, для того чтобы все прониклись важностью этого «но». – Военская школа – тоже дело семейное, из наших рук мы его не должны выпускать ни в коем случае! Обсуждать дела семейные родичам никто запретить не может, однако обсуждать есть смысл только то, на что мы можем повлиять, или то, последствия чего мы можем себе представить. С Листвяной пока все непонятно, и право решения этого дела принадлежит только главе рода Лисовинов. Пока этого решения нет, нечего и воду в ступе толочь. С этим все согласны?

Опять среди общего молчания послышалось негромкое ворчание Ильи, правда, теперь тон его был одобрительным:

– Верно сказал... старшина.

– А вот что мы можем и должны обсудить из семейных дел, – продолжил Мишка, – так это то, что два брата наших друг друга загрызть готовы! Петр! Николай! Вы же по крови ближе друг другу, чем я, например, с Кузьмой, – у вас отец один, – Мишка, набрав в грудь воздуха, грохнул по столу кулаком, вскочил и заорал: – Какого хрена в семье разлад сеете?! Выгоню обоих к чертовой матери!!! Пешком в Туров потащитесь!!!

Очень к месту был бы легкий приступ наследственного лисовиновского бешенства, но, увы, пришлось ограничиться лицедейством. Впрочем, репутация Бешеного Лиса выручила – Петька испуганно откачнулся от двоюродного брата, Никола втянул голову в плечи, словно ожидая удара, а Роська, при поминании чертовой матери, торопливо обмахнул себя крестом.

– На себя посмотри! – совершенно неожиданно заорал Мишке в ответ Матвей. – Твоя сеструха Николке голову крутит, ей хаханьки, а ему зарез!

Мишка изумленно выставился на Матвея, а тот, ничуть не смущаясь, продолжил, правда, уже тоном ниже:

– Поучил ее однажды костью, так поучи еще раз! Пора прекращать – Анька не одному ему голову закружила...

– Только посмейте ее пальцем тронуть! – перебил Матвея побагровевший Никола. – Всех кончу как...

Как он собирался всех кончить, никто не узнал – Илья, не вставая с лавки, заехал начавшему вставать на ноги Николе кулаком в ухо так, что тот грянулся на пол, выронив неизвестно когда оказавшийся у него в руке нож. Мишка, впрочем, смотрел не на Илью с Николой, а на Дмитрия. Старший урядник после слов Матвея ссутулился и покраснел до корней волос, отчего шрам на лбу, оставшийся белым, стал еще заметнее.

«У-у, как все запущено! Анька, паскуда, еще и Митьке мозги запудрила. Перед поездкой в Туров тренируется, что ли? Пороть, сэр Майкл! Пороть, пороть, пороть! До полного просветления за счет оттока крови от головы к заднице!»

– Всем молчать!!! Э-э... – Илья явно не привык командовать в экстремальных ситуациях и затруднился с продолжением, но потом все-таки нашелся: – Слушать старшину!

– Так! – оставшись стоять, Мишка зацепился большими пальцами рук за ремень на животе, набычился и обвел присутствующих максимально зловещим, насколько получилось, взглядом. – Слушать меня!

Невербальный ряд подействовал. Кисти рук, зафиксированные в районе гениталий, для самок означают предложение сексуального контакта, а для особей мужского пола – вызов. Выдвинутая нижняя челюсть и чуть поданные вперед плечи визуально отягчают фигуру, создавая иллюзию «нависания», тем более что Мишка стоял, а остальные сидели. Плюс Мишка натренировался шевелить искаленной бровью так, что в сочетании с перекошенным ртом

рожа приобретала совершенно жуткий вид. Знает человек об этих маленьких хитростях или нет, неважно – подсознание «читает» древний язык жестов и мимики независимо от разума. Бешеный Лис в очередной раз подтвердил свой статус вожака стаи, и соперников не нашлось – взгляды отвели все, исключая, разумеется, Илью. Бывшего обозника после многолетнего общения с Буреєм было не пронять никакими гримасами. Теперь невербальный ряд требовалось подкрепить словесно.

– Аньку вразумим, – Мишка слегка развернулся в сторону шевельнувшегося Николы, и комментарий не последовало. – И без костыля. Найдутся средства. Теперь ты, Никола. Козлодуй, едрена вошь! Нам здесь только инцеста не хватало!

– А... э? – слова «инцест» Никола, разумеется, не знал, как, впрочем, и остальные.

– Анна Фроловна твоя двоюродная сестра! – пояснил Мишка. – Близкая родственница. Урядник Василий!

– Здесь, господин старшина! – отозвался Роська, вскочив с лавки.

– Как подобный грех наказывается Православной церковью?

Вопрос Роське Мишка задал исключительно «для понта» – вряд ли Роська знал такие тонкости, но оказалось, что общение с отцом Михаилом здорово расширило Роськину эрудицию.

– Отлучение от Церкви! – бодро отрапортовал Мишкин крестник. – А потом – как светская власть решит, могут и изгнать.

«Вот те на! А с вами-то, сэр Майкл, падре Мигель на подобные темы ни разу не беседовал. Разумеется, священники знают полный список пороков и извращений, но просвещать на эту тему пацана... Нет, сэр, не зря у вас желание двинуть в торец попу возникло, совсем долгогривый рамсы попутал!»

– Вот так! – снова обратился Мишка к Николе. – В воскресенье поедешь в Ратное, покаешься отцу Михаилу и примешь епитимью, какую он посчитает нужным наложить. По возвращении доложишь уряднику Василию, и он проследит, чтобы ты все исполнил в точности.

– Слушаюсь... господин старшина.

– Теперь все вы трое: ты, ты и ты, – Мишка поочередно ткнул пальцем в Николу, Петра и Дмитрия. – Если не угомонитесь, попрошу волхву Гредиславу лишить вас мужской силы – временно или насовсем, как выйдет, тут точно не рассчитаешь.

– А я-то чего? – попробовал возмутиться Петька.

– Больно борзый! – пояснил Мишка. – Постоянно с Николой цапаешься, дурной пример отрокам подаешь. Видал, как быки холощенные сразу успокаиваются? Вот и ты тихим да смиренным станешь – и мне спокойнее, и делу польза.

Петька побледнел – поверил. После того, как Мишка сломал ему вторую руку, и не в такое поверишь. Никола тоже пялился на Мишку, как на привидение, Дмитрий, попавший под раздачу совершенно случайно, никак на Мишкину угрозу не отреагировал, разве что покраснел еще больше.

– Кхе! – Демьян настолько точно симитировал деда Корнея, что Мишка чуть не вздрогнул.

Эпизод пора было завершать, и Мишка снова рявкнул командным голосом:

– Урядник Василий!

– Здесь, господин старшина! – Роська снова вскочил и уставился преданными глазами.

– Урядник Василий, поручаю тебе надзирать за Петром и Николой. Буде и впредь станут предаваться греху гневливости и о братской любви забывать, даю тебе право увещевать и останавливать. Ибо грех гневливости – один из семи смертных грехов. Буде же усилия твои окажутся бесплодными... исполню свое обещание.

– Слушаюсь, господин старшина!

Мишка опустил на лавку, немного помолчал и обратился к Кузьме:

– Давай, Кузя, дальше излагай: чего ты там насчитал?

Кузька собрал раскатившиеся по столу орехи – четыре вместе и один отдельно.

– Значит, наших получается тридцать восемь. Еще можно добавить десяток Сеньки, но там детишки одни, и самострелов у них нет.

– А сделать им самострелы, хотя бы слабенькие, можно?

– Можно, почему нет? Только людей неохота от других дел отрывать.

– Ладно, с этим потом. Дальше давай.

– А что дальше? – Кузька снова полез в подсумок за орехами. – Вот семь с половиной десятков лесовиков, а вот полтора десятка купчишек. Всего получается сто тридцать два человека. Мало нас. Остальные либо уйдут, либо чужие.

– И какой же вывод?

– Вывод? Ну... наших тридцать восемь, но надежных только два десятка, вместе с нами. Пятнадцать весной вернутся в Туров, двенадцать уйдут к боярам, семьдесят четыре... не знаю – Нинеины они.

«И тут одни подсчеты, а я-то на тебя, Кузя, надеялся... неужели так никто и ничего? Обидно!»

– Ну хорошо, господа Совет, разговариваем мы долго и кое-что важное уже решили.

Как Мишка и ожидал, ответом на это заявление стали удивленные взгляды, а Демьян даже переспросил:

– Это чего же мы такое решили?

– Первое, что мы решили – воинская школа есть семейное дело Лисовинов. Во главе воинской школы стоит старшина Младшей стражи, то есть я, а при мне, для помощи, вы – господа Совет. И на будущее, впредь и навсегда утверждаем: во главе воинской школы должен стоять природный Лисовин, а в Совете думать могут только родичи. И название «Совет» – для посторонних, а мы себя понимать должны как ближний круг – собрание ближников. Возражения есть?

Возражений не последовало, но, по всей видимости, не только потому, что все были согласны, а потому, что большинству было совершенно непонятно: для чего надо так торжественно оглашать очевидную истину?

– Если возражений нет, предлагаю проголосовать!

– Чего сделать? – Кузька от удивления сунул горсть орехов мимо подсумка, и они дробно застучали по полу.

– Тот, кто с оглашенным мной решением согласен, пусть поднимет руку, – пояснил Мишка. – Ну, кто согласен?

«Вот так-то! Принято единогласно, бурные аплодисменты, переходящие в овации, все встают... и далее по тексту отчетов о последних съездах КПСС».

– Минь! – Кузька все не мог успокоиться. – Чего это ты тут устроил?

– Поздравляю, господа Совет! Вы только что приняли первое решение. Завтра я составлю об этом грамоту, и все вы скрепите ее своими подписями. Сей день будет считаться днем рождения воинской школы, и каждый год мы будем его праздновать!

Пока «господа Совет» переваривали услышанное, Мишка продолжил:

– Второе решение, которое мы сегодня приняли, гласит, что первейшей нашей задачей является – доказать, что воинская школа затея стоящая. И для этого школа должна быть такой, чтобы бояре и купцы сами нам отроков на обучение присылали. Так?

– Охреть... Школу родили! – пробормотал Илья.

«Не торопиться, сэр, они еще первое свое решение не переварили. Надо дать возможность обменяться мнениями или задать вопросы».

– Кому-то что-то непонятно? Спрашивайте, не стесняйтесь – дело новое, непривычное, лучше сразу все оговорить. Для того и Совет!

«Ну, господа Совет, думайте, спрашивайте, возражайте, только не сидите молча! Ради бога, ребятки, не обломайте мне все в самом начале – я же первую собственную легитимную структуру создаю!

Прекратите психовать, сэр Майкл, все срстется, положение у вас беспроигрышное. Самый лучший, самый эффективно действующий закон – юридически закрепленный обычай. Прецеденту создания Младшей стражи около ста лет, воинская школа лишь формализация одной из функций Младшей стражи – обучение молодежи. Закрепить это положение документально, и все дела. Право сильного за вами – дед Корней хозяин Погорынья, традиционное право тоже за вами – возрождение старого обычая. Остается формальное право. Грамоту о создании воинской школы и Совета дед утвердит, а он сам – сотник по воле Вячеслава Туровского и воевода Погорынский по грамоте великого князя киевского Святополка Изяславича. Все, сэр, вы прикрыты со всех сторон! Кто бы воеводство ни унаследовал, крепость и воинская школа останутся за вами, и хрен с ним, с воеводством... еще одно сбцаем».

– А скажи-ка, Михайла, на кой эта грамота нужна? – разродился наконец первым вопросом Илья.

– Сам посуди, Илья! – принялся объяснять Мишка. – Почему Ратное никаких податей не платит? Потому, что есть жалованная грамота от князя Ярослава Мудрого! Почему никто у воеводы Корнея воеводство не оспаривает? Потому, что есть грамота от князя Святополка Изяславича! Если воинская школа окажется делом выгодным, мало ли кто захочет ее под себя забрать. Но будет грамота, утвержденная воеводой Погорынским, и тому, кто лапу на воинскую школу наложить попробует, придется иметь дело со всей погорынской силой. Захочет кто-то своих людей в Совет посадить – ан нет, в грамоте указано: только родня Лисовинов. Ну... и все прочие дела. По праву против грамоты не попрешь, а силой взять – поди попробуй!

– Угу... умно.

– А если кто-то захочет свою воинскую школу завести? – подал голос молчавший до сих пор Артемий. – Ты же в грамоте не напишешь, что больше никому нельзя?

– Не напишу, но это будет уже другая школа, не наша.

– Вот я об этом и говорю, Минь, надо, чтобы мы чем-то от других школ отличались.

– Каких других? Их же еще нет, и неизвестно, будут ли.

– Будут, если дело выгодным окажется! – гнул свою пока непонятную линию Артемий. Вот смотри, Минь: дед мой музыкальные инструменты делал. И не он один. Конечно же, у одних лучше получалось, у других хуже. Как инструмент одного мастера от другого отличить? Мой дед на каждое свое изделие клеймо ставил – бубен с глазами. Сразу было видно, что это его работа, ни с кем не спутаешь.

– Так нам что, отрокам клеймо ставить? – ехидно поинтересовался Демьян. – А на какое место?

– Нашей воинской школе название нужно! – проигнорировал Демкино ехидство Артемий. – И свой знак – знамя, как знамена у бояр.

«А ведь он прав! Ай да Артюха! Я-то от Кузьки дельных предложений ждал, а этот молчал, молчал и выдал! Ну сейчас я дискусию раскручу, никто не отмоchится!»

– Дело говоришь, молодец! – Мишка поощрительно улыбнулся Артемию. – Ну-с, господа Совет, как нашу воинскую школу назовем и что нашим знаком будет?

– Школа Лисовинов! – тут же отозвался Кузьма. – А знаком пусть лис будет.

– А может, Погорынская воинская школа? – подкинул предложение Мишка.

– Не-а! Мы же в грамоте напишем, что школа – лисовиновское дело! – возразил Кузьма.

И понеслось! Как Мишка и предполагал, свой вариант нашелся у каждого, даже несколько. Правда, о названии школы довольно быстро забыли, а сосредоточились на выборе изображения для знамени. Сначала перебрали все виды оружия, потом перешли к более слож-

ным картинкам, вроде всадника в полном вооружении, потом шарахнулись в простоту – щит с литерой «Л», но тут же посыпались предложения с иными буквосочетаниями.

Мишка слушал молча, испытывая глубочайшее удовлетворение: первое же Кузькино возражение прозвучало со ссылкой на еще не написанную грамоту, и никто не удивился. Именно это и требовалось: пусть мысль об официальном статусе школы приживается в сознании. Уверуют в это сами – сумеют убедить и других. Теперь оставалось ждать, когда спорщики, перебрав все возможные и невозможные варианты, пойдут по второму кругу или начнут, за отсутствием аргументов, переходить на личности. Тогда можно и вмешаться.

Ждать долго не пришлось: первым на оскорбление сорвался Петька, и прозвучало оно, конечно же, в адрес Николы:

– Болван деревянный! Только и можешь, что дурь всякую... – получив от Мишки тычок локтем в бок, Петр запнулся, но сразу остановиться не смог. – Да ты послушай, что он несет!

– Я всех слушаю, – спокойно ответил Мишка, – но пока ничего путного не услышал. Вот Артемий не просто сказал, что надо делать, а еще и объяснил, почему это сделать надо, а вы выкрикиваете первое, что на ум пришло, а вместо того, чтобы объяснить, несогласных дурнями обзываете. И это Совет, который судьбу школы решает, от которого жизнь почти двух сотен людей зависит?

Мишка выдержал паузу, оглядел по очереди каждого из присутствующих. Возражать ему никто не собирался, но во взглядах читался вопрос: «Так чего ж тебе надо-то?»

– Я хочу, чтобы вы не только предлагали, но и объясняли свое предложение. Если придумал название для школы, то убедил остальных, что именно так, а не иначе она должна называться, если придумал знак для знамени, то докажи, что твое предложение правильное. Ну, может кто-то свои слова обосновать?

В наступившей тишине несмело подал голос Роська:

– Я вроде бы... я могу объяснить.

– Слушаем тебя, урядник Василий, – Мишка поощрительно кивнул крестнику. – Господа Совет, прошу выслушать предложение урядника Василия и высказать потом свое мнение. Мнение обоснованное, а не просто: «нравится, не нравится».

– У нас часовня построена в честь святого архистратига Небесных Сил архангела Михаила, – начал Роська, сначала несмело, но постепенно набирая уверенности в голосе. – Ты, господин старшина, обещал и храм в его честь возвести. Из этого выходит, что мы выбрали для воинской школы небесного покровителя. А коли так, то и называться нам надо: «Воинская школа архангела Михаила». И праздновать надо в восьмой день ноября – Собор архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. А каждый день кроме прочих молитв надо начинать молитвой святому архистратигу Божию Михаилу. Вот так я думаю...

– Изрядно! – Илья в очередной раз расправил усы. – Смысленно, благочестиво и... правильно, одним словом!

– Я так понимаю, – прокомментировал Мишка, – что наставник Илья согласен. У кого-нибудь есть возражения, вопросы или иное мнение?

Возражений и иных мнений не последовало – действительно, спорить с Роськой было сложно.

– Ну что ж, господа Совет, если возражений нет, то, с вашего разрешения, позволю себе предложение урядника Василия дополнить.

«Пяльтесь, пяльтесь, я вас понемногу к парламентской лексике приучу. Такими златоустами станете – хоть с князьями беседовать, хоть посольскую службу править... хоть двам мозги компостировать! Никуда не денетесь, других кадров у меня все равно нет».

– Дополнение же у меня будет такое: школа – место, где детишки грамоте обучаются, мы же мужей воинских обучаем и будущих купцов. Уместно ли наше учебное заведение школой называть? Может быть, другое слово подобрать следует? Слово такое есть – «академия».

Так почти за четыре столетия до Рождества Христова назвал свою школу мудрец Платон. Среди наставников академии был и Аристотель – советник Александра Македонского, если помните, я вам о нем рассказывал. Просуществовала академия почти тысячу лет – пример для нас вполне достойный. Посему предлагаю впредь именовать нашу воинскую школу Академией архангела Михаила.

– Ну совсем мудрецами заделаемся! – Илья, видимо, решил, что пришло время ограничить полет мальчишеской фантазии. – Вот Корней возьмет палку да покажет вам и академию, и Ристотеля Македонского, и с какой стороны хвост у морковки растет! Вроде о деле собрались поговорить, а заехали незнамо куда... Нам же еще доказать надо, что школа наша – дело стоящее, а вы названия от древних мудрецов перенимаете! Не в названиях дело!

«Э нет, любезнейший! «Как вы яхту назовете, так она и поплывет!» Впрочем, дискуссия на пользу».

– Наставник Илья прав – доказать свою полезность нам еще предстоит, – Мишка слегка поклонился в сторону Ильи. – Но и название тоже дело важное. Имя учебного заведения у учеников должно порождать чувство гордости, а у чужих – уважение. Ну, назвали бы наши прадеды село на Ратным, а, скажем, Бабьим, помогло бы это им дикий край языческий покорить или помешало бы? Назовем мы нашу школу, к примеру, курятником. Вернутся ребята в Туров, их спросят: где учились? Какой ответ лучше, «в курятнике» или «в академии»?

– Так никто же не знает, что такое академия! – исполнил роль «штатного» скептика Демьян.

– И очень хорошо! – отозвался Мишка. – Значит, начнут расспрашивать, интересоваться, потом между собой обсуждать. От этого слухи пойдут, разговоры, глядишь, и еще учеников нам пришлют. Ну, решили с названием? Другие предложения есть? Тогда голосуем.

Демьян поднял руку вместе со всеми, но не преминул поинтересоваться:

– А если бы другие предложения были?

– Тогда голосовали бы за каждое в отдельности, – пояснил Мишка. – Приняли бы то, за которое подали бы больше голосов. Да чего ты дурочку строишь-то? Никогда не слышал, как голоса ратников на сходе считают?

– Слышал, – согласился Демьян, – но там, если голоса примерно поровну разойдутся, дело до следующего схода откладывается, потому что если половина против, толку все равно не будет.

– Угу. Потому-то до сих пор никак тын обновить и не можем. Нет, господа Совет, у нас так нельзя! Поэтому решения наши будут считаться принятыми даже с преимуществом в один голос.

– Но нас же десять! – продолжал цепляться Демьян. – А если по пять голосов разложится?

– А у меня два голоса! – нахально заявил Мишка. – Как у старшины Младшей стражи и как у председателя Совета академии! Кто-нибудь против?

– Сидателя чего? – переспросил Илья.

Возникло такое ощущение, что смысл слова «председатель» он прекрасно понял, но почему-то решил изобразить некоторую придурковатость. Мишка уже открыл рот, чтобы пуститься в разъяснения, но краем глаза уловил кривую ухмылку Демьяна.

«Внимание, сэр Майкл! Илья постепенно освоился с ролью единственного взрослого и решил вас слегка тормознуть, чтобы не заносились. Нормальный ход, поймите правильно и не вздумайте обижаться – теперь это будет повторяться периодически, не по злобе, а по праву совершеннолетнего мужа, оберегающего мальчишек от глупостей. Значит... надо не выезживаться, а поддержать, и самым что ни на есть решительным образом. Тем паче что это соответствует вашим планам».

– Слово «предстоятель» знаешь? Тот, кто над другими поставлен! Наш же Совет трудится сидя! На. Жо. Пе. – Мишка склонил голову и пристально посмотрел на то место, которым

Илья соприкасался с лавкой. – Так, например, как наш многоуважаемый господин наставник Академии архангела Михаила Илья Фомич.

– Вот еще... Фомич...

Илья неловко поерзал и в который раз принялся разглаживать растительность под носом: по всему было видно, что по отчеству его повеличали, может быть, впервые в жизни, а от длины и пышности собственного «титула» он даже слегка оробел. Кто-то из ребят хихикнул, отчего «начальника тыла» и вообще бросило в краску.

– Что смешного?! – рявкнул Мишка. – Илья Фомич нам великую честь и доверие оказывает! Он в Совете единственный взрослый муж, и любая глупость, которую мы здесь сотворим, на его совести грузом повиснет! Поживите с его, хлебните всего того, что он испробовал, потом хихикайте!

Судя по тому, как потупился Кузька, хихикал именно он, остальные ребята тоже засмутились (патриархальное общество, никуда не денешься), сам же Илья, еще недавно бывший простым обозником, похоже, был готов провалиться на месте – в жизни в подобной ситуации не оказывался.

– Посему, – продолжил Мишка официальным тоном, – надлежит нам просить уважаемого Илью Фомича принять на себя тяготу обязанностей старейшины Академии архангела Михаила и наделить его правом вето в Совете академии.

– Правом чего? – переспросил Дмитрий.

«Вовремя спросил – надо дать Илье время опомниться, а то совсем растерялся мужик».

– Право вето, – принялся неторопливо объяснять Мишка, – есть право одним своим голосом запрещать нам принимать любое решение. Мы, по молодости лет и неопытности, можем чего-то не знать или неправильно понимать, и Илья Фомич должен иметь возможность удерживать нас от неправильных решений. Или вы никогда не слыхали, как старики в Ратном отменяли решения схода?

«Черт его знает: было такое или нет? Наверняка хоть и редко, но бывало, не зря же дед, перед тем как решать судьбу семей бунтовщиков, стариков с серебряными кольцами собирал?»

Мишка молча несколько раз оглядел собравшихся, словно ожидая от них подтверждения своих слов, хотя вообще-то толком никто ничего сказать и не мог. Ни Илья, ни Кузьма с Демьяном на сходах не бывали, а остальные и вовсе были в Ратном пришлыми. Однако, как говорится, земля слухом полнится – Илья, прокашлявшись, заявил:

– Бывало такое, помню. В последний раз старики Пимена, покойника, не дали сотником избрать, даже и до счета голосов не допустили – «Нет», сказали, и все! Или вот еще случай был: приглянулся одной бабенке вдовой паренек из пленников, и она... Э-э нет, это, пожалуй, вам рассказывать рано...

– Значит, согласен старейшиной академии стать? – воспользовался паузой Мишка. – А, Илья Фомич? Челом бью от всего Совета! – Мишка, приложив руку к груди, склонил голову.

– Ну что с вами поделаешь? Гм... Вы же, со своими Ристотелями, это самое...

«Дался тебе этот Аристотель! Еще интеллигентами вишивыми обзови...»

– Словом, удерживать от дури всякой... м-да, надо, куда ж денешься, – с заметным трудом подбирая слова, продолжил Илья. – Но я же грамоте не разумею, про мудрецов древних и не слыхивал никогда... – бывший обозник поскреб в бороде, по-стариковски покряхтел, усаживаясь на лавке поудобнее. – Да и вы, ребята, уж больно шустры, станете ли старика слушать?

«Чего он тянет-то? Да! Ему же сразу соглашаться неприлично! По обычаю, надо помолиться, заставить себя поужговаривать... Ладно: политес так политес»

– Илья Фомич! Господин наставник! – завел Мишка проникновенным голосом. – Не о грамоте речь! О мудрости, о знании жизни, об опыте. Среди нас только ты один этими сокровищами обладаешь!

– Так-то оно так... – Илья неторопливо, с достоинством покивал. – Но тягота-то какая! Боюсь, непосильно мне будет, кабы нас несколько стариков здесь было...

– Управишься, Илья Фомич! – чуть ли не причитал в ответ Мишка. – Обычай, от пращуров заповеданные, ты знаешь, времена старинные помнишь...

«Как же, помнит он! «Старец – борода заплесневела». Лет на десять деда Корнея моложе. Да сколько ж эта комедия длиться будет? Как в сказке: «Мы, ученые коты, только с третьего разу соглашаемся». Так три захода уже было... А! Понял: хоровое исполнение требуется!»

– Господа Совет! – обратился Мишка к отрокам. – Просите господина наставника согласиться!

– Илья Фомич, яви божескую милость! – первым заныл, как нищий на паперти, Роська.

– Не оставь нас, сирых и убогих! – хором подхватило трио музыкантов. – Снизойди к молению смиренному!

«Ни хрена себе! Их что, Своята и побираться заставлял, что ли? Как по писаному ишпят!»

– Пролей свет мудрости... – проблеял Кузька.

– ...во тьму нашего невежества! – в той же тональности закончил за брата Демьян, окончательно повергнув Мишку в изумление. Ничего подобного он от братьев никогда не слышал, и где набрались-то?

– Будь нам отца вместо! – возгласил Никола и выпучился на Петьку, с запозданием осознав двусмысленность своей фразы.

Петька тоже уже открыл было рот, но после слов Николы так и не смог ничего из себя выдать. Остальные в течение нескольких минут то наперебой, то хором упрашивали Илью принять предложение и восхваляли его достоинства, как действительные, так и мнимые. Музыканты, к примеру, видимо, отработывая давно заученный текст, даже повеличали бывшего обозника образцом христианского благочестия, светочем благонравия и мудрым советчиком начальных людей, Мишка прямо-таки обалдевал, а кандидат в старейшины то приосанивался, то конфузился, краснея и теребя под столом подол рубахи.

Наконец Илью проняло – привычки к подобным изъявлениям почтительности у него не было, и долго выдерживать хор славословия он не смог. Бывший обозник замахал руками и объявил, перекрикивая гнусавый хор:

– Ладно, ладно! Так и быть! Согласен, уговорили! – Илья оглядел отроков и строго погрозил пальцем. – Но смотрите у меня, баловства и прочей дури не попусти!

– Встать! – скомандовал Мишка, хотя в процессе хорового уламывания все и так поднялись на ноги. – Господа Совет! Честь старейшине Академии, господину наставнику Илье Фомичу!

Следом за старшиной Младшей стражи все склонились в большом поклоне, коснувшись вытянутой правой рукой пола. Новоиспеченный старейшина растроганно хлопнул носом.

«М-да, сэр Майкл, помните, как один матерый смолянский чиновник рассказывал вам о страшной силе лести? Не только вороны сыр роняют, генералы и министры расплываются, как мороженое на солнышке. Порой лучше взятки действует. Илья даже и не подозревает, на что подписался. Это он сейчас растрогался, а в недалеком будущем натурально озверевает. При первом же контакте с ратницами, которые по-прежнему будут относиться к нему как к пьянице-обознику, он сразу же ощутит разницу своих статусов – в Ратном и в Академии.

Вернуться в прежнее состояние – односельчанина второго сорта... Легче повеситься. За свой новый статус Илья будет драться, как его былшинный тезка из Мурома, а значит, будет драться и за нас, потому что без Академии он – никто. При малейшей угрозе потери своего нового положения (пусть даже только воображаемой) он станет страшнее взбесившегося Сучка с топором еще и потому, что умен, хладнокровен и за словом в карман не лезет. Любой,

кто попытается отнестись к нам как к сборищу сопливых мальчишек, напорется теперь на Илью, как на кол в волчьей яме.

А вы, сэр, из-за спины Ильи, пользуясь его положением совершеннолетнего мужчины... М-да, в этом-то и заключается сила и ужас манипуляции как метода управления. Ни заставлять, ни просить не нужно, сам костями ляжет. Вот так же и в девяносто шестом за Ельцина голосовали десятки миллионов, хотя уже были и приватизация, и потеря вкладов, и массовое обнищание, и «горячие точки», и развал науки, культуры, образования, промышленности, армии... Тоже манипуляция. Паскудство, конечно, так использовать людей, но в случае с Ильей замена равноценная: прорыв наверх из социальных низов и обеспеченное будущее детей. За такое не грех и подраться. Во всяком случае, вас, сэр, совесть мучить не должна».

– А налей-ка нам, Василий, кваску, – предложил Мишка своему крестнику. – Под такое событие, конечно, чего бы покрепче стоило принять, да Илья Фомич не позволит...

– Да! Не позволю! – мгновенно отреагировал новоиспеченный старейшина академии. – Молоды еще чего покрепче!

Роська шустро расплескал квас по кружкам, и Мишка торжественно возгласил:

– О здравие старейшины Академии архангела Михаила господина наставника Ильи Фомича!

– Слава! – грянули хором отроки, подобно завсегдатаям княжьих пиров.

Илья заглянул в опустошенную кружку, будто надеясь узреть в ней некую иную жидкость, нежели квас, вздохнул огорченно, но к Мишке обратился бодреньким деловым тоном:

– Ну, Михайла, чего там у нас дальше-то?

– Дальше? – Мишка уже хотел было напомнить, что Совет собирался утвердить знамя академии, но тут, в силу какой-то непонятной ассоциации (может быть, из-за воспоминаний о президентских выборах 1996 года?), в голове всплыло ельцинское: «Не так сели!» – Дальше... Урядник Петр, поменяйся-ка местами с наставником Ильей! Старейшине надлежит располагаться по правую руку от председателя Совета академии.

Петька, хоть и с недовольной миной, исполнил распоряжение безропотно, но, пересев, оказался бок о бок с Николой!

«Как я не подумал-то, сейчас же перегрызутся! Пусть только попробуют, обоих отметлю... а Роська с Митькой помогут!»

Против ожидания конфликта не случилось – Никола лишь отодвинулся подальше и настороженно покосился на братца, а Петр вообще сделал вид, что сидит рядом с пустым местом. То ли Мишкина угроза подействовала, то ли еще что-то, но вмешиваться, а тем более применять физические меры воздействия не понадобилось.

– Ну что ж, продолжим. Мы, господа Совет, так и не решили: что должно быть изображено на знамени академии? – напомнил собравшимся Мишка. – Вы тут много чего наговорили, но забыли о главном – знак этот должен быть знаком Лисовинов и передавать главный смысл деяний нашего рода как в прошлом, так и на многие годы вперед. Прошу вас припомнить, что каждый из вас предлагал, и подумать: годится ли это для обозначения лисовиновского дела?

– Я! – радостно встрепенулся Кузька. – Я в самом начале предлагал лиса нашим знаком сделать!

– И это правильно! – Мишка полез в малый подсумок и вытащил бронзовую фигурку лиса, подаренную ему Ильей. – Вот наш родовой знак.

Дмитрий в очередной раз слегка покривился – сегодня все будто сговорились действовать ему на нервы: сначала у Кузьки в подсумке орехи оказались, потом у самого старшины статуэтка обнаружилась. Сплошные нарушения! Остальные устали на бронзового лиса в тягостной задумчивости: как изобразить главный смысл деяний рода Лисовинов, да еще и совместить его с изображением лиса? Мишка решил не мучить аудиторию, потому что герб рода Лисовинов продуман был им уже давно, а ребята все равно ничего путного не придумают.

– Знаменем нашим должен быть лис, несущий в передних лапах сияющий крест, на черном поле.

Некоторое время в горнице стояла тишина, потом раздался голос Роськи:

– Зверю дикому и бездушному в лапы Крест Святой давать?

– Не зверю, а образу нашего рода! – поправил Мишка и, вспомнив отца Михаила с его «зверем Велеса», добавил: – Совмещающая лиса и крест, мы, кроме прочего, опровергаем темные языческие суеверия о скотьем боге Велесе. Лис, несущий в лапах крест, не может быть подвластен языческому богу!

– А почему на черном поле?

– В этом и есть главный смысл деяний нашего рода: несение света Истинной Веры во тьму язычества. С этим наши пращурьы пришли в Погорынье сто лет назад, это святое дело возглавили Лисовины, когда прадед Агей Алексеич стал сотником, это же дело продолжать и нам! Черное поле – тьма языческая, лис, несущий сияющий крест, – род Лисовинов. А в подтверждение того на знамени будет надпись: «На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся веки!»

Роська понимающе кивнул и о чем-то задумался, но неожиданно возражение нашлось у Артемия:

– Как-то оно... – Артюха неопределенно пошевелил в воздухе пальцами, – лис, он же хитрый, коварный...

– Не хитрый, а умный! – поправил Мишка. – Приходится умом брать, потому что слабее тех же волков, рысей, медведей. Но если надо, то и зубы показать может, и крови не боится!

– Верно! – поддержал Мишку Илья. – Когда наша сотня в Погорынье пришла, она же слабее всех вместе язычников была, однако выстояла и победила! И Корней хотя воин изрядный, не отнимешь, но все больше норовит умом взять, а не силой. Сыновья у него тоже – Фролто больше, конечно, воином был, а Лавр муж умственный, кузнец каких поискать! И внуки у Корнея... – Илья, кажется, решил вернуть все комплименты разом. – Михаила науки превзошел, Кузьма не хуже отца мастером станет, Демьян... – старейшина академии запнулся, не найдя подходящей к случаю характеристики, – ...ничем братьев не хуже, а Сенька, даром что дите еще, сам не свой до оружия да до драки – в отца пошел. Вот они, Лисовины: сила, ум и благочестие!

«Угу, благочестие. Послушал бы ты дедовы откровения по поводу выгоды христианства для хозяина холопов».

– Благодарствую на похвальном слове, господин наставник! – Мишка в очередной раз слегка поклонился в сторону Ильи. – Еще кто-нибудь сказать чего хочет?

Выдерживая положенную после такого вопроса паузу, Мишка оглядел присутствующих и зацепился взглядом за мрачно-удовлетворенную ухмылку Демьяна. Было похоже, что Демка не просто обиделся на то, что для него не нашлось персонального комплимента, а испытал при этом что-то вроде самоедского удовольствия, мол, так я и знал: как всем, так похвалы, а как мне, так фигу с маслом.

«Что-то с парнем происходит, срочно надо к Нинее тащить!»

– Клеймо трудно сделать будет, – озабочился техническим вопросом Кузьма. – Чтобы знамена на деревьях выжигать.

– Придумаешь что-нибудь, – отмахнулся занятый другими мыслями Мишка. – Заодно поразмысли: из чего и как сделать щит с нашим знаменем, который над воротами крепости повесим.

– Так и ворот еще нет! – удивился Кузька.

– Нет – так будут! Нинья обещала после Велесова дня работников прислать, строительство сразу ускорится...

– Не Велесова, а дня Преображения Господня! – поправил Роська таким тоном, словно прямо сейчас, не сходя с места, готов был принять муки и смерть за веру, подобно первохристианам.

«Достал, святоша! Хотя приличия соблюдать все-таки надо. Назвался христианином, полезай в... неважно, куда христианину положено, туда и лезь. Кстати, Пимен покойный, кажется, про Велесов день что-то другое толковал, кажется, про святых Бориса и Глеба. Перепутал или речь о разных днях идет? Блин, мне только еще этих заморочек не хватало!»

– Срок назначала боярыня Гредислава, – Мишка всем своим видом показал крестнику, насколько неуместно тот влез со своей поправкой. – Ей удобнее считать от Велесова дня, вот она так и считает. Учитесь слушать и понимать других людей, не будьте баранами упертыми!

– Да, но промеж своих-то... – не желал успокаиваться Роська.

– Хватит! – оборвал его Мишка. – О другом речь! Все, о чем мы до сих пор говорили, только присказка была. Про дела по-настоящему серьезные только сейчас речь вести будем. Уже, наверно, подзабыли за разговорами, что вы, господа Совет, еще и второе решение приняли? Так я напомним: главная наша задача – доказать, что воинская школа... Академия архангела Михаила дело стоящее. Сделать нашу академию такой, чтобы бояре и купцы сами к нам отроков на обучение вели. Вспомнили?

Мишка дождался, пока на его вопросительный взгляд каждый из присутствующих ответит кивком или другим утвердительным знаком, и продолжил:

– Тогда прошу каждого сказать, что, на его взгляд, мешает нам успешно эту задачу выполнить и что надо сделать, для того чтобы положение исправить? Только говорить прошу так, как мы уже согласились – с обоснованием. Не просто: то-то и то-то, а почему так сложилось и как это исправить.

В горнице, уже в который раз, повисла тишина. Можно было, конечно, задав этот вопрос, объявить перерыв, например, до завтра и предложить подумать. Пользы, скорее всего, было бы больше, но Мишка добивался совсем иного эффекта. Вот так – сразу, без подготовки, члены Совета заговорят в первую очередь о тех проблемах, которые представляются им наиболее важным, волнуют больше всего. По поднятым ими темам можно будет судить об их склонностях, а следовательно, и об участке работы, который им можно будет поручить.

«Ну-с, сэр Майкл, вот сейчас-то момент истины и наступит. Все, что вы разыгрывали до сих пор, было только «разогревом» аудитории, настройкой ее на нужный склад мышления. Радиальный тип системы управления, с которого только и стоит в нынешних условиях начинать какое-то серьезное, на долгие годы, дело, в графическом изображении напоминает паутину или несколько концентрических окружностей, рассеянных радиусами. В каждом узле (месте пересечения радиуса с одной из окружностей) находится один человек – ближний, как ЗДЕСЬ принято выражаться. В центре «паутины», разумеется, лидер.

Радиальный тип системы управления самый надежный в смысле самосохранения, наиболее защищен от внешних воздействий и, даже утратив вследствие неблагоприятных обстоятельств подчиненные структуры, способен быстро их восстановить. Кадровые потери тоже легко возмещаются перемещением с внешней окружности на внутреннюю. Кроме того, «паутинка» великолепно защищена от проникновения в нее посторонних субъектов и от несанкционированных утечек информации, поскольку кадры в ней подобраны по принципу личной преданности. В этом заключается ее главное достоинство. Увы, и главный недостаток тоже, поскольку выбор между профессионализмом и личной преданностью делается в пользу последней.

Недостаток профессионализма компенсируется привлечением экспертов (когда без этого не обойтись), но, главное, работой методом «мозгового штурма» – все занимаются всем (или почти всем), все знают обо всем (или почти обо всем). Плюс к этому то, что вы, сэр Майкл, сейчас и собираетесь проделать – выявление склонностей кадров из ближнего круга.

Если «попасть» удачно, кадры будут заниматься тем, что им более подходит по складу характера и кругу интересов. В такой ситуации наиболее вероятен рост уровня профессионализма, без потери достоинств системы управления радиального типа. Не кадры подбираются под работу, а работа под кадры.

Пока, разумеется, формируется только внутренний круг, ближайший к лидеру. Здесь информированность кадров должна быть почти стопроцентной и нет запретных для обсуждения тем. И здесь же между членами ближнего круга должны быть распределены все зоны ответственности без исключения. Или справятся или... нет, об этом даже думать неохота.

Ну, Господи, благослови меня, неверующего!»

– Господа Совет! – прервал Мишка затянувшееся молчание, – позволю себе напомнить вам одну мысль мудрецов-книжников, которая напрямую касается того, что мы намерены обсудить. Существует положение дел имеющееся, и существует положение дел желательное. Правильно поняв разницу между ними – между тем, что имеем, и тем, чего хотим, можно понять и то, что требуется сделать для достижения положения желательного. Когда будете высказываться, так и говорите: сейчас у нас так, хотелось бы сделать вот так, а для этого нужно это и это. Господин советник Академии архангела Михаила Матвей... как тебя по батюшке?

– Корнеич. У меня же господин сотник крестным отцом был, – Мотька ответил так, словно давно готов был к подобному вопросу.

«Ну да, Роську же Василием Михайлычем величать придумали – по крестному отцу. Но как конспирируется парень, ни бита информации о прошлом! Тоже проблема, но не срочная, будем надеяться».

– Итак, господин советник Академии архангела Михаила Матвей Корнеич! Первым слушаем твое мнение. Что считаешь нужным сказать?

И снова ни секунды задержки, ответ уже готов и обдуман:

– Бабье из крепости убирать надо! От них одно беспокойство и беспорядок, даже наш Совет с них начинать пришлось! Дело не только в Николе и Дмитрие, другие парни тоже на девок заглядываются, друг на друга косятся, долго ли до беды? Ведь воинскому делу их обучаем, не дай бог, нашу науку из-за девок друг на друге пробовать начнут. Никола вот сегодня за нож уже хватался! Мое мнение: бабья в академии быть не должно!

«Первый же выстрел «в молоко»! Ведь намеренно же с него разговор начат, потому, что его специализация уже известна, а он о медицине ни слова!»

– Правильно! – поддержал Матвея Дмитрий. – Коней и так не хватает, так еще их девкам для учебы давать надо! Прощка и так уже как зверь рычит, боится, что скотину загоняем, да еще Мефодий поддакивает!

«Угу. А ты, кроме заботы об учебе, быстренько сообразил, что так Аньку можно подальше от Николы убрать. Интриган из 5“б”, едрена вошь!»

– Страхов-то развели! – изобразил притворный ужас Илья. – Друг друга зарежут, коней загоняют! Что? Если девок верховой езде не учить, то коней сразу на всех хватит? Ой ли? А в Ратном чего же это молодые ратники из-за девок не режутся? Тебя, Мотька, послушать, так все Ратное уже давно вырезанным должно быть!

– Не-а! В Ратном совсем другое дело! – вмешался Кузьма. – Там мужей мало, а девок много. Не одна, так другая, только рады будут!

«Ну давай, давай дальше! Что ж ты на полуслове остановился?»

Кузьма Мишкино горячее желание не уловил – выдал аргумент, основанный на статистическом распределении гендерных группировок, и умолк.

– И что же ты предлагаешь? – попробовал подтолкнуть двоюродного брата Мишка.

– Ничего, – отозвался с безмятежным видом Кузька. – Просто сказал, что нельзя сравнивать.

– А я сказал, – Мишка с трудом сдержался, чтобы не повысить голос, – что сравнивать как раз надо! То, что есть, с тем, что хотелось бы иметь! Ну-ка, думаем все! Есть два поселения с воинскими людьми. В одном из-за девок не режутся, в другом вот-вот начнут. В чем разница? Что надо сделать, чтобы разницы не стало?

– Да ты что? Спятил? – Матвей задумываться и не собирался, смысл Мишкиного намека уловил сразу. – Совсем академию в бабье царство превратить решил?

– Это как? – не врубился Илья.

– А вот так! Он хочет нам еще девок добавить, чтобы как в Ратном: всем хватало и еще оставалось!

– Хе-хе! И где ж ты их столько возьмешь?

– Сами прибегут, только разреши, – Мишка пожал плечами – в Ратном девки-перестарки чуть ли не стадами ходят, а тут больше семи десятков женихов.

– Так язычники же... ой! – Илья изумленно вскинул брови и хлопнул себя ладонью по губам. – Уже не язычники! Ну Михайла! Ну...

– Итак, господа Совет, есть два предложения: убрать девок или добавить с избытком. Какое лучше? Голосуем или еще обговорим?

– Гнать! – Матвей решительно прихлопнул по столу ладонью.

– Если придут, то только со своими конями, – выставил условие Дмитрий.

– И с кормом! – тут же добавил Илья. – Сено, там, овес... и для себя тоже! Такую ораву кормить...

– Один за то, чтоб гнать, двое за то, чтоб звать! – объявил Мишка. – Остальные?

– Можно мне? – как-то очень аккуратно (прямо-таки по-интеллигентски) спросил Артемий. – Только не перебивайте, у меня длинно получится.

– Про девок всегда так, – поведал обществу Демьян, – или одним словом, или длинно, да еще...

– Ты-то что о девках знаешь? – оборвал его Илья. – Только языком трепать и можешь!

– Тихо! – повысил голос Мишка. – Слушаем господина советника академии Артемия...

– Батюшку покойного Исидором величали, – подсказал Артюха.

– ...Артемия Исидорыча!

– Мы чего хотим? – неуверенным тоном начал Артемий. – То есть я хочу сказать: кого мы из отроков вырастить хотим? Из Нинеиных отроков... ну и из других тоже, то есть из купеческих ребят мы никого не вырастим, они весной уедут, но...

Артемий окончательно запутался, но Мишка, уловив в его подходе зерно истины, поспешил помочь:

– Ты хочешь сказать: какой результат мы должны получить, кроме воинского обучения?

– Да! – обрадовался Артемий. – Илья сказал... Илья Фомич сказал, что года через два-три все попереженятся, и я подумал: на ком? И еще: какими они отцами семейств будут? Ну там: чему детей учить станут, как с женами обращаться, дом обустроить... В общем, если только воинскому делу учить и больше ничему, то они же так и останутся такими, как их в языческих селищах воспитали, – чужими нам. А надо-то, чтобы своими стали, чтобы Кузьма не считал, как сейчас: столько-то наших, столько-то не наших.

Артемий немного помолчал, а потом зачастил, словно опасаясь, что его перебьют:

– Я почему так говорю? Вот у меня шестнадцать отроков музыке учатся. Я же их не только играть учу! Мы и про жизнь разговариваем, и про веру христианскую, про ратнинскую сотню, про тебя, Минь...

Артемий снова замолчал и смущенно глянул на Мишку, тот поощрительно покивал и жестом остановил Демьяна, собравшегося вставить какое-то (наверняка язвительное) замечание. «Дирижер оркестра», уловив Мишкину поддержку, набрал в грудь воздуха и, словно кида-ясь в холодную воду, выпалил:

– У них же радостей в жизни никаких нет! Учеба – наказание, наказание – учеба. Поесть, поспать и опять: учеба, наказание, наказание – учеба. С чего им нас полюбить? Как поверить, что наша жизнь лучше, чем та, которая у них раньше была? Ну давайте у них последнюю отдушину закроем – вечерние посиделки с девками. Кого вырастим? Зверей рыкающих, нас ненавидящих... или только терпящих – ради учебы. Вот тогда-то они нам в спину и ударят!

Артемий раскраснелся, чувствовалось, что он пытается облечь в слова выстраданные мысли, но слов не хватает. Он опять замолчал, подбирая нужные формулировки, но смысл его речи настолько далеко отстоял от тем обыденного повседневного общения, что это оказалось почти непосильным для подростка делом. Мишка снова решил прийти ему на помощь, но Артемий сам «вырулил» на соответствующую его мыслям стилистику:

– Бог есть любовь! Не войне их учить надо, но любви! Если есть что любить, тогда есть и что защищать. Если за спиной дом, семья, друзья... все, что дорого, за что не жалко голову сложить, – ты воин. Если ничего этого нет – ты зверь с железными когтями. Их из дому забрали, всего лишили... Если мы не дадим им ничего взамен... того, что любить можно... я не только про девок говорю...

Артемий снова замолчал, растерянно оглянулся и неожиданно ткнул указательным пальцем в сторону Роськи.

– Вот! Мы сейчас зверей Велеса натаскиваем – учим их убивать. Отец Михаил – помнишь, Роська? – говорил, что зверя Велеса надо из них крестом и молитвой изгонять. Я не согласен! Его убивать надо! Любовью! Бог есть любовь, и нет силы, которая против нее устоять может!

«Какой молодец! Елки-моталки! В самую суть! Ни слова не слышал ни о психологии, ни о педагогике, ни об управлении, но чувствует гармонию не только в музыке, но и в человеческих отношениях! Вы-то, сэр, от Кузьки-технаря чего-то путного ждали, а про Артюху-гуманитария и не думали. Непростительный промах, позвольте вам заметить. Он ведь мог и промолчать – постесняться, не найти нужных слов.

Припомните-ка шестидесятые годы – спор «физиков» и «лириков»: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне!» Казалось, тогда победили физики: ученых-технарей чуть ли не богами представляли, конкурсы в технические вузы бешеными были. «Физика поставила человечество на грань гибели, она же его и спасет!»

Но как «лирики» отыгрались четверть века спустя! Державу развалили, сами в «дерьмократов» и «либерастов» превратились, считай, и себя, и всю страну на алтарь положили, надеясь доказать на деле весь ужас бездуховности и тупиковость возведенной в абсолют централизации. Но получилось-то «с точностью до наоборот»: массовое сознание ухнуло в такое болото бездуховности и безнравственности, что хоть «караул» кричи. Ребята в Чечне поднимались в атаку с криком: «За ВДВ!», потому что большие не за что было! Уж лучше: «За Родину, за Сталина», как бы «тоталитарно» это ни звучало.

Артюха тысячу раз прав: у ребят должно быть что-то, за что стоит подниматься в атаку. Лорд Корней, кстати, об этом тоже толковал. Это «что-то» должны дать им мы, иначе даст кто-нибудь другой. Да Ниня, наверно, уже и дала. Значит, наше воздействие должно быть сильнее... Что именно? «Во славу Божью!» для них не катит. Может быть, семья, дом? Ладно, потом разберемся, сейчас Артюху поддержать надо... Тпру, сэр! Четырнадцатилетний подросток на такие речи адекватно реагировать не может! Для этого вы сами старейшину «изготовили», вот он пускай и поддерживает».

– Илья Фомич!

Илья, вместе с остальными ввергнутый монологом Артемия в изумленное молчание, не сразу отреагировал на Мишкино обращение. Пришлось повторить:

– Илья Фомич! Правильно ли я понял, что Артемий Исидорыч говорит не только об обучении, но и о воспитании отроков?

– Вас самих еще воспитывать и воспитывать, – недовольно пробурчал «начальник тыла». Кажется, речи Артемия настроили его на лирический лад, а Мишкино обращение вызвало раздражение.

– С этим не спору, – покладисто согласился Мишка, – но прав ли господин советник академии Артемий Исидорыч?

– Прав, чего там, прав, конечно.

– А можно ли правильно воспитать отроков, – продолжил Мишка, – если вокруг них только те же отроки, несколько взрослых мужей и больше никого? Если живут они в казарме и, кроме учебы, ничего не видят?

– А то ты сам не понимаешь? – Илья сделал вид, что сердится. – Раз спрашиваешь, значит, понимаешь! Да только где ж им всем мамку-то возьмешь? Одних девок-то мало будет.

– Это потом. Придумаем что-нибудь. Сейчас надо решить вопрос, который поставил Матвей Корнеич: гнать девок или, наоборот, еще призвать? Кто еще считает, что девок из академии надо гнать?

Мишка выдержал приличествующую паузу, оглядел сидящих за столом и констатировал:

– Больше никто, – обернулся к Матвею и развел руками. – Извини, господин советник, решение не принято.

Матвей слегка поморщился, но особого огорчения не выказал, и Мишка счел возможным продолжить:

– Напоминаю, господа Совет: мы сейчас обсуждаем то, что надо сделать, чтобы наша академия стала делом...

– Стала делом стоящим, – перебил Демка. – Чего каждый раз повторять-то?

– Хорошо, – не стал обижаться Мишка, – тогда слово господину советнику Демьяну Лавровичу.

– А чего мне-то?

– Все по очереди высказываются: Матвей Корнеич предложил девок изгнать, Совет не согласился, Артемий Исидорыч предложил воспитанием отроков заняться, Совет, как я понимаю, не возражает, но дело тут серьезное, и я считаю, что всем надо над этим подумать и посвятить этому вопросу специальное собрание Совета. Теперь твоя очередь высказываться.

– Не знаю я... подумать надо, – Демка, по всему было видно, действительно не был готов озвучить какую-то серьезную проблему. – Сказал бы раньше – я бы подумал.

«Угу, критиковать, конечно, легче. Подумайте, любезнейший кузен, подумайте».

– Ладно, в следующий раз. Кто следующий?

– Я, наверно, – вызвался Кузька. – Людей надо в мастерские прибавить, не справляемся.

– Э-э нет, так дело не пойдет! – «тормознул» Кузьму Мишка. – Каких людей? Для чего? Сколько? С чем не справляешься? Забыл, о чем договаривались? Что есть, что хотелось бы, что для этого надо?

– Что есть? Сам знаешь: лесопилка, кузница, мастерская для самострелов, мастерская с ножными станками, яма для обжига кирпичей и черепицы. Людей не хватает везде, но я понимаю, что взять их неоткуда. Полевые и огородные работы закончатся, тогда будем народец к делу в мастерских приставлять, а вот двоих Нинеиных ребят ты мне прямо сейчас отдай.

– Ты меня как будто не слышал, Кузьма Лаврович! – недовольно заметил Мишка. – Еще раз напоминаю: что имеем, что хотелось бы иметь, что для этого надо? Давай-ка повнимательнее, братец.

– Непонятливый ты какой, Минь, я же говорю...

– Михайла Фролыч! – с напором поправил Мишка. – Здесь Совет академии, а не посиделки с девками! Изволь разговаривать вежливо!

Кузьма удивленно поморгал глазами, а потом повторил тем же тоном:

– Непонятливый ты какой, Михайла Фролыч, я же говорю: хотелось бы еще многого, но пока мы не справляемся и с тем, что есть. Что сделать, чтобы справляться? Ждать, пока закончится работа на полях и огородах. Чего непонятного-то? Можно, правда, и не ждать, а вести академию в поход холопов добывать. Только вот пупок не надорвать бы.

– Много тебе пользы будет, когда работы на земле закончатся? – влез Демка. – Людям надо будет жилье к зиме обустраивать, в лес по грибы-ягоды ходить, коптить-солить-квасить запасы на зиму. Так прямо все в твои мастерские и побегут! До снега никого не получишь, и не думай.

– А я и не думаю! – легко согласился Кузьма. – После снега так после снега. Только Минь... Михайла Фролыч, двоих – Киприана и Назария – ты мне дай.

– Почему именно их? Для чего? – поинтересовался Мишка, хотя уже догадывался о причинах Кузькиного выбора.

– У них голова хорошо работает, не то что у некоторых! – Кузька покосился на брата и тут же заработал тычок локтем в бок. – Их недавно наказали – назначили по сотне ведер воды на кухню притащить. Таскать-то далеко, больше сорока шагов, сами знаете. Да достать из колодца, да на кухне в бочки разлить.

– Вот-вот! – опять встрял Демка. – Где колодец, а где кухня! Построили! Строители, руки из заду! Зодчие... раскоряки.

– А ну-ка помолчи! – цыкнул на Демку Илья. – Сам ничего не придумал, так другим не мешай!

– А я еще придумую! Я вам такое придумую...

– Цыц! – Илья прихлопнул ладонью по столу. – Сиди и думай, чем нас удивить! Только молча – думать молча надо, если не знаешь! Так что там с Киприаном и Назарием, Кузьма... э-э... Лаврович?

– Они себе облегчение придумали, – принялся объяснять Кузька. – Стащили у Сучка несколько выдолбленных половинок бревен, ну вроде как желоба. Выложили их с наклоном от колодца к кухне – и пошло дело! Один воду достает и в желоб выливает, другой ведра под желоб подставляет, а наполненные в бочку переливает. Я их спрашивал: где они такое видели? Говорят, что сами придумали. Отдайте их мне – ребята на выдумки горазды!

Мишка видел приспособление двоих «изобретателей», слышал, как ругалась на них Плава за то, что устроили возле кухни настоящее болото из пролитой мимо ведер воды и натащили внутрь грязи, но как-то и в голову не пришло посчитать их затею каким-то великим изобретением. По-видимому, он так и не научился смотреть на окружающую действительность глазами человека XII столетия.

– Господа Совет! Имеются ли возражения против передачи отроков Киприана и Назария в подчинение господину оружейному мастеру Младшей стражи?

– Это – Нинеины люди, – опять вставил свой крючок Демка. – Мы их воинскому делу учить взялись, а не... этому самому... ну чем Кузька занимается.

– Не Кузька, а Кузьма Лаврович! – снова поправил Мишка. – С Нинеей я сам договорюсь, а то, чем Кузьма Лаврович занимается, называется «техникой». Слово «tehne» древние греки придумали. У них оно означало: искусство, мастерство, умение. Мы же под словом «техника» должны понимать все те приспособления, которые человек придумывает для облегчения или ускорения своего труда, то, что в природе не существует, но создано силой человеческой мысли. Способности к техническому мышлению и выдумке – дар от Бога, такой же, как способности к музыке или лекарскому делу – редкость, короче говоря. Боярыня Гредислава, я думаю, это понимает и противиться не станет. Других возражений, господа Совет, не имеется? – Мишка для приличия выдержал паузу, хотя и так все было ясно. – Нет? Значит, решение принято. Кузьма Лаврович, забирай отроков к себе.

– Мне бы еще молотобойцев... – попробовал использовать благоприятную ситуацию Кузьма.

– Нету! – отрезал Мишка. – Придумай, как молот водяным колесом поднимать.

– Чего-о-о?

– Того! Колесо такой молот поднять может, что ни одному молотобойцу не под силу. Думай! Создавай технику!

– Михайла Фролыч... – еще более робко, чем в прошлый раз, подал голос Артемий, – ты говоришь: талант – редкость. А сам: и музыку, и стихи, и еще всякое... колесо, вот теперь с молотом...

Раньше Мишка от таких вопросов вздрагивал, но постепенно линия поведения выработалась, и сейчас он ответил, практически не задумываясь:

– Нет у меня никаких талантов! Все оттого, что меня три самых умных человека в Погорынье учат: сотник Корней, боярыня Гредислава и отец Михаил. Нечего на меня, как чудо-юдо заморское пялиться! А знаний я не прячу, готов всем, что мне известно, с вами поделиться. Но не все же сразу, ты вон еще и грамоту как следует не освоил, хотя Роська... тьфу, Василий Михайлович тебя и твой оркестр хвалит: говорит, что вы быстрее других учитесь. Так, Василий Михайлович?

– Отче Михаил тебя учил, а ты его обидел, – отозвался невпопад Роська.

– Хватит! Говорено уже об этом, – Мишка только имитировал раздражение, на самом деле Роська помог увести разговор от скользкой темы. – Кто у нас там следующий? Господин советник Академии архангела Михаила Дмитрий Лукич, что скажешь?

– Я уже говорил, – заявил твердым голосом Дмитрий, – отроков надо учить по-разному. Тех, кого боярам возвращать надо, – на конных лучников. Опричников... ты прости, Минь... Михайла Фролыч, я без тебя с господином сотником разговаривал, так он сказал, что опричники дело хорошее и их поболее надо. Еще мне Яков рассказал, что ты ему предлагал десяток для тайной лесной войны собрать. Я так думаю, что ты хочешь кого-то вроде тех «пятнистых», которые тебя чуть не убили, выучить. Правильно я понял?

– Г-м, правильно, – на самом деле о разговоре с Яковом Мишка, к своему стыду, позабыл. Столько всего произошло, такие заботы навалились... – Все правильно, только надо с отроками разобраться: кто к чему больше способностей имеет?

– Да мы в общем-то уже разобрались, – Дмитрий говорил уверенно и толково, словно заранее готовился к выступлению на Совете. – Отроки подходящие есть. Если ты Якова урядником утвердишь, то Стерв готов два десятка «пятнистых» обучить.

– «Разведчики» это называется, – пояснил Мишка. – От слов: выведывать, проведывать, разведывать. А эти два десятка будем называть «разведка». Только почему ты Якова простым урядником хочешь поставить? Если под ним два десятка ходить будет, то надо старшим урядником назначать.

– Рано! Пусть сначала научится урядником быть, – все в той же уверенной манере ответил Дмитрий. – А за всем остальным я сам присмотрю. Думаю, что эту... разведку надо вместе с опричниками учить – опричникам лишние знания не помешают, они все должны уметь!

– Согласен! – Мишка спохватился, что не спросил мнения Совета, но, кроме него, этого, кажется, не никто заметил.

– Теперь о лучниках, – продолжил Дмитрий. – Мы с наставником Алексеем присмотрели двадцать семь человек из отроков боярыни Гредиславы, которые хорошо из лука бьют. Вместе с отроками других бояр получается четыре десятка. Учить их наставники Алексей и Прокопий берутся. У Прокопия, правда, вместо правой руки крюк железный, но он до ранения в десятке Луки был, не покажет, так расскажет. Одна беда: наставники есть, а командира нет. Ставить кого-то из людей боярыни Гредиславы я не хочу, а наши все заняты.

– Придумаем что-нибудь, – Мишка не нашелся с ответом сразу и решил разобраться с «командным составом» позже. – Кузьма Лаврович, доставай опять свои орехи, будем снова считать.

– Значит, наших – двадцать, у Первака – десять, двое – ко мне, разведка... – принялся считать Кузька, раскатывая по столу орехи.

«Блин, счеты! Как вы, сэр, раньше-то не вспомнили? «Деревянный калькулятор» аж до конца XX века продержался, и считали умельцы на них довольно шустро. Надо на «платном отделении» вводить, обязательно!»

– Остается сорок один человек! – доложил итог подсчетов Кузьма. – Четыре десятка ни туда ни сюда: в разведчики не годятся, в лучники тоже.

– Значит, будут стрелками! – заключил Мишка и осекся, увидев страдание в глазах Артюхи. – Дмитрий Лукич, а кто из тех, кого в лучники и в разведчики отбираем, в оркестре у Артемия играет?

– Не знаю, – Дмитрий впервые утратил уверенность, и на лице его отразилась досада из-за невозможности ответить на поставленный вопрос. – Разберемся.

– Я тебя прошу, не разоряй оркестр, – Мишка и сам до сих пор не мог разобраться, почему он так заботится об этой в общем-то излишней роскоши, отвлекающей ребят от учебы. – Давай им какое-то время для игры определим, хоть понемногу, но каждый день.

– Каждый день? – Дмитрий неодобрительно покосился на Артемия. – Это когда же? И сколько?

Мишка на несколько секунд задумался. С часами ЗДЕСЬ была сушая засада – во-первых, время определялось на глазок, по движению солнца, во-вторых, часы летом были длиннее, чем зимой.

– Давай-ка решим так: последнюю четверть времени между обедом и ужином. Ну и после ужина, если сами захотят.

– Хорошо, – Дмитрию Мишкино предложение не понравилось, но спорить он не стал – пусть играют.

– Итак, господа Совет, принимаем решение по учебным группам: опричники, разведчики, лучники, стрелки. Ну и охрана обозов, конечно. Возражения есть?.. Принято! Теперь, – Мишка повернулся лицом к Петру, – твоя очередь, Петр Никифорович.

– То, что сейчас есть, меня устраивает... почти. Для того чтоб стало еще лучше, надо сделать два дела, – чувствовалось, что Петька слушал разговор очень внимательно и теперь старается доложить лучше всех – таким же уверенным, деловым тоном, как Дмитрий, и строго придерживаясь поставленных Мишкой условий. – Первое дело: почаще посылать отроков с Осьмой или Спиридоном торговать в лесных селищах, и если Осьма надумает на ладье в Пинск идти, то и туда тоже. То, чему в настоящем походе учатся, ни в какой школе не узнаешь.

Петр покосился на Мишку, видимо стараясь понять, какой эффект производит его выступление. Мишка доброжелательно покивал, Илья тоже вроде бы одобритительно покряхтел, поудобнее усаживаясь на лавке.

– Второе дело, – продолжил, приободрившись, Петька, – надо что-то решать с Мефодием. С другими учениками не ладит, грамоты не ведает и учить не желает, леса не знает и боится, а как караваны в степи охранять, мы его научить не можем – сами не умеем.

– Наставник Алексей умеет! – перебил Дмитрий. – А наездник Мефодий каких поискать, прямо как... этот, ты, Минь рассказывал, кентавр! И из лука бьет изрядно, Алексей хвалил. Я вот думаю: может быть, его над лучниками командиром поставить?

– Он и так больно гордый! – возмутился Петька. – А если его еще и над четырьмя десятками поставить, так и совсем...

– Ни над кем его ставить не будем! – прервал Петра Мишка. – Батюшка твой не объяснил, для чего он Мефодия к нам привез, хотя знал, наверно, что он неграмотный. Учить караваны

в степи охранять мы не сможем, даже если Алексей это умеет: степей у нас тут нет. Поэтому, чтобы Мефодий здесь время зря не тратил, назначим его помощником наставника Алексея, пусть учит отроков верховой езде и стрельбе из лука, раз уж такой умелец. А насчет обучения грамоте я с ним сам поговорю. Все согласны?

– Верно! – ответил за всех Илья. – Нечего ему зря хлеб есть, не хочет учиться, пусть отрабатывает!

– Добро! – подвел итог Мишка. – О торговых походах поговорим с Осьмой, пусть почаще ребят с собой берет.

– А вот это – неверно! – неожиданно заявил Илья. – Я не против походов, но частить с этим делом не стоит, ребятам и так есть чем заняться. И незачем сразу всех отсылать, пусть по очереди ходят.

– Точно! – поддержал Илью Дмитрий. – Пусть по очереди ходят, а то забирают половину коней, на чем учиться?

– Кто еще так же думает? – обратился Мишка к «господам советникам».

Руки подняли все, кроме Петра и Николы. Братья, кажется, сами настолько изумились собственному единодушию, что даже не огорчились, оставшись в меньшинстве.

– Следующий, – объявил Мишка, – господин Советник Академии архангела Михаила Василий Михайлович.

Роська грустно посмотрел на председательствующего, тяжело вздохнул и «порадовал»:

– Все плохо, – еще раз вздохнул и принялся перечислять, уставившись глазами в стол. – Веры в людях настоящей нет, крещение приняли притворно и из-под палки, на молитве себя прилично ведут только потому, что наказания боятся. Пастыря нашего ты, Михайла Фролыч, обидел, надлежащего пригляда за новообращенными отроками нет и не будет.

Роська еще раз горестно вздохнул, смахнул со столешницы какую-то пылинку и замолк так надолго, что Мишка уже решил, будто его выступление закончено. Однако, помолчав, Роська поднял все-таки глаза на крестного и снова заговорил, уже более твердым голосом с обличающими, если внимательно прислушаться, нотками:

– Это – то, что есть. Что хотелось бы иметь, вы все знаете и без меня: истинно верующих православных христиан и пятое в Погорынье христианское поселение.

– Пятое? – недоуменно переспросил Петр. – Почему пятое?

– Кроме Ратного и Княжьего погоста, в Погорынье есть еще два христианских села: Огнево и Хутора, – объяснил Мишка. – Огнево стоит чуть южнее и восточнее нас – на берегу Случи. Названо так потому, что поставлено на месте лесного пожарища – когда-то люди с восточного берега Случи туда перебрались, потому что у них земля истощилась, а тут почти готовая рощица после пожара. А Хутора – заслуга погостного боярина Федора. Он севернее нас, тоже возле Случи, пять хуторов основал. Один хутор разросся в село, а остальные так и остались. Оттуда и названия.

– Не знаете, так молчите! – прервал Мишкины объяснения Илья. – Можно подумать, что христиан в Погорынье вообще раз-два и обчелся. По Припяти еще селища стоят, там тоже христиане живут. А еще городки есть: на восточном берегу Горыни, ниже того места, где в нее Случь впадает, – Хотомель и Давид-городок, а на западном берегу – Дубенец и Столин. Что городкам, что припятским селищам мы ни для защиты, ни для торговли не нужны, да и власть воеводская туда, скорее всего, не дойдет – не отдаст князь туровский городки под воеводу погорынского.

Здесь, промеж Горыни и Случи, да – власть воеводы. Огневцев мы попервости от язычников защищали да боярину Федору помогли землю населять. Были и еще два селища на Горыни. Полусотника Митрофана с людьми туда отселили, чтобы рубеж под надзором был, но они взбунтовались и ушли на Волынь. Сейчас на месте одного из них рыбацкая весь небольшая стоит, а второе заглохло. Вот так! А ты: пятое, пятое...

– Все равно! – уперся Роська. – То, что надо бы сделать, у нас не получается, и как этого добиться, я не знаю. Да еще волхва рядом живет, и внучка ее все время в крепости крутится...

– А ну прекрати ныть! – Мишка, как чувствовал, не хотел давать слова Роське, но никуда не денешься, выслушать требовалось всех. – Делай, что должен, и будет то, что будет! Будет, потому что ты ДЕЛАЛ, а не убеждал себя и других, что ничего не выйдет! Тем более что у тебя один раз уже вышло! В твоём десятке тоже одни язычники были, а сейчас это лучший десяток Младшей стражи. Ты что, работать разучился?

– Так моим деваться некуда, – попытался оправдаться Роська, – а Нинеины отроки выучатся и уйдут!

– Ага! – уцепился за первую же возможность Мишка. – Значит, твой десяток тоже из-под палки Истинную Веру принял?

– Нет! – Роська выкрикнул это «нет» так, словно его обвинили черт знает в каком преступлении. – Нет! Они душой Христа приняли!

Логика в Роськиных словах не было ни на грош – то «деваться некуда», то «душой приняли», но Мишке логика и не требовалась.

«Ничего, для подростка коллективное мнение его группы общения, как правило, даже важнее, чем мнение родителей. В патриархальном обществе это проявляется не так ярко, но все равно работает. Плюс, вольно или невольно, несформировавшийся характер, если некуда деться, подстраивается под нормы поведения окружающих. Только глупостей делать не надо, и время работает на нас».

– Вот и сделай так, чтобы все остальные душой приняли. Один раз у тебя это вышло, выйдет и в другой раз.

– Не выйдет! Тут совсем другое...

– Выйдет! – оборвал причитания крестника Мишка. – А мы все тебе поможем. Все, другого ответа не жди! Если что-то потребуется, ни в чем тебе отказа не будет, а плакаться впредь запрещаю! Господин Советник Академии архангела Михаила Николай Никифорович! Тебе слово.

Мишка настороженно глянул на Петра, опасаясь, что он как-нибудь негативно отреагирует на то, что Николу поименовали «Никифоровичем», но у Петьки хватило выдержки, чтобы проигнорировать услышанное.

– Ты вот, Михайла Фролыч, спрашиваешь: как сделать так, чтобы купцы и бояре своих детей к нам учиться посылали? – начал неторопливо Никола. – А я подумал: а с чего у вас тут все начиналось? Нас купцы отдали в учение, потому что ваше представление в Турове посмотрели. Я тоже два раза ходил, и мне захотелось так же, как вы, воинскому делу выучиться. Я батюшку... – Никола покосился на Петьку, но тот демонстративно рассматривал заусенец на пальце. – Я батюшку и упросил меня к вам отправить. Как там у других было, не знаю, но думаю, что если опять с представлением приехать, да не только в Туров, а еще и в Пинск, в Мозырь, в Слуцк... да хоть в сам Киев! Там же никогда такого не видели! Найдутся еще желающие! А еще...

Никола поколебался, но все же решил договорить:

– Ты же нас не только воинскому делу учишь. Я так думаю, что когда ребята домой вернутся да смогут отцам в торговых делах хорошую помощь оказать... Они же даже и не знают многого из того, чему ты учишь: арифметики, учета расхода-прихода, расчета прибыли... Так вот, если купцы увидят пользу от обучения да другим расскажут – будут ученики!

«Молодец! Вот оно, преимущество бастардов: никакой надежды на то, что все поднесут на блюдечке, нет, о жизненных перспективах начинают задумываться гораздо раньше законных наследников. А мысль, начав работать, ох как много изменить может! Мозг, так же как и мышцы, для развития нагрузок требует!»

– Хорошо! – поддержал двоюродного брата Мишка. – Очень хорошо, верно мыслишь! Но это – для обучения купеческих детей. А о боярах ты думал?

– А я про ваших бояр ничего не знаю... – Никола снова немного поколебался, – ...но думаю, что здесь то же самое, что и с купцами. Надо отроков для них очень хорошо выучить. Очень хорошо! Даже, может быть, в ущерб чему-то другому, но все силы положить! Тогда еще учеников пришлют. Только вот почему ты про одних бояр говоришь? Если господин сотник некоторых родителей ругает за то, что детей воинскому делу плохо учат, то почему бы ему не обязать их отправлять сыновей в воинскую... в академию? – Никола запнулся и посветлел лицом, кажется, ему пришла в голову неожиданная мысль. – А давайте так же, как и с купцами, сделаем! Представление воинского учения устроим прямо здесь – в Ратном. Только пусть ратники выставят против наших отроков своих сыновей того же возраста! Чтобы наглядно стало, кто лучше будущих ратников обучает!

«Извольте признать, сэр Майкл, не вы один умный. Идея соревнований, как видите, родилась не только у вас, хотя кузен ваш о рекламных акциях ни малейшего понятия не имеет! А о гастрольях в других городах вы даже и не задумывались».

– Добро, хорошо придумал, Николай Никифорович! Только все, о чем ты сказал, долгой подготовки требует, но время для нее у нас есть. Соревнования с ратнинскими отроками раньше осени устраивать бессмысленно, а с представлением в Туров поедем разве что в конце зимы. В другие же города... подумать надо. В Турове для представлений есть ладейный амбар, а в других местах где представлять? Не на улице же? Но в целом мысль, как мне кажется, дельная. Так, господа Совет?

Возражающих снова не нашлось, и Мишка обратился к Илье:

– Господин советник Академии архангела Михаила Илья Фомич, ты всех выслушал, теперь твой черед. Слушаем тебя внимательно, наверняка у тебя много чего сказать найдется.

– Гм, знаешь, Михайла... – Илья приосанился и в очередной раз огладил усы и бороду – ... столько всего надо, что зараз и не скажешь...

Продолжить ему не удалось: Сестренка, смиренно лежавшая у ног Дмитрия, вдруг вскочила и потрусилась к выходу из горницы, а с наружной стороны донеслись звуки скребущих о дверное полотно собачьих когтей. Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась прохиндейская морда Ворона – щенка Роськи.

– Ты зачем сюда? – подхватился с лавки Роська. – Опять из клетки сбежал?

Четырехмесячный Ворон был ходячим укором Роськиному благонравию, живым опровержением расхожего мнения о том, что собака со временем становится характером похожей на хозяина. Может быть, время еще не пришло, может быть, еще по каким-то причинам, но Роськин воспитанник отличался прямо-таки уголовными наклонностями. Во-первых, постоянной тягой к побегу из любого места, где его пытались удержать в течение сколько-нибудь длительного времени, во-вторых, неопикуемой вороватостью, доходящей до уровня клептомании.

Сбежать из клетки или с привязи Ворон, по всей видимости, считал для себя делом чести, а воровал, похоже, не с голоду, а «из любви к искусству». Даже будучи совершенно сытым, таскал все, до чего мог добраться, а потом закапывал в землю, тут же начисто забывая про припрятанную «зачатку». Впрочем, таскал Ворон не только съестное, а любую вещь, которую можно было всласть погрызть, пожевать или просто потреть: оставленную без присмотра обувь, сохнувшее на веревке белье, детали амуниции, конскую упряжь и прочее. Не интересовали его только металлические вещи и керамика. У мастера Нила Ворон прямо из-под руки спер как-то отвес – веревочку с грузиком, а сам Мишка однажды наблюдал, как в общем-то не склонный к жестокости Роська хлестал своего воспитанника по морде изжеванной до полной непригодности кожаной рукавицей.

– Кыш отсюда! Я кому сказал? Ворон! – Роська, с извиняющимся видом, обернулся к Мишке. – Не пес, а казнь египетская! Ворон, вот я тебя!

Щенок, начисто игнорируя призывы хозяина, игриво куснул Сестренку и отскочил за порог, приглашая подружку поиграть, и тут же испуганно вякнул, схваченный за шиворот «кинологом» Прошкой.

– Вот! – торжественно провозгласил Прохор, входя в горницу и поднимая на вытянутой руке барахтающегося и повизгивающего щенка, словно вещественное доказательство бог весть какого преступления. – Минька! На кой ты этим обормотам про бой быков рассказал?

Мишка не сразу нашелся с ответом, безуспешно пытаясь найти логическую связь между корридой и Роськиным щенком. Прошке, впрочем, ответ и не требовался – со своей разговорчивостью он явно метил в приемники Луке Говоруну:

– Мне быка привели – треснувшее копыто полечить. Ну, я все сделал и велел Климу быка на пастбище отвести, а он вместо этого вдвоем с Сашкой решил в маридоров поиграться!

– В матадоров, – машинально поправил Мишка.

– Ага, в матадоров! – согласился Прошка и продолжил обличительным тоном. – Рассказней твоих наслушались, ну и поигрались, туды их! Хорошо, бычара промахнулся да не их придавил, а клетки со щенками разломал. Ну, щенки, конечно, врассыпную, а эти два долдона на кухне спастись надумали. Бык, само собой, за ними поперся, представляете, что там началось? «Матадоры» орут, бабы визжат, бык об печку обжегся – ревет, Простыня и без того умом невелик, а тут и подавно: охапку дров, вместо того чтоб у печки сложить, в котел со щами вывалил! Будем сегодня щи со смолой жрать – дрова-то сосновые! Ты бы, Минька, впредь думал, что нашим обломам рассказывать, а чего не рассказывать!

Мишка представил себе события на кухне и почувствовал, что его разбирает смех, остальные «господа советники» тоже разулыбались, серьезным остался только Илья.

– А ну придержи язык! – старейшина академии прихлопнул ладонью по столу. – Не тебе старшину поучать! Сам тоже хорош! Кто кобылу плясать учит? Да еще Дударика соблазнил на дудке ей играть!

Про выездку Мишка специально не рассказывал – так, упомянул однажды в разговоре, но Прошка, оказывается, запомнил. Почему Илья посчитал Прошкин эксперимент таким же «криминалом», как и «корриду», было непонятно, но «кинолог» тут же увял и, зажав изловленного Ворона под мышкой, подался вон из горницы.

– Ничего смешного! – строгим голосом продолжил бывший обозник. – Раз у отроков нашлось время с быком игрища устраивать, значит, они делом не заняты – дурью маются!

«Угу, помнится, по уставу в Советской армии солдату срочной службы полагалось личного времени всего около часа в сутки. Только кто же живет по уставу «от и до»? Разве что в дисбате».

– Если воинские люди без дела маются, обязательно жди беды! – Илья плавно начал переходить от назидательного тона к повествовательному. – Вот, помню, ходили мы с князем Мономахом Полоцкое княжество воевать...

«Поехали... И этого на отвлеченные темы потянуло. Впрочем, все правильно: ЗДЕСЬ долго «умствованиями» заниматься не привыкли, надо дать Совету отвлечься. Пусть вещает».

– ...Стоим день, стоим два, – повествовал Илья, – воеводы ждут гонца от Мономаха – то ли вперед идти, то ли назад поворачивать. Бояре как на иголках вертятся – больно хочется в зажитье сходить, холопов похватать, ратники тем, кто Минск на щит брал, завидуют – добыча не в пример богаче нашей. И все вместе, от нечего делать, дурью всякой маются.

Был тогда у нас обозник один, Ферапонт звали. И побился этот Ферапонт об заклад с другим обозником – как того звали, не упомяну уже, – что знает средство, от которого бык,

запряженный в телегу, резвее коня бегают. И заклад-то был какой-то пустяковый, но разгорячились оба – о-го-го, недаром же третий день в животах мед с вином да пивом мешался.

Ну, запрягли в одну телегу коня обозного, в другую телегу быка из добычи. Намучились! Хомут-то на быка не налезает, упряжи подходящей не подобрать, бык в оглобли вставать не хочет – прямо беда. Возились чуть не полдня, любопытных да советчиков целая толпа набежала, каждый суется, поучает, и каждого же послать подальше надо! – Илья горестно вздохнул. – Два раза даже драться принимались, но в конце концов как-то приспособились.

Ферапонт, значит, второму спорщику и говорит: «Бык по отмашке трогаться не обучен, так что ты смотри сам: как только моя скотина первый шаг сделает, так и ты свою нахлестывай», а сам берет тряпицу, в уксусе намоченную, и запикивает быку под хвост. Старательно так, глубоко.

А бык тот, надо сказать, еще когда запрягали, в сомнение пришел – шутка ли, первый раз в жизни в оглобли встать! Да народ вокруг толчется, мельтешит, языки чешет... Пока притерпелся, пока успокоился, а тут новое ощущение неиспробованное – с задом! Ну он сначала прислушался, интересно же! – Илья наклонил голову и косил глаза, изображая, как бык прислушивается к новому ощущению. – Потом решил поглядеть: что же у него там такое? Поворотился в одну сторону – оглобли мешают, поворотился в другую – опять оглобли! Ну что тут поделаешь? Подумал еще немного, посопел, потоптался да ка-ак рванет с места в галоп, Ферапонт чуть из телеги не выпал! – Илья выпучил в притворном ужасе глаза и вцепился руками в воображаемые вожжи. Отроки слушали старейшину академии, что называется, раскрыв рты, спектакль, разыгрываемый Ильей, захватил их внимание без остатка.

– Ну, понеслись! – продолжил Илья. – Бык прет так, что ветер меж рогов свистит! Но вот беда, вожжей-то не слушается – не обучен. Ферапонт и тянет, и дергает, все без толку! Ну и зацепился бычара телегой за березу! Ка-ак даст! Телега в куски, бык дальше понесся, а Ферапоша, бедолага, из телеги пташкой выпорхнул да следующую березку с разлета и обнял!

Мы все скорее за быком – он же, змей подколодный, без телеги еще быстрее помчался, да в сторону воинского стана, долго ли до беды? Пока догнали, пока остановили, пока у быка в заднице тряпицу с уксусом искали, так и не нашли, кстати, потом спохватываемся: а где же Ферапонт? Побежали назад.

Стоит наш Ферапоша около березы на коленях, головкой к стволу прислонился, глаза закрыты, а лицо такое внимательное... вроде как прислушивается к чему-то.

Илья зажмурился и изобразил лицом выражение, долженствующее, видимо, свидетельствовать о глубочайшем внимании к чему-то. В горнице разлилась тишина, на самом деле глубочайшее внимание и ожидание чего-то необычного отразилось на лицах отроков.

– А вокруг, – оборвал артистическую паузу старейшина академии, – народ толчется, новые какие-то, которые про заклад не знают и промеж себя спорят: чего это с Ферапонтом делается? Одни говорят, что пьяный, другие, что таким способом он для чего-то дерево подходящее выбирает, третьи, что на Ферапошу озарение снизошло и он сейчас истины великие вещать начнет. А еще один, видать самый умный, тоже к березе подошел и ухом к стволу приложился – вдруг и правда что-то такое там слышно?

Короче, подбегаем мы и видим: два дурня стоят, дерево слушают, а еще с десяток рты пораззявили и ждут неизвестно чего, да еще на нас шикают, не шумите, мол! Мы – Ферапонта от березы отдирать, а они не дают – дайте, мол, таинству невозбранно совершиться! Ну и поехало: сначала за грудки друг дружку хватать начали, потом кто-то кому-то по зубам кулаком съездил – завертелось, одним словом. Как уж там вышло, я не заметил, но только еще одного бедолагу головой об березу приложили – уже втроем, значит, дерево слушать стали. Потом мне в глаз так засветили, что я и про Ферапонта, и про все остальное позабыл – так душа разгорелась... – Илья примолк и тихонько вздохнул, словно вспоминая что-то приятное, отроки тряслись от сдерживаемого смеха.

Мишку очередная байка бывшего обозника впечатлила не очень – в ТОЙ жизни он достаточно наслушался историй о том, как быкам или коровам пихали под хвост всякие не предназначенные для этого вещи: начиная с перца и горчицы и кончая бенгальскими огнями и даже взрывпакетами. Дорожно-транспортные происшествия с тяжкими телесными повреждениями тоже для конца XX века были ежедневной рутинной. Однако потом, представив себе, как десяток крепко подданных мужиков безуспешно ищут тряпку в бычьем анусе...

– Смейтесь, смейтесь! – проворчал, отвлекшись от воспоминаний, Илья. – А Ферапонт, царствие ему небесное, так до конца жизни на одно ухо глухим и остался, да еще с месяц руки у него так тряслись, что ложку до рта донести не мог. А все почему? – Илья повысил голос, перекрывая взрыв уже несдерживаемого хохота. – От безделья! Когда ратники делом не заняты... – старейшина академии безнадежно махнул рукой и расплылся в улыбке сам.

«Хе-хе, сэр, была б у вас типография, байки вашего «начальника тыла» можно было бы отдельной книжкой издать. Успех обеспечен – ни на Руси, ни в Европах ничего подобного еще очень долго печатать не будут, да и на Востоке записать анекдоты про Ходжу Насредина никому и в голову не приходит. Впрочем, церковь почти наверняка объявила бы подобную литературу крамолой – что у нас, что на Западе, что на Востоке. Но ребятам нравится... Стоп! А случайно ли Илья именно этот случай вспомнил? Нет, про вред безделья – понятно, но как он сказал: «Шутка ли, первый раз в жизни в оглобли встать!»? А вы ведь, сэр, собираетесь ребят в управленческие оглобли поставить, и припекать их в этих «оглоблях» будет не слабее, чем укус в означенном месте... Случайное совпадение или Илья умнее, чем вы, сэр, до сих пор думали? А вот сейчас и проверим!»

– Ну, отсмеялись? – Мишка обвел взглядом «господ советников». – Может, теперь к делам вернемся? Старейшину нашего Илью Фомича прервали, когда он начал нам объяснять: что надо сделать, чтобы дела в академии улучшить. Так что...

– Га-га-га! – прорвало вдруг Демку. – Сейчас истины великие вещать начнет!

Отроки вновь радостно заржали, а Мишка почувствовал, что начинает потихоньку заводиться.

– А ну тихо всем! – рявкнул он в полный голос. – Над кем смеетесь, сопляки?!

– Сам сопля... – Демка закашлялся и зажмурил глаза, потому что Мишка плеснул ему в лицо квасом из кувшина. Потом, не дожидаясь, пока двоюродный брат протрет глаза, перегнулся через угол стола и, схватив Демку за уши, ткнул его лицом в столешницу.

– Забыл, как старшим внимать надобно? – Мишка слегка ослабил хватку, потом опять приложил кузена «фейсом об тейбл». – Молча! И! С почтением! – выкрикивая каждое слово, он приподнимал Демкину голову и снова опускал ее на крышку стола. Если бы Демьян не умудрился подсунуть под голову руку, нос у него был бы расквашен непременно. – Благодарить! За науку! Должен! Жизни! Тебя! Дурака! Учат!..

– Будет тебе, Михайла! – Илья ухватил старшину Младшей стражи за рукав. – Хватит, убьешь!

Мишка, забыв о собственных поучениях, чуть не двинул Илью локтем, но в последний момент спохватился. Отпустив Демьяна, скомандовал:

– Встать, невежа! Винись перед старейшиной!

Сияя ушами, как стоп-сигналами, Демьян поднялся с лавки и невнятно прогундосил:

– Винюсь. Не держи обиды, Илья Фомич...

– Ладно! Садись, – Илья хлопнул Демку по плечу и обратился сразу ко всем. – Что ж это за Совет у нас? Еще и не договорились ни до чего толком, а уже одному в ухо двинуть довелось, другого мордой по столу повозить. Не знаете? Зато я знаю!

Бывший обозник сделал паузу, вздохнул и «обрадовал» «господ советников»:

– Дети вы еще! Слов нет: умные, храбрые, сильные, но... наглые! Такое дело сами поднять собрались! Я вот послушал вас и, только не вздумайте смеяться, устрасился! Вы себе даже

половины трудностей, забот и опасностей не представляете, а думаете вообще черт знает о чем! Нет, это ж надо! – Илья в сердцах хлопнул себя ладонью по колену. – Важнее дела для них нет: гнать девок из крепости или, наоборот, еще зазывать!

Старейшина академии оглядел враз притихших отроков, задержался взглядом на подбравшемся, как перед схваткой, Дмитрии и на зло щерящемся Демьяне и, совершенно неожиданно для Мишки, дал слабину:

– Нет, я понимаю: у самого в вашем возрасте только девки на уме и были...

«Тревога, сэр! Илья никогда и никем, кроме жены, не руководил! Если сейчас провалится, авторитет старейшины академии умрет, не родившись! Вмешаться немедленно, как угодно, но заставить Илью показать мальчишкам силу жизненного опыта, который не заменишь ничем! Первое – прервать пошедший не в ту сторону монолог... любой банальностью, даже глупостью, пока пацаны не почувствовали его неуверенность!»

– Ну, Илья Фомич, молодость – такой недостаток, который сам собой проходит со временем! – Мишка вальяжно улыбнулся и оглядел ребят, как бы предлагая им всем вместе оценить юмор и мудрость афоризма. – Но мы-то для того тебя и упрашивали старейшиной стать, чтобы ты нас как раз о трудностях, заботах и опасностях предупреждал. Да еще и советовал, как нам глупостей не натворить. А если кто себя очень умным считает и к словам старейшины со вниманием и почтением прислушиваться не желает... – Мишка согнал с лица улыбку и добавил в голос металла: – ...или обижаться на правду вздумает, то, значит, он и впрямь дите малое и в Совете академии ему делать нечего!

Дмитрий остался все так же напряженным, а Демьян увел взгляд под стол и поджал губы – понять намек было несложно. Все остальные тоже тем или иным образом проявили отсутствие желания изображать из себя «самого умного». Илья же, надо отдать ему должное, сумел правильно понять Мишкино вмешательство и воспользоваться образовавшейся паузой:

– М-да! Так вот я и говорю: наперед заглядывать, конечно, надо, но и под ноги смотреть не забывайте! Давайте-ка начнем с самого простого, того, что прямо перед глазами лежит.

«Ну слава богу, кажется, пошло то, что требуется! Но не расслабляться, сэр! Куда разговор зарулит, предвидеть невозможно!»

– Кормежка! – торжественно провозгласил Илья. – Хлеб насущный. Пока не голодаем – сотник Корней и боярыня Гредислава кормят. Да и купец Никифор привез на ладьях много всякого. Но самим-то нам что, не надо об этом заботиться? Курей, овец, свинок завести. Коров тоже неплохо было бы. Отроков молочком попоить для здоровья полезно. Рыбные ловы поискать, место для облавной охоты присмотреть, пасеку, как у сотника Корнея, устроить. Но главное – пашня! Мы сколько леса сведем, пока крепость достроим? Довести землю до ума – это же какое подспорье получить можно! Опять же, огороды! Тоже места присмотреть надо.

– Да кто ж это делать-то будет? – возмутился Демьян. – За скотиной ходить, землю обрабатывать. Рабочих рук сколько надо!

– Вот и я о том же! – согласился Илья. – Богатство под ногами валяется, а не взять! Почти две сотни народу собрали, а рук не хватает! Делайте в уме первую зарубку, господа Совет! Теперь вторая забота – одежда! Я уж не говорю, что отроков на зиму одевать надо, сейчас уже зарез! Отроки на учебе потеют, хоть выжимай, а у каждого по две рубахи: одна на себе, другая на смену. Бывшие устиновские холопки обстирывать не успевают, от ребят, как от козлов прет, того и гляди, чирьями зарастут! Поддоспешники от соли колом стоят! Как хочешь, Михайла, а надо, чтобы Осьма со Спиридоном из торговых походов полотно везли или, на худой конец, пряжу. Ребят одевать надо!

«Вот так, сэр! Одно из отличий регулярной армии от территориальных воинских формирований – способ снабжения. Ратники деда Корнея обо всем, что перечислил Илья, заботятся сами, а нам так нельзя. Это расплата за то, что обучение идет постоянно, а не в свободное от хозяйственных работ время.»

– Третья забота, – продолжал между тем Илья, – обувка! Пока терпит, хотя некоторые уже чуть ли не босиком ходят. Ладно, устроим по первой пороше облавную охоту, благо стрелков в достатке, кожу добудем. А кто шить станет?

Илья оглядел погрустневших «господ советников», кривой улыбкой констатировал их некомпетентность и безжалостно продолжил:

– И это еще не все, хотя с вас и перечисленных забот хватило бы, но раз уж вы называетесь «господа Совет», слушайте дальше! Четвертая наша забота – Ратное! Всех не спрашиваю, но Михайла, Кузьма и Демьян должны знать: всегда ли Ратное на нынешнем месте стояло?

«То есть как? Это что за фокусы? Почему вам, сэр, об этом ничего не известно, позвольте полюбопытствовать? Информация, полученная носителем еще до «вселения» и настолько очевидная для всех, что в обыденном общении даже не упоминается? Да нет, какое-то упоминание должно проскакивать, хотя бы изредка. Табуированная тема? Что-то, связанное с неприятными воспоминаниями или грядущими опасностями, о которых не хочется говорить? Кузены молчат, на вас, сэр, пялятся, надо как-то реагировать... Вот ведь влип!»

– Илья Фомич, может быть, сам расскажешь для всех? – попытался выкрутиться Мишка. – Сам понимаешь: говорят об этом не часто, мы можем и не знать всего.

– Да чего тут знать-то? – легко заглотил Илья Мишкину наживку. – Сто лет назад мы на самом краешке Погорынья поселились, недалеко от того места, где Пивень в Случь впадает. Нашли хорошее место, сделали рощицы под пашню, крепенько шуганули местных язычников и зажили себе. Но земля-то истощается. Это лесовики мало землю пахут, больше лесом живут, а нам пахотной земли нужно много. Ну поля постепенно от села все дальше и дальше отодвигались, чтобы пахарям безопасно было, приходилось все крепче и крепче лесовикам поддавать. К тому времени, как окончательно покой установился, пришлось новое место для поселения подыскивать – земля совсем плохо родить стала, а до новых полей приходилось целый день добираться.

Подыскали новое место, выше по течению Пивени. Сразу же, чтоб потом людей не терять, такую острстку язычникам устроили, что некоторые аж на Волынь от нас утекли. Рассказывают, что за одного убитого ратнинца тогдашний сотник целое селище дымом пускал. Ну а лесовики на тех, кто на прежнем месте жить остался, отыгрались – не только живых вырезали, а и на кладбище прах из могил выкопали и в реку покидали, такая ненависть была.

Сейчас Ратное уже на третьем месте стоит. Перебирались уже не так, как прежде, – тихо, постепенно и на такое место, с которого никого сгонять не надо было. Сначала острог небольшой поставили, переселили полусотню ратников с семьями. Агей – он только-только сотником стал – такую штуку придумал: переселялись сначала только те, кто на местных девках женат был, а на новоселье родню из дреговичей приглашали. Так более-менее мирно и обошлось. Хотя по-всякому, конечно, случалось. Бывало, что и...

Илья примолк, о чем-то задумавшись, потом сменил тему, махнув рукой:

– Короче говоря, пришло время Ратному опять переезжать. Все вроде бы понимают, но с насиженного места трогаться всегда трудно. Оттого и тын поправить все никак не соберемся – зачем, если уезжать? А если не уезжать, то как жить? Вот ты, Михайла, на последнем сходе был, там, рассказывают, разговор шел о том, чтобы Ратному городком стать, верно?

– Был разговор, – подтвердил Мишка.

– Но тогда ни воинской школы, ни крепости еще не существовало, так?

– Так. Ты к чему клонишь-то, Илья Фомич?

– Да к тому, что наша крепость – тот самый острог, с которого переселение начиналось! А ну как надумают в Ратном сюда переезжать? Тогда все наши разговоры, весь наш Совет прошлогоднего снега стоять не будут. Приедут сотник, староста, ратники, – будут все опять на сходе решать, куда и половине вольных ратнинцев ходу нет!

«Вот тебе, бабушка, и плюрализм! А вы-то, сэр Майкл, уже хозяином здесь себя чувствовать начали, первичную управляющую структуру создавать намылились. Приедет ратнинская элита и похерит все на фиг, пикнуть не даст! Спокойствие, сэр, только спокойствие! Ничего еще не ясно – лорд Корней не с бухты-барухты про город тогда ляпнул, есть у него какие-то планы. Планы, конечно, и изменить можно, но...»

– Да что это за переезд! – прервал Мишкины размышления Демьян. – Полдня пути, и то если по дороге, а если по прямой, так и того меньше! Не переезжают так!

«Кузен Демьян прав. Пивень, конечно, извивается, как змея, но общее направление движения ратнинцев на протяжении сотни лет было с северо-востока на юго-запад – все глубже и глубже в дикое Погорынье. Следующий бросок должен привести в самые дебри – в центр между речья Горыни и Случи, несколько севернее владений боярина Журавля. Елозить на дистанции пятнадцать – двадцать километров смысла нет...»

– Так что скажешь, Михайла Фролыч? – обратился к Мишке Илья. – Собирается Корней с места сниматься или нет? Он тебе ничего такого не говорил?

– Нет, не говорил, но у нас же и своя голова на плечах имеется. Давайте попробуем оценить ситуацию на основе имеющихся у нас сведений...

– Мудрено больно излагаешь...

– Ничего, Илья Фомич, сейчас все понятно будет. Кое-что мы знаем, об остальном попытаемся додуматься сами. Первое – кто живет в городе? Служилые люди, ремесленники, торговцы, ну и прочие, в том же духе. Пахарям в городе жить не с руки – пашня далеко. Значит, если на месте Ратного будет город, то пахарям надо из него уходить – селиться на тех землях, которые они будут обрабатывать. Второе – наблюдается ли подобный процесс в Ратном в настоящее время?

– Чего наблюдается?

– Уходят ли пашенные люди из Ратного? Да, уходят!

– Это кто ж? – Илья, как, впрочем, и все остальные, уставился на Мишку так, как, наверно, древние греки смотрели на пифий, озвучивавших волю Дельфийского оракула. – Чего-то я не видел, чтобы уходили.

– Видел, Илья Фомич, но внимания не обратил, потому что пока это в глаза не очень бросается. Выселки сотник Корней заново заселил? Заселил. Место под новую весь, чуть выше по течению Пивени, там, где у нас новые огороды, присмотрел? Присмотрел. Трех бояр землями в нескольких днях пути от Ратного наделил? Наделил! Десять семей боярыне Гредиславе передал? Передал! Тенденция, однако!

– Тьфу на тебя, Минька! Нормально-то говорить можешь? – Илья начисто забыл о необходимости выражать свои мысли исключительно в вежливой форме. – Чего ты сейчас тут наболтал? Что это значит?

– Да то и значит, Илья Фомич, что сотник Корней начал пахарей из будущего города выводить. Те, кто пооборотистей да посмекалистей, скоро, я думаю, поймут, в чем дело, и тем же займутся. Безопасно стало! Гредислава Всеславна Корнею Агеичу так и сказала: «Вы за сотню лет, почитай, со всей округой породнились, пора вам в Погорынье своими становиться!»

– Ага, так, значит, – Илья снова полез было скрести в бороде, но замер, не донеся руку до подбородка. – Михайла! Так у нас, получается, богатство в руках! Земли, от леса очищенные, свежие, неистощенные! Мы же можем на них людей пустить или не пустить, а значит, сами условия ставить! Ты подумай: полторы сотни парней, полсотни коней – вырубки, подходящие под пашню, от пней очистить, ветки, корни, пни сжечь... Скольким семьям наделы дать можно! Ты это... Ты, Михайла, с дедом поговори – это наша земля, мы ею распоряжаться должны!

– Понял тебя, Илья Фомич! – на самом деле Мишка еще полностью не представлял себе все открывающиеся возможности, но главную мысль ухватил: академия может стать землевладельцем! – Поговорю с господином сотником, думаю, он возражать не станет, потому что это

совпадает с его намерениями. А нам надо как следует подумать, кого и на каких условиях на наши земли пускать.

«Эх, елки-моталки, еще бы трехполку внедрить, чтобы земля не истощалась! Да? И что вы, сэр, о трехполье знаете? Озимые, яровые и пар? Но есть же еще и севооборот – что-то там про бобовые, которые способны атмосферный азот связывать. Еще всякие хитрости. Например, кислые здесь почвы или щелочные? Это ж не просто так сказать: давайте-ка поле на три части поделим и по очереди будем давать им «отдыхать». Пахарям все подробно объяснять надо, на примере показывать, а как объяснять, если сам толком не знаешь, как показывать, если результатов годами ждать надо? Гм, а может, предшественник у себя уже трехполье ввел? Надо у Ионы спросить...»

– Корчевать, корчевать надо! – все не мог успокоиться Илья. – Пока осень не настала, пока дожди не зарядили!

– Погоди, Илья Фомич, – Мишка успокаивающе притронулся к рукаву старейшины академии. – Мысль твоя верна и понятна, никто и не спорит, но надо добиться решения воеводы погорынского: чья это земля – наша, воеводская или боярыни Гредиславы? Давай-ка отложим это дело на недельку, а после разговора с воеводой к нему вернемся.

– Тоже верно... – Илья сожалеюще вздохнул, но согласиться с Мишкиным предложением был вынужден. – Но тянуть с этим нельзя!

– Тянуть не будем! – пообещал Мишка. – Ты пока обойди вырубки, посмотри землю, поговори с Сучком: где они еще лес валить собираются? Под пахоту же не всякая вырубка подойдет. Прикинь: сколько поприщ уже есть, сколько еще появится. С воеводой не просто так говорить надо, а точно знать: сколько и какой земли у нас есть.

«Ну прямо хоть садись бизнес-план писать! Ох, сэр, крепенько подумать придется, из такой ситуации надо максимум пользы выжать».

– Сегодня же с Сучком переговорю, – согласился Илья, – но и ты с дедом не тyani.

– Договорились. Что-то еще сказать хочешь, Илья Фомич?

– Да сказать-то много чего можно... не хватит ли на сегодня? Хотя еще одно дело есть, не хотелось бы откладывать. Помощники мне нужны!

– Помощники? По какой части?

– А по всякой! То есть я хочу сказать, что если по одним делам ты мне помощников дашь, каких я попрошу, то польза и в другом деле тоже будет.

– Илья Фомич! – Мишка укоризненно покачал головой. – Будет тебе загадками говорить!

– Да никаких загадок! Я с хозяйством уже справляться перестаю, столько всего упомянуть надо, голова пухнет! Недавно дратва понадобилась, не помню, где лежит, хоть убей! Столько же всего навезли... А Никола, молодец, вспомнил, как ты им на занятиях про складское дело рассказывал: как товар раскладывать да записи вести... Я-то... – Илья тяжело вздохнул, – записи делать не мастак... не умудрил Господь. Ну вот я и подумал: пускай-ка будущие купцы мне помогут дела вести, записи всякие там... еще чего, чему ты их учишь. И мне помощь, и им учеба. Вот...

Илья запнулся и продолжил как-то робко и неуверенно:

– И сынков моих поучить бы... Василий Михайлович, дай ему бог здоровья, их грамоте учит, так еще бы им и на твои занятия, Михайла Фролыч, походить бы... Мне за учебу, конечно, заплатить нечем, но я же не вечный, замену бы подготовить – для академии польза... – Илья совсем засмутился, так что Мишке даже стало неудобно.

«Все бы так относились к использованию служебного положения в личных целях... про коррупцию и не знал бы никто!»

– О чем речь, Илья Фомич! – преувеличенно удивленно отозвался Мишка. – Конечно, пускай ходят! Или прямо сейчас, или когда грамоте подучатся, все равно. Выучим, а про плату

и вообще не вспоминай! От тебя и так столько пользы академии, а если еще и сыновья помогать будут, мы только спасибо скажем!

– Ты не смотри, что они у меня мелкие, – продолжал, словно не слыша Мишку, Илья, – они бойкие и телом крепкие, просто росточком не вышли...

– Хватит, Илья Фомич! – прервал старейшину Мишка. – Решено: сыновей твоих учим, а купеческих детей даем тебе в помощь. Господа Совет, возражения есть?

Возражений не последовало, и Мишка решил, что для первого раза достаточно. Пора было подводить итог. Итог – для «господ советников» Академии, а для самого Мишки – шаг, после которого дороги назад уже не будет. Шаг, означающий рождение структуры – управляющей подсистемы – академии (прообраза будущего университета), нового поселения, еще не имеющего названия (Мишка о названии просто забыл), сельскохозяйственной и промышленной (хотелось надеяться) структур.

– Ну-с, господа Совет, все высказались, теперь будем определяться: кто чем займется. Будь я хоть трижды вездесущ, в одиночку мне со всеми делами не справиться. Поэтому сейчас решим: кто из вас какую часть работы по управлению Академией архангела Михаила и всей жизнью в крепости на себя возьмет. Раз мы решили, что все это дело рода Лисовинов, то все родовичи им заниматься и должны. Каждый своей частью, а все вместе – всем. Начнем, Матвей Корнейч, с тебя, поскольку твоя стезя определилась...

– Придумал! – неожиданно перебил Мишку Демьян.

– Что? – вмешательство двоюродного брата было настолько неожиданным и досадным, что у Мишки буквально зачесались кулаки.

– Я же говорил, что мне подумать надо, – напомнил Демьян, – вот и придумал.

– Еще б до вечера раздумывал! – недовольно пробурчал Илья. – Кстати, ты не только подумать обещался, но еще и поразить нас всех сулил. Ну и чем же поражать будешь?

– Порядка ни в чем нет! – ничуть не смутившись, принялся излагать Демьян. – Сколько земли под пашню высвободилось, не знаем, – Демьян загнул палец на руке. – Артель Сучка и бывшие устиновские холопы на посадке строиться собрались. Кто-нибудь посмотрел, как и что они строить будут? Я посмотрел: не посад, а торжище – все в кучу, без всякого порядка! – Демьян загнул второй палец. – Скотина не пристроена, загон для коней третий раз на новое место переносим – все время всем мешает. – За вторым последовал третий палец. – В крепости ни пройти, ни проехать! Кругом бревна валяются, ямы какие-то, кучи земли, глины. Если бы не наказанные ученики, грязью совсем заросли бы. Около кухни дрова сложили так, что поленница упала, девке кухонной ногу зашибло. Это уже четыре! – Демьян загнул еще один палец. – На кухне четверо баб и несколько девчонок еле справляются, а когда Нинеины работники придут, что делать будем? – загнув пятый палец, Демка помахал в воздухе кулаком. – Где Нинеиных работников селить будем, кто-нибудь подумал? Пойдут дожди, в крепости грязищи по колено станет, об этом задумывались? Сучок все время в Ратное к Алене таскается, рано или поздно убьют ведь! Кто артелью командовать станет? У Кузьки недавно искры из кузни вынесло прямо на сухие доски, чуть пожар не случился!

По мере перечисления проблем Демьян все повышал и повышал голос так, что уже почти кричал. Загибать пальцы он прекратил, да и понятно было, что ни на руках, ни на ногах их не хватит. Илья после каждой озвученной проблемы крякал и расправлял усы, Кузька смотрел на брата так, словно видел впервые в жизни, а Мишка чувствовал, что у него начинают гореть уши – все перечисленное было упреком ему, как единоначальнику, но когда было этим заниматься? То тренировал опричников в учебной усадьбе, то валялся раненый после подавления бунта...

Демку уже откровенно несло:

– Порядка нет, пригляда ни за чем нет, ХОЗЯИНА нет! – вещал он, обличающе уставившись на Мишку. – Я еще много чего указать могу, но и так все ясно! Откуда хозяйскому пригляду взяться, если старшина, вместо того чтобы делом заниматься, с Юлькой...

– Хватит! – прервал двоюродного брата Мишка.

– Ты мне рот не затыкай!

– Хватит, ты прав!

– Я еще не все... чего?

«Вот так, сэр! Удивить – значит победить!»

– Ты прав, – повторил Мишка, – и главное слово ты, Демьян Лаврович, произнес!

– Какое слово? – остановка горячего монолога была настолько внезапной, что Демка даже забыл распрямить сжатые в кулак пальцы.

– Главное слово, которое ты произнес, слово «посад», – подчеркнуто спокойно и неторопливо ответил Мишка. – Если есть посад, значит, есть и город. Если есть город, ему нужен городской боярин. Если ты не упираешься во что-то одно, а видишь все дела разом, то городским боярином быть надлежит тебе!

– А?.. – Демьян растерянно огляделся и на какое-то время снова превратился из мрачного мизантропа в простоватого, непоседливого и задиристого Демку времен избиения Ерохи и компании. Выглядел переход от обличения к растерянности довольно комично, первым не выдержал и прыснул в ладонь Кузька, за ним дружно рассмеялись и остальные. Демьян, чувствуя, что смеются над ним, но не понимая причины, побагровел и сжал кулаки, и сразу стало заметно, что и ему не чуждо фамильное лисовиновское бешенство.

– Ничего смешного! – попытался успокоить смеющихся Мишка, но, поняв, что его не слышат, грохнул по столу кулаком и рявкнул в полный голос. – Молчать!!! – дождался тишины и продолжил уже спокойным тоном: – Ничего смешного. Общий пригляд за порядком нужен, в этом Демьян Лаврович совершенно прав, но кому попало такое дело поручать нельзя! Демьян же Лаврович подходит для этого со всех сторон. Во-первых, только он озаботился общим порядком в крепости, никому из вас этого и в голову не пришло – каждый только о своем говорил. Во-вторых, именно Демьян Лаврович, если помните, первым получил чин десятника Младшей стражи. В-третьих, он строг и спуску никому не дает: в первой полусотне каждый отрок крепость его кулаков на себе испробовал, да и многие новобранцы тоже, недаром же наставники так часто поручают ему занятия по рукопашке без оружия с новичками проводить. Но самое главное – Демьян Лаврович наследник Погорынского воеводства, после Корнея Агеича и Лавра Корнеича, естественно. Наука городского боярства ему нужнее, чем нам всем.

В горнице, уже в который раз за время заседания Совета, разлилась тишина, взгляды «господ советников» перескакивали то с Демки на Мишку, то обратно.

– А ты... Минь? – громко сглотнув, спросил Демьян.

– А что я? – Мишка с деланным равнодушием пожал плечами. – С меня пока Младшей стражи и академии хватит. А потом... боярство и воеводство – дело наживное, не бойся, тебе дорогу я перебежать не собираюсь.

Снова тишина – наверняка большая часть присутствующих о вопросах наследования до сих пор ни разу и не задумывалась, а разговор на эту тему и вообще услышала впервые. Увидеть в Демьяне будущего воеводу погорынского – для этого воображение требовалось напрячь весьма и весьма. Понять же причины Мишкиного отказа от борьбы за наследство – это было вообще за пределами понимания всех, без исключения, участников собрания.

«Ну-ну, господа, поскрипите мозгами. Кузену Демьяну в наследниках еще лет двадцать ходить, если не больше, успеете привыкнуть. И к тому, что он будущий воевода погорынский, и к тому, что есть еще и Михайла, который на воеводство кладет с прибором, хотя мог бы... Рано или поздно, задумаетесь и над тем, что этот самый Михайла намерен уйти от воеводства не вниз, а вверх – куда-то чуть ли не на княжеский уровень. Как и в какой форме это реализуется, пока неясно, но два года назад все и вообще непонятно было. Поживем – увидим».

– Так кто же из вас главнее? – прервал затянувшуюся паузу Дмитрий. – Как-то непонятно выходит...

«Ну да, тебе субординацию и ясность подавай. Будет тебе ясность!»

– Нет тут ничего непонятного, Мить. В Ратном есть сотник Корней и староста Аристарх. Сотник главный в делах воинских, староста – в делах обыденных. Конечно, поскольку поселение у нас воинское, сотник как бы главнее, но в делах обыденных, если они воинский интерес не затрагивают, Аристарх – первый человек, и сотник ему не указ. Так и мы у себя устроим: есть старшина Младшей стражи и есть городской боярин – я и Демьян Лаврович. Вы заметили, что он, когда непорядки перечислял, касался только дел обыденных, а не воинских? Сразу стало видно, что тонкость грани между делами воинским и делами обыденными Демьян Лаврович понимает правильно.

Пока Мишка давал объяснения, Демка сидел выпучив глаза и являя собой образцовую иллюстрацию к выражению: «пыльным мешком из-за угла ударенный». Впрочем, на его месте подобные же чувства испытал бы любой.

«Удивляйтесь, удивляйтесь, любезный кузен. Ваше удивление ничто по сравнению с удивлением, которое испытает мадам Листвяна! Позвольте вас поздравить, сэръ Майкл, всего одной рокировкой вы создали для нее массу проблем, главная из которых – абсолютная непонятность ваших собственных планов! С одной стороны, вы вроде бы самоустраняетесь от борьбы за погорыньское наследство и интриговать против вас становится совершенно бесполезно. С другой стороны, вы постоянно находитесь рядом и имеете возможность вмешаться. Пренебрегать этой возможностью не стоит даже сейчас, а со временем вы будете становиться все опаснее и опаснее. На первый взгляд кажется, что вы подставляете кузена, но на самом деле против него нельзя ничего предпринять, не разобравшись с вами. При этом интриги бесполезны, и в арсенале династических соперников остается только физическое устранение. Ну а это, как говорится, будем еще посмотреть».

– Молод больно для боярина, хоть и городского, – проворчал Илья. – А уж для старосты так и вообще – смех один.

– Тоже верно! – согласился Мишка. – Есть такое иноземное слово «комендант». Означает оно старосту в воинском поселении или крепости. Я думаю, оно как раз для Демьяна Лавровича и подойдет.

– Комидат... придумают же!

– Минь, я не смогу...

«Э-э, братец, да ты не удивился, а испугался! Как критиковать, так все мастера, а как до дела...»

– Сможешь! Вспомни, как ты десятником стал – тоже ничего не знал, ничего не понимал, а через пару дней после назначения твой неполный десяток Младшей стражи семерых оружных и латных татей в бою положил!

– Я тогда даже стрельнуть не успел, меня сразу...

– Зато твой десяток все успел! Так и здесь: пока я раненый валялся, вы же чего-то тут делали? Крепость строилась, отроки учились, мастерские работали. Привыкай людьми руководить так, чтобы дело и без тебя на месте не стояло, на то у тебя подчиненные есть – все, кто в крепости и около нее живут. Подбери себе помощников, советуйся с людьми знающими: по хозяйству – с Ильей Фомичом, по обыденному строительству – с мастером Гвоздем, по воинскому строительству – с мастером Нилом. Да что я тебе объясняю, сам все знаешь. Ну, а в затруднениях мы все тебе поможем – весь Совет. Если что, можешь в Ратное съездить к старосте Аристарху, ну а если совсем затруднимся, то боярина Федора на Князьем погосте навестим.

– Все равно столько всего... столько дел...

– Погоди, Демьян, сейчас мы между господами советниками обязанности распределим, сразу полегчает, вот увидишь! – Мишка обернулся к Матвею. – Матвей Корнеич, начнем с тебя, поскольку стезя твоя уже определилась – лекарское дело. Но только одного лечения мало, некоторые болезни легче предупредить, чем лечить, поэтому, скажем, раз в месяц будешь проводить осмотр всех отроков. Кроме того, на тебя возлагается забота о здоровье скота, для этого передаем тебе в подчинение Прохора. И еще: вы же вместе с лекаркой Юлией учите отроков оказывать первую помощь раненым? Так вот присматривайся и, если обнаружишь способных к лекарскому делу, забирай их себе, так, как сегодня Кузьма Киприана и Назария забрал.

– Сколько? – неожиданно прервал Мишку вопросом Матвей. – Сколько человек можно забрать?

– Сколько найдешь подходящих. Хорошо бы, чтоб в походе у каждого десятка свой лекарь был, но столько, конечно, не наберется. Пока рассчитывай так: одного для опричников, одного для разведки, по одному для лучников и стрелков.

– Значит, четыре?

– Ты четырех-то найди.

– Угу. А со скотиной что?

– Прохор подскажет, он в этом деле мастер. Можешь для начала разобраться с конским загоном, сколько его с места на место переставлять? Пусть Прохор с мастером Гвоздем посоветуется, потом Демьяну Лавровичу выбранное место покажете, решите, как и когда строить. Не пытайся сам все решить, вокруг тебя люди, и каждый из них в своем деле лучше тебя разбирается, вот и пользуйся их знаниями и умениями.

– Угу. Разберемся.

К Мишкиному удивлению, Матвей отнесся к расширению круга его обязанностей совершенно спокойно, даже как будто равнодушно. Что-то Мишке в его спокойствии не понравилось, и он уже собрался каким-нибудь вопросом прояснить ситуацию, но Матвей объяснил все сам:

– Как я понимаю, ты мне поручаешь пригляд за всем живым, что в крепости и вокруг нее обретается? Так?

– Так.

– Ну тогда два условия: первое – ты приказываешь всем, чтобы по лекарским делам все подчинялись мне так же, как лекарке Юлии...

– Согласен, – торопливо ответил Мишка, чувствуя, что первое условие мелочь по сравнению с тем, что последует дальше.

– ...Второе, – продолжил Матвей, – я возьмусь за это дело только с одобрения лекарки Настены. Если она скажет «нет», не обессудь.

– Тебе старшина приказывает! – возмутился Дмитрий.

– А хоть бы и сам князь! – спокойно парировал Матвей. – Вы вот тут о воеводском наследстве толковали, а лекарка Юлия унаследует от матери, самое меньшее, власть над Ратным, над нами, над Выселками и еще над несколькими селищами. Это – самое меньшее! А если подумать, то неизвестно еще кто после Нинеи Великой волхвой станет – Красава или Юлия?

– Да ты что?! – Роська аж подскочил на лавке. – Она крещеная! Христианка!

– Когда тебе в бою кишки выпустят, – ледяным тоном отозвался Матвей, – тебе наплевать будет, христианка она или язычница, лишь бы брюхо зашила и помереть не дала.

Сказано это было так, что Роська застыл с раскрытым ртом, остальные тоже как-то ссутулились, словно на плечи им опустилась невидимая тяжесть, а Мишка вспомнил, как удивило его полгода назад то, что Мотька взялся помогать Юльке пользоваться раненых, не пугаясь ни крови, ни ран.

– Нинейя уже сейчас с Юлией справиться не может, – продолжил Матвей, – а когда она в полную силу войдет, под нее все Погорынье согнется. А тех, кто не согнется, того мы в мечи возьмем! Кто-нибудь из вас приказу Юлии противиться сможет? Ну? Сможете?

Матвей поочередно глянул на каждого из советников академии, и все, один за другим, опустили глаза, даже Роська. Один лишь Мишка выдержал взгляд ученика лекарки, но тошно ему от этого стало так, что хоть вой. И не только оттого, что он вдруг понял: видел Матвей выпущенные кишки (и не раз), знает, как умирают в муках люди (и не понаслышке), а кровь, боль, раны – не самое страшное, что пришлось узнать этому подростку в жизни. Гораздо хуже было то, что расклад противоборствующих сил оказался гораздо сложнее, чем Мишка себе представлял, вовсе не таким однозначным, как выходило со слов деда, матери, Нинейи, боярина Федора. Что-то темное, сильное и страшное обозначилось за словами и поведением Матвея... Единственное сравнение, которое Мишка сам для себя смог подобрать, – жуткий негритянский культ вуду, угнездившийся внутри внешне благопристойной, политкорректной Америки.

Матвей, недолго поиграв с Мишкой в гляделки, не отвел глаза, а слегка кивнул, полу-прикрыв веки, и констатировал, будто отвечая каким-то своим мыслям:

– Не зря тебя Юлия изо всех выделяет... и Нинее ты люб. Все правильно понимаешь, а если понимаешь...

– Встать! – лязгающим голосом оборвал Матвея Мишка. – Встать, ворох драный!!!

Охватившая его злость не имела ни малейшего отношения к лисовиновскому бешенству – Михаил Андреевич Ратников вспомнил, как в далеком XX веке его то смешили, то злили попытки сына изображать из себя взрослого мужчину, хотя для этого не было никаких оснований, кроме, в сущности детского, желания самоутвердиться.

Матвей уже второй раз за весьма непродолжительное время перешел границы дозволенного – пользуясь наличием знаний, отсутствующих у собеседников, позволял себе менторский тон и подчеркнутую независимость от старших. В первый раз это случилось у постели раненого Мишки, когда Матвей принялся рассуждать на тему, что надо и что не надо делать старшине Младшей стражи. Тогда чувство реальности Матвею вернул дед, но урок, как видно, не пошел впрок. Теперь проводить ту же операцию пришла Мишкина очередь.

Справедливости ради, надо было, конечно, признать, что спровоцировал подобное поведение Матвея отчасти сам Мишка, когда отшил Роську с его попреками за обиду отца Михаила, но кто же знал, что Мотька, аккуратно выполнявший требования, предъявляемые православному христианину, так увлечется языческими делами? Положение дополнительно осложнялось тем, что Матвей на этот раз явно копировал кого-то, кто *имел право* вот так разговаривать с людьми. Кого? При каких обстоятельствах Мотька мог этому научиться?

– Встать, я сказал! – повторил Мишка, потому что Матвей, и не подумав выполнить приказ, продолжал сидеть, иронично приподняв одну бровь и нагло глядя на старшину Младшей стражи. На повторный приказ он тоже не отреагировал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.